

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

№ 1 · 2014

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

1-2014

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Издаётся с марта 1999 г. Периодичность 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам. гл. редактора); Бедерханова В.П., д-р пед. наук, профессор (Кубанский государственный университет); Дёмин А.Н., д-р психол. наук, проф. (зам. гл. редактора); Ермоленко В.В., д-р экон. наук, доцент; Ждановский А.М., канд. ист. наук, проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. наук, доцент; Кольба А.И., канд. полит. наук, доцент (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., ответственный секретарь; Лаврова Т.Г., канд. экон. наук, доцент; Лузаков А.А., д-р психол. наук, доцент; Мясникова Т.А., канд. экон. наук, доцент; Ожигова Л.Н., д-р психол. наук, проф.; Остапенко А.А., д-р пед. наук, проф.; Рябикова З.И., д-р психол. наук, проф. (Кубанский государственный университет); Рябченко Н.А., канд. полит. наук (технический директор); Савва Е.В., канд. философ. наук, доцент; Филиппов Ю.В., канд. экон. наук, проф.; Фоменко Г.В., д-р психол. наук, проф.; Юрченко В.М., д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора).

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России); Бодалев А.А., д-р психол. наук, проф., академик (Российская академия образования); Дмитриев А.В., д-р философ. наук, проф., член-корр. РАН (Институт философии Российской академии наук); Жаде З.А., д-р полит. наук, проф. (Адыгейский государственный университет); Журавлев А.А., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН (Институт психологии РАН); Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова); Знаков В.В., д-р психол. наук, проф. (Институт психологии Российской академии наук); Иванов А.Г., д-р ист. наук, проф. (Кубанский государственный университет); Кесслер Юрген, д-р права, проф. (Университет прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); Кузьмина Н.В., д-р психол. наук, проф. (Российская академия образования); Никовская А.И., д-р социол. наук, проф. (Институт социологии Российской академии наук); Оркенъ Антал, д-р наук, профессор (Университет Ролана Этвоша, Будапешт, Венгрия); Подшивалкина В.И., д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); Поцелуев С.П., д-р полит. наук, проф. (Южный федеральный университет); Романова А.П., д-р филос. наук, проф. (Астраханский государственный университет); Семенов И.С., д-р полит. наук, проф. (Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук); Сморгун А.В., д-р философ. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); Фадеева Л.А., д-р истор. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет); Шабров О.Ф., д-р полит. наук, проф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ); Швецов А.Н., д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа Российской академии наук); Янушкявичене О.А., д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский педагогический университет, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 14.03.2014. Уч.-изд. л. 11,7. Усл. печ. л. 12,08. Тираж 1000 экз. Заказ №

1-2014

Содержание

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Баджпай А. Динамика внутригосударственных конфликтов в Южной Азии 6

Довбыш Е. Г. Роль глобальных сетей городов в мировой политике 18

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сморгунов А. В. От услуги к ценности услуги: российский опыт связанного управления в европейской перспективе 32

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

Шестопал Е. Б. Сдвиги в восприятии власти российскими гражданами в 2010-х гг. 52

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Шульц Э. Э. Типология революций: история создания и современное состояние 65

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Берберян А.С., Тучина О.Р. Исследование особенностей самоинтерпретации личности в разных этнических общностях. 84

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Лабунская В.А., Менджершук Ю.А. Детерминанты кодирования детьми лицевой экспрессии эмоций: опыт общения и гендер 101

Медведева Е.В. Специфические проявления субъектности у детей с нарушениями двигательной сферы. 114

Филипиди Т.И., Флоровский С.Ю. Взаимосвязь социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий подростков с компенсированной затрудненностью психического развития. 124

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ. 142

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ. 144

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Science Journal

1-2014

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room k. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editors:

Prof. **T.A. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), Deputy Editor-in-chief; Prof. **V.P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University; Prof. **A.N. Demin**, Dr. Sci. (Psychology), Deputy Editor-in-chief; Assist. Prof. **V.V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Prof. **A.M. Zhdanovsky**, Cand. Sci. (History); Assist. Prof. **A.N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **A.I. Kolba**, Cand. Sci. (Political Science), Deputy Editor-in-chief; **G.S. Kourbatova**, Executive Editor; Assist. Prof. **T.G. Lavrova**, Cand. Sci. (Economics); Assist. Prof. **A.A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **T.A. Miasnikova**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **L.N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **A.A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Z.I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University; **N.A. Riabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Technical Officer; Assist. Prof. **Ye.V. Savva**, Cand. Sci. (Philosophy); Prof. **Yu.V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **G.V. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **V.M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), Deputy Editor-in-chief.

Editor-in-chief:

Prof. **Yelena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy)

Editorial board:

Prof. **T.A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), Moscow State Institute of International Relations – University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Prof. **A.A. Bodalev**, Dr. Sci. (Psychology), Member of Rus. Acad. of Education; Prof. **A.V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Member of Rus. Acad. Sci. (Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy); Prof. **Z.A. Jadé**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghee State University; Prof. **Yu.P. Zinchenko**, Dr. Sci., (Lomonosov Moscow State University); Prof. **V.V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology; Prof. **A.L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology; Prof. **A.G. Ivanov**, Dr. Sci. (History), Kuban State University; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, Hochschule für Technik und Wirtschaft Berlin – University of Applied Sciences Berlin, Germany; Prof. **N.V. Kuzmina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education; Prof. **L.I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology; Prof. **Antal Orkeny**, DsC (Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary); Prof. **V.I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Mechnikov Odessa National University, Ukraine; Prof. **S.P. Potzeluyev**, Dr. Sci. (Political Science), South Federal University; Prof. **A.P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University; Prof. **I.S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of International Economics and International Relations; Prof. **L.V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University; Prof. **L.A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State National Research University; Prof. **O.F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service under the President of the Russian Federation; Prof. **A.N. Shvetzov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute of Systemic Analysis; Prof. **O. L. Januškevičienė**, Dr. Sci. (Pedagogy), Dr. of Mathematics, Lietuvos edukologijos universitetas – Lithuanian University of Educational Sciences.

1-2014

CONTENTS

INTERNATIONAL POLITICS

Bajpai A. Dynamics of Intra-State Conflicts in South Asia 6

Dovbysh E. On the role of global networks of cities in world politics 18

POLITICAL MANAGEMENT

Smorgunov L. From services to the value of services: Russian experience
of connected governance in European perspectives 32

SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY OF POLITICS

Shestopal E. Swings in Perception of Authorities in the beginning of 2010-s..... 52

PROBLEMS OF POLITICAL THEORY

Shults E. Typology of revolution: history of creation and modern state. 65

CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY

Berberian A., Touchina O. Research in peculiar personal self-interpretation
in different ethnic communities 84

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT

Labunskaya V., Mendzheritskaya J. Determinants of facial expression coding
in preschool children: role of communication experience and gender..... 101

Medvedeva Ye. Specific subject manifestation of children with motional
deviations..... 114

Filipidi T., Florovsky S. Interrelation of socio-communicative skills
and coping strategies of teenagers with compensated difficulties
of psychological development 124

INFORMATION FOR THE AUTHORS 142

HOW TO FORMAT AN ARTICLE 144

ДИНАМИКА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ЮЖНОЙ АЗИИ

.....

А. Баджпай¹

В статье рассматривается природа и динамика внутригосударственной конфликтности в южно-азиатском регионе, роль региональных и внешних акторов в конфликтных процессах. Наиболее важным из внутрирегиональных факторов, влияющих на динамику того или иного конфликта, является реакция на него Индии. К числу наиболее значимых внешних акторов относятся США и Китай. Автор исследует эти проблемы в контексте особенностей интеграции стран региона, присущих им экономических и социальных противоречий. Отмечаются фундаментальные различия между ними как в плане экономического развития, так и в устройстве политических систем. В то же время большинству стран Южной Азии присущи проблемы социальной депривации и глубокого неравенства, ставшие основой конфликтного потенциала. Значительное внимание уделяется специфике конфликтов в отдельных странах, связанной с различными комбинациями этнических, религиозных, политических и других факторов. В большинстве случаев возникающие конфликты имеют насильственный характер и протекают в форме вооруженной борьбы. Подвергаются критике попытки исследователей объяснить наличие этих конфликтов воздействием какого-либо одного фактора, что не позволяет отразить их многомерную сложность. В наиболее крупных конфликтах можно увидеть проявления национализма, религиозного фундаментализма, террористических угроз. Выделяется четыре основных переменных, определяющих динамику внутригосударственных конфликтов в странах Южной Азии: реальная или субъективная маргинализация определённых социальных групп; наложение идентичностей и государственных границ; действия государства в ответ на возникновение конфликта; связь с внешней средой, как внутри-, так и внерегиональной.

Ключевые слова: конфликт, Южная Азия, динамика, Китай, Индия, идентичность, маргинализация, терроризм.

Понятие «Южная Азия» как географическое целое зачастую оспаривается специалистами в качестве устоявшегося термина, однако в профессиональном сообществе никто не отрицает того, что у Южной Азии в мире сохраняется репутация одной из потенциально конфликтных зон, уникальность которой в том, что любые конфликты отличаются интенсивной региональной динамикой развития. Южно-азиатские внутри- и межгосударственные конфликты не взаимоисключают друг друга. Динамика этих двух черт южно-азиатских конфликтов подчёркивает их взаимосвязь и пересекаемость по

¹ Баджпай Арунодай – доцент, заведующий кафедрой политологии, колледж Агра, Британский университет д-ра Амбедкара, Агра (Индия). Эл. почта: arunodaybajpai@gmail.com.

многим параметрам. Внутригосударственные конфликты могут принимать форму межгосударственных из-за того, что динамичны в своём развитии и потенциально угрожают региональной стабильности. Конфликтологически отрицательный синергетический эффект взаимопроникающих внутригосударственных конфликтов в Южной Азии намного сильнее синергетического эффекта современных межгосударственных конфликтов в регионе, генерируемых и долговременно поддерживаемых религиозной пестротой и этнической чересполосицей, неравномерным политическим развитием и неравными экономиками.

Существуют ещё два элемента, ещё более осложняющих природу динамики южно-азиатских конфликтов. Первый из них — так называемый индийский фактор. Не по своей воле Индия представляет собой самого большого и наиболее развитого актора, расположенного в центре Южной Азии и в идеале служащего региональной стабилизирующей силой. К сожалению, реальность далека от идеальности. Прямо или косвенно Индия сама стала основным стейкхолдером основных внутригосударственных южно-азиатских конфликтов или считается таковой. Если Индия выбирает упреждающую роль в таких конфликтах, к ней начинают относиться как региональному троллю. Если же выбор Индии — в пользу неучастия в конфликте, то это отрицательно влияет на её главные национальные интересы или статус региональной державы. С этой дилеммой, которая неотъемлема от природы динамики любого южно-азиатского конфликта, индийские политики вынуждены считаться постоянно с момента обретения Индией независимости. Второй фактор — вовлечение в южно-азиатские конфликты внешних акторов, чьи интересы возникают в их политических конструктах в связи со стратегическим значением региона. Этим с успехом пользуются региональные акторы, уравнивая индийское влияние на регион. К наиболее важным внешним акторам относятся Китай и США. Настоящая статья представляет собой попытку очертить наиболее характерные черты динамики внутригосударственных конфликтов в Южной Азии, что способствует углублению поддержки строительства регионального мира и стабильности.

Южная Азия: кризисы идентичности и роста

Географическая идентичность Южной Азии всегда подвергалась сомнению, в этом вопросе консенсус никогда не достигался. Ранее этот регион был известен как Индийский субконтинент, однако американские и британские политические мыслители преднамеренно предпочитали называть его Южной Азией, тем самым исключая из термина преимущественное региональное положение Индии. «Термин «Южная Азия» как преемственный «Индийскому субконтиненту» введён в обиход США и Британией в основном для приумножения естественного доминирования на субконтиненте Индии

и успокоения своего протее Пакистана, т.е. для исключения его из всего, что может быть названо индийским» [Karila, 2002]. Тем не менее, в настоящее время термин «Южная Азия» в основном принят большинством. Схема субрегионов ООН включает все восемь членов Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (ЮААРС) вместе с Ираном как частью Южной Азии. Другая международная организация, Информационная сеть ООН по народонаселению, включает в регион другие восемь стран региона, а именно: Афганистан, Бангладеш, Бирму, Индию, Непал и Шри-Ланку (за исключением Мальдив) как относимые к Тихоокеанскому субрегиону. Комиссией ООН по Азии и Тихоокеанскому региону страны — основатели ЮААРС рассматривает как часть Южной Азии. Ведущие страно- и регионоведческие программы в различных университетах также не имеют консенсуса по вопросу о том, какие страны относимы к Южной Азии. Тем временем Центр южно-азиатских исследований Кембриджского университета распространил свои исследования на Индонезию и Малайзию, центры южно-азиатских исследований в Мичиганском и Вирджинском университетах включают в Южную Азию семь нынешних членов ЮААРС (кроме Мальдив) и Тибет. Настоящая статья ограничивает регион только членами ЮААРС.

Как и географическая, культурная идентичность региона страдает от мириад этнических, религиозных и языковых дроблений, поддерживавшихся в колониальный и пост-колониальный периоды и увековеченных к настоящему времени. У стран Южной Азии не только разный уровень экономического развития, но и экстремально противоположные политические системы. И это несмотря на то, что все страны региона имеют давние и богатые традиции обмена идеями и культурой. Проблема здесь — в основных акторах региона и внутри них. Как отмечает Нира Чандоке, «Южная Азия представляет из себя регион, отягощённый многочисленными проблемами: колоссальная социальная депривация и глубокое неравенство, с одной стороны, и хрупкие демократические традиции и стремление к авторитаризму — с другой. Проблема осложняется трениями между соседними государствами, религиозными и языковыми трениями внутри них. Это привело к образованию поляризованных или поляризованных до определённой степени гражданских обществ и репрессивных государств» [Chandoke, 2008]. Хотя страны в течение последних 25 лет пытаются укрепить экономическое сотрудничество через механизмы ЮААРС, прогресс еще далёк от того, что можно было бы сравнить с другими регионами мира: региональные акторы скорее смотрят в разные стороны, вместо того чтобы задуматься над тем, почему настолько слаба в Южной Азии региональная интеграция. Региональное сотрудничество с целью достижения регионального мира — мечта, построенная на песке. По этому поводу Питер Джонс отмечает: «Не выбейтесь из сил, рассматривая сегодняшнюю Южную Азию как регион, население которого имеет оправданные ожидания на мирные перемены. Более того, если кто-то примет пуристскую

точку зрения на термин «региональное безопасное сообщество» и включить в уравнение масштабные проблемы типа насилия на уровне государства или межгосударственное насилие, это уведёт его от решения проблем ещё дальше» [Jones, 2010]. Согласно докладу Мирового банка «Южная Азия: Рост и региональная интеграция», торговля внутри региона составляет менее 2% ВВП относительно 20% по Южной Азии; только 7% международных телефонных вызовов происходят внутри региона, что намного ниже 71% таких вызовов из Южной Азии (основные демографические и экономические показатели стран региона отражены в таблице). Южная Азия в рейтинге регионов мира стоит последней по насыщенности авто- и железными дорогами и мобильной связью в расчёте на душу населения [South Asia..., 2006].

Включение в 2007 г. в границы ЮААРС Афганистана серьёзно повлияло на динамику региональных конфликтов, и некоторые комментаторы рассматривают это как легитимацию военной интервенции США в Афганистан без санкции ООН во имя борьбы с мировым терроризмом. Как отмечает учёный Нинан Коши, «совершенно ясен мотив США включить Афганистан в ЮААРС. Это результат усердий включить охваченную войной страну в институциональные рамки так, чтобы они (т.е. существующий статус) предполагали бы легитимность» [Koshy, 2009]. Кроме того, поскольку эпицентр мирового терроризма и соответственно борьба с ним находятся в Афганистане, США втянули в эту борьбу и Пакистан, и Индию новейшей стратегией Аф-Пак, что связано с серьёзным подтекстом в изменении природы конфликта в Южной Азии. Пока индийские учреждения в Афганистане подвергались атакам террористов, талибы преуспели в укреплении своей сети в регионах Пакистана, пограничных с Афганистаном. Вазиристан и регионы, прилежащие к границе Афганистана с Пакистаном, стали за последние годы горячими точками южно-азиатского конфликта. За последние три года, в течение которых талибы преуспели в культивировании районов ограниченного применения оружия, силы НАТО применяли атаки дронов-беспилотников в тех регионах, где они не имели формального разрешения пакистанского правительства. Пакистан также проводил безуспешные военные операции против террористов в данных регионах, а резонанс этих событий ощущим в виде страха и тревоги в индийской части Кашмира.

Динамика конфликтов в Южной Азии ввиду их стратегического значения оказывает существенное влияние на развитие региональных событий. Если не принимать во внимание Африку, Южная Азия — наименее развитый регион мира. Из восьми его стран четыре — Афганистан, Бангладеш, Непал и Мальдивы — самые малоразвитые страны по параметрам ООН. Однако Мальдивы недавно, в декабре 2010 г., исключены из категории наименее развитых стран. В Южной Азии проживает 20% населения Земли, занимающие всего 2,4% территории суши, при этом 400 млн. чел. (25% населения Южной

Основные демографические и экономические индикаторы стран Южной Азии
в 2009-2010 гг.

Страна	Площадь, км ²	Население	Плотность населения, чел/км ²	ВВП (номиналь- ный), млн. дол. США	Доход на душу населения, дол. США
Бангладеш	147,570	162221000	1,099	100,002	551,0
Бутан	38,394	697000	18,0	1,269	1,832
Индия	3287240	1198003000	365,0	1,430,000	1,176
Мальдивы	298,0	396334	1,330	1,357	4,388
Непал	147,181	29331000	200,0	12,615	427,0
Пакистан	803,940	180808000	225,0	166,515	981,0
Шри-Ланка	65,610	20238000	309,0	41,323	2,068
Афганистан	647,500	33609937	52,0	14,044	486,0

Азии) живут за чертой бедности, на один доллар США в день), а это 43% от всего количества бедных на Земле. В той или иной степени межгосударственные и внутригосударственные конфликты посягают на региональную экономику [Iqbal, Sial, 2007]. Подготовленный ТПП ЮААРС отчёт сжато описывает экономическое отставание Южной Азии при её широчайших возможностях роста: «Несмотря на то, что Южная Азия осчастливлена тем, что 45% её населения составляет трудоспособная молодёжь и регион представляет собой крупнейший рынок мира и имеет ресурс устойчивого развития, он производит всего 1,5% ВВП и 1,2% мирового экспорта. Южно-Азиатский регион неважно выглядит на фоне такой маленькой азиатской страны, как Сингапур, 4,9 млн. населения которой только в 2009 г. экспортировали продукции на 268 млрд. дол. США, а Южная Азия в целом с её населением в 1,6 млрд. смогла в это же время экспортировать только 238 млрд. дол. США» [Round up of 16th SAARC Summit, 2010].

Конфликт в Южной Азии: стратегическое измерение

Несмотря на то, что лозунги «Азиатский подъём» или «Азиатская эпоха» не фигурируют в современных дебатах, Южная Азия с её стратегическим значением влияет на то, чтобы эти заголовки появились в такого рода обсуждениях, за что выступают Кишор Махбубани [Mahbubani, 2008] и другие, поскольку само стратегическое значение Южной Африки не менее важно, способствуя прямому или косвенному вмешательству извне в меж- и внутригосударственные конфликты. Во-первых, через Индийский и Тихий океаны и Аравийское море, окружающие регион соответственно с запада, юга и востока, пролегают основные торговые пути с Востока на Запад, и их безопасность зависит от стабильности в Южной Азии. Учащающееся пиратство в Аденском заливе привело к размещению американских, китайских и других морских сил с целью защиты

морских маршрутов. Во-вторых, Южная Азия с 2001 г. стала мировой горячей точкой борьбы с терроризмом, после того как США и НАТО глубоко завязли в нестабильной ситуации в Афганистане, и ситуация здесь далека от стабильной, по крайней мере в ближайшем будущем, что серьёзно влияет на региональную южно-азиатскую стабильность. Ещё в эпоху холодной войны этот регион был точкой противостояния супердержав из-за присутствия в Афганистане советских войск. В-третьих, поскольку Китай стал мировой державой и Индия вскоре последует его примеру, соревнование между этими двумя игроками за влияние в регионе принимает форму стратегического противостояния. Растущая вовлечённость Китая в южно-азиатские дела в течение последних пяти лет известно как стратегия конциркулярности в терминах Аруна Сагела. В соответствии с этой политикой Китай обеспечивает безопасность и защищает её инфраструктуру в южно-азиатских странах, окружающих Индию [Sahgel, 2006]. Вот только некоторые элементы китайской политики конциркулярности: китайская военная и ядерная помощь Пакистану, участие в строительстве порта Гвадар в Пакистане, удлинение Каракорумского шоссе с целью получить доступ к Индийскому океану через территорию Пакистана, индуцирование споров о статусе Кашмира, продажа оружия, получение доступа к портовым услугам в Бангладеш (Читтагонг) и Шри-Ланке (Хамбантота), молчаливое взаимопонимание с непальскими маоистами, стратегические связи с военной хунтой в Мьянме. Такая политика окружения Индии Китаем с помощью других южно-азиатских стран не только служит причиной беспокойства Индии, но и оказывает серьёзное воздействие на состояние мира и конфликтности во всём регионе. По мнению исследователя Билла Эммотта «эта политика, преследующая экономические интересы, в среде индийских стратегов звенит тревожным звонком и может послужить прекрасным новым источником трений между Индией и Китаем. Индийцы всегда сверхчувствительны к поддержке своего архиврага Пакистана китайцами, заключающейся в поставке обычного вооружения и технической помощи в ядерной области. Они видят в этом начавшиеся в 1962 г. усилия китайцев связать Индию региональными конфликтами» [Emmott, 2009]. Участие Индии и Китая в замороженных конфликтах Южной Азии, похоже, ведёт к двум последствиям. Во-первых, к превращению внутригосударственных конфликтов в конфликты большего, регионального масштаба, разрешение которых может ускользнуть в руки внерегиональных акторов. Во-вторых, из-за возрастающей сложности конфликтов возможно увековечение или возникновение межгосударственных конфликтов.

Динамика внутрирегиональных конфликтов в Южной Азии

Термин «динамика» в физике относится к анализу причин движения и изменений в движении движущегося объекта. Конфликт есть социальное явление, характеризующееся невозможностью достижения согласия между двумя

или более сторонами или группами. Конфликт может быть насильственным и ненасильственным. Тем не менее, в данном случае мы рассматриваем вооружённые внутригосударственные конфликты. Суба Чандран определяет внутригосударственный вооружённый конфликт как «вооружённый конфликт между двумя группами, в котором насилие осуществляют каждая или обе, одна из которых государство, и который приводит к человеческим и материальным потерям» [Chandran, 2011]. Это, безусловно, оставляет в стороне те ожесточённые конфликты, в которых государство не является одной из сторон, например, общественное насилие в Индии или этнические стычки между непальцами и мадхеси в Непале, которые носят региональный характер и оказывают влияние на мир в регионе. Ещё раз подчеркнем: конфликт считается процессом, в котором две стороны с различными интересами или точками зрения на протяжении длительного времени участвуют в решении собственных задач. Шив Хари и др. определяют конфликт как «ситуацию, в которой стороны не могут разрешить свои различия в рамках существующих институциональных механизмов» [Hari and et al. 2003]. Фактически же конфликт представляет собой циклический процесс, проходящий через следующие этапы: начало, развитие, кульминация и разрешение или сжатие до состояния постконфликтной фазы. Здесь идея динамичности конфликта становится релевантной тому, что делает возможным анализ причин и изменяющихся размеров конфликта. Динамика конфликта включает в себя весь циклический процесс конфликта и его взаимодействие с внутренним и внешним окружением.

Южно-Азиатский регион склонен к конфликтам. Все страны региона, за исключением Мальдив, прошли через пост-колониальный период развития. В настоящей статье мы остановимся только на основных конфликтах последнего десятилетия, оказавших влияние на региональную стабильность. Так, Пакистан продолжает быть прямым участником трёх основных конфликтов. Первый из них — подъём белуджских националистов, развязавших вооружённую борьбу за создание отдельного государства Белуджистан на территориях Пакистана, Ирана и Афганистана, населённых белуджами. Вторую категорию составляют конфликты, носящие этнический и религиозный характер: тройная борьба между синдами, центральным правительством и мухаджирами (мусульманами — мигрантами из Индии) в провинции Синд Пакистана, а также конфликт между шиитами и суннитами по всей территории страны. Шиитов, составляющих 15% всего населения, в Пакистане меньшинство. Соседний Иран, единственный режим с большинством шиитов, во время такого конфликта может вторгнуться в Пакистан. Недавние горячие точки — это места шиитско-суннитских столкновений, в основном в регионах расселения хайберских и куррамских племён.

Конфликты третьего типа, связанные с террористическими угрозами и исламским фундаментализмом, носят не только региональный или глобаль-

ный характер, но и представляют угрозу самому Пакистану как государству. Силы США и НАТО преследуют талибов-террористов, а последние перегруппировались и консолидировали свои силы в племенном поясе и некоторых районах северо-восточной границы Пакистана под знаменем Техрик-и-Талибан Пакистана. Приграничные регионы Пакистана и Афганистана — основные горячие точки и опорный пункт для террористических элементов, которые распространили свои глобальные и региональные сети на Индию и Бангладеш. Пока Афганистан продолжает быть разделённым по линиям этнических и племенных соперничеств, признаков политической стабильности не видно, Пакистан погружён в огненную пучину фундаментализма и террористического насилия с нежизнеспособной экономической системой и слабыми государственными институтами. Имеются также сигналы появления у афганского населения настроений противодействия силам НАТО. Части талибов снова перегруппировались и стали активны после ввода войск НАТО. Параг Ханна рассматривает и Афганистан, и Пакистан как племенные федерации со слабыми государственными институтами, «проклятых нелегальными потоками оружия, наркотиков и исламских боевиков. В обеих странах количество самоподрывов достигло таких размеров, что они стали пустым местом — уже никто, похоже, не спрашивает, зачем они» [Khanna, 2008].

Индия, самая большая страна региона, увеличивающая своё мировое влияние, измучена конфликтами, из которых наиболее значимы сепаратизм и терроризм в Кашмире и других регионах, мятежи на северо-востоке, наксалитское насилие в центральной и восточной территориях; у каждого из этих конфликтов есть региональная сеть и межгосударственное измерение. И если насилие в Кашмире и терроризм по всей стране поддерживаются и поощряются Пакистаном, а северо-восточные инсургенты уже давно имеют безопасные укрытия на территориях Мьянмы и Бангладеш, то наксалиты и индийские маоисты с благословения китайского правительства и компартии Китая завязали тесные контакты с непальскими маоистами. И хотя ни один из этих конфликтов не обладает потенциалом, угрожающим индийской государственности, они высасывают из Индии энергию, которая нужна ей для более быстрого роста и укрепления роли в мировых процессах. Относительно развитая в терминах индекса развития человеческого потенциала страна Шри-Ланка страдала от крупного и разрушительного этнического конфликта с тамилами с 1983 по 2009 г., но и даже после военной победы, когда Тигры освобождения Тамил Илама были уничтожены силами безопасности Шри-Ланки, не видно политического решения тамильской автономии. Из-за этнической связи с индийскими тамилами Индия также глубоко вовлечена в этот конфликт с момента убийства индийского лидера Раджива Ганди командой смертников Тигров освобождения Тамил Илама.

В последнее десятилетие исламские боевики и левые экстремисты поднимаются и в Бангладеш. Известные бангладешские исламские военизированные организации Харакат Джихад Аль-Ислами и Джамаат Уль-Муджахидин не только завязали тесные контакты с Аль-Каидой, но и нашли опору в Индии. Бедственное экономическое положение Бангладеш направило поток чакманских беженцев и беженцев других групп в северо-восточные части Индии, что привело к гражданским распрям в Ассаме и других индийских регионах. Чакманы-буддисты, в основном сконцентрированные в холмистых районах Читтагонга, требуют большей автономии, что встречает сопротивление правительства. По этой же причине и в силу недостатка развития и демократии Непал столкнулся с более чем десятилетней (1986-2006 гг.) маоистской партизанщиной и вооружённой борьбой. Несмотря на то, что маоисты присоединились к политическому мейнстриму страны в 2006 г., их воинствующие сторонники пока не реабилитированы, и Непал страдает болезнью раздробленного государственного устройства. Срастающим китайским влиянием на непальских маоистов индийская безопасность по части развития Непала под угрозой. Маленькая страна Бутан также страдает от этнического конфликта между друкпанами и непальцами, хотя и в управляемом масштабе.

На сегодняшний день фундаментальной проблемой остаётся способ анализа подлинной массы сложных конфликтов, существующих в Южной Азии. Лаксами Айер и Иджаз Гани коренной причиной внутренних конфликтов в Южной Азии считают экономическое отставание или недостаток развития. На основе данных о конфликтах, взятых из различных источников, они пришли к выводу, что отстающие регионы склонны к конфликтам [Laxami, 2009]. Другой исследователь, Суба Чандрар, доказывает, что внутригосударственные вооружённые конфликты в Южной Азии в основном основаны на субнационалистических идентичностях [Chandran, 2011], а Суббаш Капила утверждает, что основным препятствием в разрешении южно-азиатских конфликтов является внешнее вмешательство Китая и США, осуществляемое через Пакистан как деструктивную силу, отсутствие честных посредников и историческое и цивилизационное прошлое [Kapila, 2002]. По мнению Дугласа Аллена «современные политические баталии в Южной Азии принимают религиозную форму; одновременно с этим различные, зачастую доминантные позиции всё более и более политизируются» [Allen, 1992]. Однако такой однопричинный анализ южно-азиатских конфликтов сопряжён с трудностями и узостью, поскольку ему не удаётся ухватить многопричинную и многомерную сложность текущих конфликтов. В этом смысле терроризм представляет собой отдельный случай, поскольку корни его могут уходить в отсталый регион, но место действия — богатые урбанизированные регионы. Сложность борьбы с терроризмом проистекает из того, что места его происхождения и реализации фрагментированы, широко разбросаны и разнообразны и потому не являются окончательными союзами. Подобная проблема появляется и в классификации

конфликтов по этническим, религиозным, политическим или экономическим категориям, поскольку эти категории не исключительны. Альтернативой может послужить концентрирование не на содержании конфликта, а на процессе, на динамике конфликтов и комбинации многочисленных переменных. Динамика внутригосударственных конфликтов в Южной Азии состоит из четырёх наборов переменных.

1. Реальная или субъективная маргинализация группы, политическая, экономическая или социокультурная. Этот набор переменных играет критическую роль в происхождении следующих конфликтов: наксалиты в Индии (экономическая маргинализация), тамильский конфликт в Шри-Ланке, общинный конфликт и волнения на северо-востоке Индии (все типы реальной или субъективной маргинализации).

2. Субъективная маргинализация за пределы данной идентичности — этнической, религиозной или консолидированной на основе исторического опыта или под влиянием главенствующих обстоятельств. В случае с Южной Азией интенсивное проявление таких идентичностей и их трансграничная протяжённость (исламская и тамильская идентичности) критично для формирования природы конфликтов. Дж. Н. Диксит замечает, что если политические границы в Южной Азии хорошо определены, то этнические, языковые и культурные идентичности народов нахлёстываются друг на друга и выходят за пределы государственных границ [Dixit, 2001]. По Шибашису Чаттерджи, этнические конфликты по преимуществу этнические или в значительной степени конфликты идентичностей, в которых конструкция угроз, врагов и друзей играет главную роль [Chatterjee, 2005].

3. Ответ государства на конфликт, который может быть военным, политическим или экономическим. По всей вероятности, эклектичный ответ наиболее подходящ для управления конфликтами (волнения на северо-востоке Индии).

4. Связь с внешней средой, которая может быть как внутри-, так и внерегиональной. Как уже говорилось, большинство конфликтов в Южной Азии имеют межгосударственные взаимосвязи, что обусловлено кросс-национальной природой идентичностей и региональным историческим опытом. Вмешательство Китая и США в Южной Азии стало критичным для всех конфликтов, связанных с терроризмом, например кашмирский спор или наксализм. Внешние связи могут как благоприятствовать, так и не благоприятствовать конфликту. Например, после начала всемирной борьбы с террором в 2001 г. борьба тамилы встретилась с неблагоприятным региональным и международным ответом на неё, что привело к её развалу.

С учётом приведённого анализа южно-азиатских внутригосударственных конфликтов среди наиболее привлекающих внимание черт могут быть выделены следующие: многопричинная и многомерная природа конфликтов, их межгосударственные взаимосвязи, в которых Индия всегда придерживается

одной позиции; главенство маргинализации и идентичности в природе конфликта; терроризм, появляющийся в горячих точках Южной Азии с 2001 г., и действия Китая и США, обеспечивающие конфликтам внешние связи.

Библиографический список

1. Allen D. 1992. *Religion and Political Conflict in South Asia*. London: Greenwood Press.
2. Chandoke N. 2008. *Exploring the Right to Secession: South Asian Context* // South Asia Research. Vol. 28, № 2.
3. Chandran S. 2011. *Intra-state Armed Conflicts in South Asia: Impact for regional Security*. URL: <http://www.ifa.org.np/pdf/prc/subachandran.pdf>.
4. Chatterjee S. 2005. *Ethnic Conflict in South Asia: A Constructivist Reading* // South Asian Survey. Vol. 12, № 1.
5. Dixit J.N. 2001. *The Future of Security in South Asia* // South Asian Survey. Vol. 8, № 1.
6. Emmott B. 2009. *Rivals: How the Power Struggle between China, India and Japan will Shape our Next Decade*. London: Penguin Books.
7. Hari S. and et al. 2003. *Internal Conflict and Regional Security in South Asia: Approaches, Perspectives and Policies* // United Nations Institute for Disarmament Research. URL: http://www.researchcollective.org/Documents/Internal_Conflict_and_Regional_Security.pdf.
8. Iqbal K., Sial S. 2007. *Armed Conflict in South Asia: Overview and new Dimensions* // Regional Strategic Issues, Pak Institute for Peace Studies, Knowledge for Peace, South Asia Net. URL: <http://www.san-pips.com>.
9. Jones P. 2010. *South Asia: Is a Regional Security Community Possible?* // South Asian Survey. Vol. 15, № 2.
10. Kapila S. 2002. *South Asia Conflict Resolution Impediments: An Analysis* // South Asia Analysis Group. Paper № 553. URL: [http://www.southasiaanalysisgroup.org/papers6/paper 553.htm](http://www.southasiaanalysisgroup.org/papers6/paper%20553.htm)
11. Khanna P. 2008. *The second World: How the Emerging Powers are Redefining Global Competition in 21st Century*. London: Penguin Books.
12. Koshy N. 2009. *South Asia: Peace and War in the Context of War on Terror* // Mainstream. Vol. 47, № 11. February, 28.
13. Laxami I. 2009. *The Bloody Millennium: Internal Conflicts in South Asia* // Working paper № 09-086 Harvard Business School.
14. Mahbubani K. 2008. *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*. New York: Public Affairs.
15. *Round up of 16th SAARC Summit. 30 Sep. 2010*. URL: <http://www.saarcchambers.org./index.php>.
16. Sahgel A. 2006. *Paper presented in the India-Japan-Taiwan Trilateral Meeting (15-16 March)*, United Services Institutions of India. New Delhi.
17. *South Asia: Growth and Regional Integration. 2006* // Report № 37858-SAS, World Bank. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSPContentServer/WDSP/IB/2007/02/07/000020439_20070207135607/Rendered/PDF/378580SAS.pdf

Статья поступила в редакцию 20.11.2013

DYNAMICS OF INTRA-STATE CONFLICTS IN SOUTH ASIA

A. Bajpai

Prof. Arunoday Bajpai, Agra College (Dr. BR Ambedkar University), Agra (India), Department of Political Science, Associate Professor and Head.

The article analyzes the nature and the dynamics of intra-state conflicts in Southern Asia, and the role of regional and external actors in the conflict processes. The most important of intra-regional factors influencing the dynamics of a conflict being the way Indian reacts on it. To the most important external factor U.S. and China belong. The author examines the problems in the context of peculiarities of integration of the regional countries with existing economic and social conflicts. Fundamental differences between them are emphasized both in economic development and in political system structure. At the same time, social deprivation and deep inequality problems are specific for the most Southern Asian countries which become the base of conflict potential. Key attention is paid to the specific conflicts in different countries connected with combination of ethnic, religious, political and other factors. In most cases the conflicts sprung have violent character and run as armed battles. The author criticizes the attempts of some researchers to explain the presence of such conflicts by influencing on them by a single factor, which does not allow for representing their multi-dimensional complexity. In the biggest conflicts, the manifestations of nationalism, religious fundamentalism and terroristic threats can be traced. Four basic variables are emphasized to determine intra-state conflict dynamics in the countries of Southern Asia like real or subjective marginalization of different social groups; identity and state border juxtapositions; state actions in response to a conflict uprising, interaction with external environment, both intra- and extra-regional.

Key words: conflict, Southern Asia, dynamics, China, India, identity, marginalization, terrorism.

РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ГОРОДОВ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

.....

Е. Г. Довбыш¹

В статье анализируется место и роль глобальных сетей городов в мировой политике. Исследование базируется на концепции глобальных (мировых) городов, выступающих в качестве одного из субъектов глобализации. На первый план в ней выходит вопрос о соотношении города с его окружением. Основываясь на анализе вторичных данных, публикуемых в научной литературе, автор выделяет два типа сетей городов в мировой политике: инфраструктурные сети и активные сети. Они различаются по принципам формирования, организационной целостности и роли в международных отношениях. Сети первого типа являются производными и второстепенными по отношению к глобальным процессам, формируясь под влиянием мировых экономических и политических потребностей. Сами города при этом не играют активной роли в их создании. Сети второго типа организуются ради достижения конкретных целей и задач, поэтому их можно именовать целевыми сетями городов. Такие союзы должны не только упростить решение проблемы, но и усилить позиции городов-союзников по отношению к другим участникам международных отношений. Автор доказывает, что инфраструктурные сети городов являются образованиями, которые лишь косвенно влияют на мировую политику, в то время как активные сети обладают признаками акторов международных отношений. Правила, обсуждаемые и устанавливаемые участниками таких сетей, позволяют им, в свою очередь, устанавливать цели для своих участников. Они взаимодействуют с другими участниками структур глобального управления в разработке и реализации политики по ряду глобальных проблем.

Ключевые слова: сети городов, города в мировой политике, новые акторы международных отношений, глобализация.

Несмотря на то что в международных отношениях (МО) и мировой политике главную роль по-прежнему играют государства, в начале XXI в. всё активнее стали проявлять себя *негосударственные* акторы. Появление новых участников (к которым относятся города и сети городов) стало возможным благодаря глобализации. Увеличение их роли происходило по мере размывания границ между внутренней и внешней политикой и одновременно с ростом взаимозависимости политических и экономических процессов, протекающих в разных странах.

Сегодня наблюдается последний этап глобальной урбанизации — урбанизация в странах Азии и Африки. В Китае уже около половины населения

¹ Довбыш Евгений Геннадьевич — младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Эл. почта: edovbysh@gmail.com.

живет в городах, в Индии — 364 млн чел., а к 2030 г. их число достигнет 700 млн. Интенсивное переселение людей из сельской местности в города в развивающихся странах привело к тому, что начиная с 2007 г. впервые в истории большая часть человечества проживает в городах [Katz, Bradley, 2014]. Это позволяет говорить о том, что города сегодня как никогда прежде имеют большое значение для судеб всего мира.

Однако долгое время исследованию роли городов в международных отношениях и мировой политике не уделялось должного внимания. Незначительный интерес к городам во многом объясняется доминированием традиционалистского взгляда на природу международных отношений. Например, Дж. Розенау, сторонник этого подхода, полагает, что существуют «два мира мировой политики» [Rosenau, 1990]. Первый мир — это мир, в центре которого находится и действует государство. Тут происходят все основные события мировой политической жизни: ведутся переговоры, заключаются мирные договоры, решаются глобальные проблемы, и именно он находится в центре внимания теории международных отношений. Во втором мире, где действуют негосударственные акторы, обсуждаются вопросы сотрудничества в сфере культуры и образования. Поскольку проблемы эти менее значимы, в науке не сложился всеми разделяемый подход к их изучению. Однако сегодня такое разделение международной проблематики на более и менее значимую выглядит искусственным: традиционные и нетрадиционные участники не разделены непроницаемой стеной. Современные МО представляют собой сложное взаимодействие разных институтов, структур, индивидов.

Включению городской проблематики в дискурс теории международных отношений способствовали изменения в понимании природы города. В середине XX в. в этой области произошел методологический сдвиг. Если раньше такие исследователи, как М. Вебер, Г. Зиммель, С. Вирт интересовались внутренней природой города и были заняты выявлением закономерностей его функционирования как сложного социального организма, то теперь в городских исследованиях на первый план выходит вопрос о соотношении города с его окружением. Сегодня для города признаются значимыми не только близлежащая сельская территория, регион и страна, но и пространство глобальных политико-экономических процессов.

Основоположники такого подхода П. Холл, Р. Коген и К. Чейс-Дан [Hall, 1966; Cohen, 1981; Chase-Dunn, 1985] предложили рассматривать город в контексте глобальной политики и экономики. Впоследствии, основываясь на их работах, Дж. Фридман и С. Сассен разработали свои теории мирового/глобального города [Friedmann, 1986; Sassen, 1991]. Глобальные города — это «ключевые города мира, используемые глобальным капиталом как «командные пункты» для управления производством и рынками» [Sassen, 1991].

Одновременно с идеей об особой роли наиболее крупных городов в мировой экономике и политике появилась идея о том, что города между собой связаны. Поскольку глобальность того или иного города можно выявить лишь в ходе соотнесения его с другими городами, постольку для исследования мировых городов большое значение имеет изучение структуры глобальной урбосферы. Дж. Фридман и С. Сассен главной причиной появления мировых городов считали неравенство в распределении ресурсов между глобальным центром и периферией, которое порождает неравенство как между государствами, так и между городами.

Глобальные города (Нью-Йорк, Лондон, Токио) отчетливо выделяются на фоне остальных. Они находятся на вершине пирамиды, где сосредоточены функции управления различными аспектами глобальной экономики и политики. Все остальные города по сравнению с ними играют менее заметную роль в мировой экономике, но тем не менее процессы глобализации воздействуют и на них. Если города-лидеры — это субъекты глобализации, то остальные города — её объекты. Они вынуждены встраиваться в *иерархическую* систему и искать собственные ниши в глобальной экономике и политике. Так, большинство европейских столиц (в том числе Москва) выполняют функцию ворот в глобальную экономику для своих стран [Сергеев, Казанцев, 2007; Allen, 2010]. Такое разделение функций происходит под влиянием многих факторов, главный из которых связан с логикой функционирования глобальной экономики и политики. Город может стать глобальным, если в нем происходят глобальные процессы.

С конца 1980-х гг. у теории мировых городов появилось большое число последователей. Социологи, урбанисты, специалисты по городскому планированию из разных стран и с разными методологическими установками стали проводить многочисленные эмпирические исследования, классифицируя мировую систему городов. Если раньше глобальную урбосферу описывали как иерархическую структуру, то сегодня в исследованиях, выполненных на стыке городских и международных исследований, наиболее распространена следующая точка зрения: города организованы в *глобальную сеть*, внутри которой присутствуют доминанты, выделяющиеся своими размерами и ресурсами — глобальные города. В этом духе написаны наиболее авторитетные работы М. Тимберлейка, П. Тейлора, Дж. Биверстока и Р. Смита [Taylor, Beaverstock, Smith, 1999], которые сотрудничают в рамках организованной в Университете Лафборо (Великобритания) международной исследовательской группы глобальных городов GaWC (Globalization and World Cities Research Network).

Сети городов — сложные образования. Своей сложностью они обязаны дуальной природе города. Города обладают одновременно пространственными и социальными характеристиками. С одной стороны, любой город — это, прежде всего, физическое пространство, территория и локальность. С другой сто-

роны, городское пространство наполнено взаимодействиями между социальными сетями и индивидами. Город в этом смысле выступает как организатор социального пространства всего общества, который не только задает характеристики функционирования социальных институтов, но и оказывает влияние на поведение индивидов [Левада, 1993а; Левада, 1993б]. Именно дуальная природа города служит причиной существования двух типов глобальных сетей городов. Пространство города важно для глобальных процессов как объект, на который можно воздействовать и использовать, исходя из своих потребностей. Вместе с тем город как социальное образование имеет возможность влиять на эти глобальные процессы. Поэтому одни глобальные сети, состоящие из городов, выступают скорее объектами глобализации, другие же обладают некоторыми чертами её субъектов. Кроме того, эти два типа сетей различаются по принципу формирования, степени организационного единства, целям своего существования и, самое главное, по роли в МО.

Так, сети первого типа — *глобальные инфраструктурные сети городов* — существуют постольку, поскольку глобальная экономика и глобальная политика, несмотря на развитие технологий, по-прежнему сохраняют потребность в *месте*. Эти сети являются производными и второстепенными по отношению к глобальным процессам. Они формируются под их влиянием, однако и сами оказывают влияние на глобальные процессы. Сети обладают характеристиками как факторов, так и субъектов МО, что позволяет отнести их к промежуточному типу активно-пассивных участников — *агентов* МО.

Второй тип сетей организуется ради достижения конкретных целей и задач, причем их непосредственными создателями являются города, поэтому их можно именовать *целевыми сетями городов*. Эти сети тоже появляются в результате глобализации, но, в отличие от первого типа, они: 1) более компактные и их состав определен формально; 2) возникают и исчезают *ad hoc*, причем в процессе возникновения они проходят определенные стадии; 3) организуются по проблемному принципу и обладают четко прописанными целями, ради достижения которых применяются конкретные средства. Такие сети уже не просто часть глобальной инфраструктуры, один из многих факторов МО, но и самостоятельный *актор*, т.е. участник, стремящийся к изменению окружающей его действительности, обладающий своими целями и интересами.

Глобальные инфраструктурные сети городов

Этот тип сетей изучен лучше всего, причем, раньше всех были описаны и выделены по функциональному признаку *глобальные экономические сети городов* [Taylor, 2001; Taylor, Beaverstock, Smith, 1999]. Дело в том, что инфраструктурные сети более статичны, поэтому они — удобный предмет для исследований. Кроме того, данные для их анализа уже содержатся в материалах, посвященных глобальной экономике. Исследователям городов оставалось только обобщить их,

используя методы экономической географии, и получить ответ на вопрос, какие города являются самыми значимыми для мировой экономики.

Глобальные экономические сети городов образуются благодаря интенсивным информационным, человеческим, финансовым потокам между офисами и отделениями крупнейших транснациональных фирм. Создатели таких сетей — не сами города, а фирмы, расположенные в них. Города в этом случае выполняют функцию *мест*, где фирмы вступают во взаимодействие со своими партнерами из других городов, обмениваются с ними ресурсами, тем самым объединяя города в сеть. На основе изучения движения капитала, пассажиропотока было установлено, что в такой сети лидирующее место занимают Нью-Йорк, Лондон и Токио [Sassen, 2009; Tomer, Puentes, Neal, 2013].

Исследовательскую модель, сфокусированную на изучении экономического аспекта взаимодействия городов, можно перенести на другие сферы. Так становится возможным выявить другие функциональные типы инфраструктурных сетей городов. Например, П. Тейлор предлагает заменить фирмы на дипломатические посольства, офисы глобальных НКО и организаций ООН [Taylor, 2005]. Эти институты тоже служат отправителями и получателями потоков. Поскольку эти потоки политические, города объединяются в *глобальные политические сети*. Среди таких сетей можно выделить: 1) глобальную дипломатическую сеть городов, которая строится на взаимодействии дипломатических посольств; 2) глобальную сеть городов, которая образуется благодаря взаимодействию структур ООН; глобальную сеть городов, выстроенную в результате взаимодействия транснациональных НКО. Рассмотрим каждый тип глобальных политических сетей подробнее.

Ещё в 1990-х гг. Т. Нироп количественными методами исследовал расположение посольств и дипломатических миссий в различных городах и на основе полученных данных сделал вывод о роли тех или иных городов в мировой политике [Nierop, 1994]. Его выводы подтвердили первоначальную гипотезу о том, что большинство посольств, дипломатических миссий, консульств, торговых представительств располагается в столицах государств. В глобальных дипломатических сетях городов столичные города являются одновременно и отправителями, и получателями политической информации, они суть главные распределители политических потоков и проводники воли государств в сфере международных отношений. В терминах концепции мировых городов, столицы — это «командные пункты и центры контроля» за мировой политикой.

Глобальная дипломатическая сеть внутренне неоднородна. Она состоит из нескольких более мелких сетей, внутри которых выделяются свои точки притяжения. Такими точками служат столицы мировых или региональных держав. Например, европейская и южноамериканская сети тяготеют к Вашингтону, Тегеран и Бейрут доминируют в сети городов исламского мира, а столицы бывших социалистических стран составляют отдельную группу. Но кроме столиц

к важным участникам этой глобальной дипломатической сети относятся и такие города, как Франкфурт, Гонконг, Лос-Анджелес, Стамбул, Лагос, Мумбай, Сан-Паулу, Сидней и Торонто. Несмотря на то что они не являются столицами, эти города имеют важное экономическое и/или политическое значение для своих стран.

Следующий тип инфраструктурных сетей, оказывающих важное влияние на пространство глобальных политических потоков, представляют сети городов, возникающие в процессе функционирования того, что Дж. Розенау назвал глобальным многоуровневым управлением (global governance) [Rosenau, 1990]. Основная характеристика этой сложной системы — наличие совокупности многочисленных контролирующих механизмов, в основе деятельности которых лежит своя предыстория, цели, структуры и процессы. Частью этой сложной системы являются не только государства, но и межправительственные, неправительственные структуры, ставящие перед собой задачи и цели, выполнение которых предполагает участие многих субъектов из разных стран. Поскольку деятельность таких организаций носит межгосударственный характер, они способствуют образованию инфраструктурных сетей городов. Этот процесс виден на примере организаций, работающих под эгидой ООН. При осуществлении деятельности в сфере здравоохранения, защиты прав человека, помощи развивающимся странам и т.д. структуры ООН обмениваются информацией, ресурсами и знаниями, связывая в единую сеть города, в которых они работают.

Согласно П. Тейлору, для выявления структуры сети городов, образованной благодаря функционированию глобального управления, необходимо рассмотреть, в каких городах расположены офисы, отделения и представительства организаций ООН [Taylor, 2005]. Входящие в эту сеть Женева, Вашингтон и Нью-Йорк проявляют себя в качестве доминирующих узлов, а коммуникация между городами происходит преимущественно по направлению от глобального центра к периферии.

Но ООН — это лишь одна из многих структур, действующих в рамках системы глобального многоуровневого управления. Немаловажное место в ней занимают структуры глобального гражданского общества, понимаемого как обширное взаимосвязанное и многосоставное социальное пространство, состоящее из многих тысяч независимых неправительственных институтов и способов жизни [Keen, 2001]. Благодаря тому что в глобальном гражданском обществе связи между его субъектами осуществляются поверх территориальных границ, оно связывает между собой локальное, региональное и глобальное. В процессе такого связывания не последнюю роль играют сети городов.

В этом случае глобальная сеть городов складывается за счет циркулирования потоков между офисами международных НКО. Для изучения глобальной сети НКО П. Тейлор выбрал организации, занимающиеся природоохранной

деятельностью, защитой прав человека, оказывающие помощь в развитии развивающимся странам и занимающиеся реализацией гуманитарных программ [Taylor, 2005], причем только те организации, у которых есть представительства по крайней мере на трех континентах.

Распределение институтов глобального гражданского общества по городам мира говорит о том, что возникшая в результате их деятельности сеть городов неоднородна: она состоит из более мелких сетей. Главную роль в таких сетях играют не только города из развитых стран, но и из развивающихся стран. Наряду с сетями, в которых доминируют Лондон, Вашингтон или Женева, существуют сети, где в качестве лидеров выделяются Брюссель, Оттава, Найроби и Манила. В этих сетях основные потоки финансов, информации, знаний и человеческого капитала также движутся из развитых стран в развивающиеся.

В целом можно говорить о том, что глобальные инфраструктурные сети городов образуются благодаря мировым политическим процессам. Инфраструктурные политические сети городов не создаются целенаправленно кем бы то ни было, более вероятно, что они возникают по мере того, как у участников МО (государств, НКО, международных организаций и т.д.) появляется в них потребность. Но в этом случае в формировании и функционировании сетей городов сами города не играют активной роли. Целостность сети обеспечивают офисы международных организаций и посольства, которые и являются начальными и конечными точками политических потоков. Поэтому инфраструктурные сети подвержены влиянию внешних факторов и часто меняют свою конфигурацию. Так, значительные изменения в дипломатической сети городов могут произойти вслед за изменением роли на международной арене той или иной страны.

Таким образом, очевидно, что, с одной стороны, глобальные инфраструктурные сети городов являются фактором МО, поскольку наряду с технологиями, социокультурной средой, международными нормами оказывают косвенное влияние на процессы МО, воздействуя на традиционных акторов МО — государства и межгосударственные организации. Но, с другой стороны, они играют более значимую роль, чем прочие факторы, поскольку выполняют роль посредников в глобальных политических процессах. Поэтому такие сети следует относить к *агентам МО*.

Глобальные целевые сети городов

Однако город, будучи сложным социальным субъектом со своими интересами и целями, ресурсами и стратегиями, может проявлять себя и как активный участник мировой политики. Причем его активность бывает двух видов: город может самостоятельно налаживать отношения с другими участниками МО в рамках «дипломатии городов» [Pluijm, 2007] или же стать частью коллективного участника — активной сети городов.

Причиной, по которой города начинают двусторонние взаимодействия с государствами, ТНК и межгосударственными организациями, может быть, например, заинтересованность в привлечении инвестиций, необходимых для развития городской инфраструктуры. Для этого городские власти ведут переговоры с ТНК о размещении головного офиса в центре города, лоббируют предоставление городу особого статуса и отстаивают в парламенте страны сохранение экономических преференций, борются за проведение Олимпийских игр и пр. Конкурентами в борьбе за столь дефицитные блага, как капитал и политическое влияние, являются такие же города. Для успеха в глобальной гонке города в лице городских властей реализуют программы по созданию уникального бренда города и предпринимают попытки конструирования городской идентичности [OECD Territorial Reviews, 2006].

Но иногда даже такие гиганты, как Нью-Йорк, Лондон и Токио, обладающие экономическими ресурсами сопоставимыми с теми, какими обладают среднеразвитые страны вроде Чехии, предпочитают конкурентным отношениям сотрудничество и координацию усилий. Чаще всего такая координация возникает в решении глобальных проблем, поскольку такие проблемы, как изменение климата, неравенство между Югом и Севером одновременно относятся к глобальным по причинам возникновения и локальным по своим проявлениям. Например, изменение климата вызвано сложной совокупностью причин, повлиять на которые никто из территориальных участников МО (государства, регионы и города) самостоятельно не способен. Однако стихийные бедствия, связанные с процессами изменения климата, проявляется локально: тайфуны и засухи всегда наносят вред жителям конкретных территорий. Следовательно, города, являющиеся локальными территориальными образованиями по своей сущности, оказываются в тупике, выход из которого — в налаживании взаимодействия с другими участниками МО, и прежде всего с другими городами.

Такие глобальные сети городов, инициаторами создания которых выступают сами города, являются второй разновидностью глобальных сетей городов. Они тоже появились вследствие глобализации и развития технологий. Однако, в отличие от инфраструктурных сетей, они представляют собой не только значимый фактор МО, но и обладают признаками субъектов МО. Сети целенаправленно конструируются городами-аттракторами, в качестве которых чаще всего выступают глобальные города. Такие союзы должны не только упростить решение проблемы, но и усилить позиции городов-союзников по отношению к другим участникам МО. В этом случае города и образуемые ими сети уже не просто место, где происходят важные социальные, экономические и политические взаимодействия, не просто инфраструктура мировой политики, но и *важный участник МО*.

Наиболее яркий пример такой самоорганизовавшейся сети городов — недавно созданная группа C40 (Climate Leadership Group), изучением особен-

ностей которой занимается М. Акуто [Acuto, 2013a]. Эта группа в составе 58 крупнейших городов мира поставила перед собой цель бороться с изменением климата, для чего предполагается оказывать влияние на государственные и межгосударственные структуры, на глобальное общественное мнение.

В формировании сети можно выделить несколько четко определенных этапов [Acuto, 2013b]. Так, проблематизация и первичное оформление сети произошли в 2005 г., когда по инициативе лондонских властей был созван саммит лидеров крупнейших городов мира. По его итогам был принят договор о сотрудничестве между городами-участниками и создан координационный орган, который возглавила администрация Большого Лондона. На этом этапе группе удалось доказать, что она имеет право и необходимые ресурсы для участия в выработке глобальной экологической политики на равных с другими участниками МО.

Следующим этапом в развитии сети стало расширение круга участников и партнеров. В 2007 г. на встрече в Нью-Йорке к основной группе из 20 городов присоединились ещё 20 городов, в том числе и города из развивающихся стран. Однако, несмотря на то, что изначально группа объявила об исключительной роли городов в вопросе решения глобальной экологической проблемы, в дальнейшем ей пришлось значительно расширить круг своих участников и союзников, включив в него не только города. Так, с 2006 г. стратегическим партнером группы является Фонд Клинтона, а с 2011 г. — Всемирный банк.

После того как все участники и медиаторы сети определились со своими ролями и установили правила игры, сеть может быть мобилизована. Таким образом, изначальная совокупность городов, которая и без того представляет собой сложное социальное образование, может превратиться в ещё более сложное образование — коллективный субъект. Отличие такого коллективного субъекта, как C40, от инфраструктурных сетей заключается в том, что он способен к проявлению активности, которая не сводится лишь к ответным реакциям на воздействие внешней среды.

Сегодня C40 ведет деятельность одновременно по двум направлениям. Прежде всего это реализация прикладных проектов в сфере экологии в городах-участниках. Для этого происходит постоянный обмен опытом специалистов в сфере городского планирования, землепользования, утилизации бытовых отходов, энергоэффективности и пр. Кроме того, C40 проявляет политическую активность на уровне отдельных государств и глобального управления в целом. На этом политическом направлении основными механизмами служат дипломатия городов и лоббизм. Группа активно лоббирует природоохранные инициативы в ООН, где у C40 есть официальное представительство, участвует во влиятельных международных экологических саммитах.

Для городов главным стимулом участия в таких целевых сетях, как C40, является тот факт, что сеть в целом служит мультипликатором, который позво-

ляет городам добиваться видимых изменений в повестке мировой политики. Для городов участие в активной сети — возможность увеличить свою роль в МО и стать более независимыми в принятии решений. Кроме того, участники С40 приобретают важные экономические и политические связи, которые можно конвертировать в тот или иной вид капитала.

Функционирование глобальных целевых сетей городов, как видно на примере С40, зависит от их структуры и принципов организации. В С40, как и в других сетях такого типа (например, «Mayors for Peace»), важную роль играют так называемая культура сети [Marsh, Smith, 2000] и правила игры. Правила функционирования сети городов обычно обсуждаются участниками в самом начале, они задают пределы допустимых действий, определяют роли участников, что в совокупности оказывает влияние на конечный результат деятельности сети. После организационного оформления сеть приобретает способность самостоятельно устанавливать цели для своих участников: теперь не только города влияют на сеть, но и сеть оказывает воздействие на своих участников. Всё это позволяет говорить о таких сетях как о целостности, коллективном субъекте. Поскольку такой субъект обладает ресурсами, признаваем другими субъектами и стремится к изменению окружающей его глобальной политической среды, целевые сети городов можно считать *коллективным актором МО*.

Сети городов — новый участник МО

Таким образом, сети городов благодаря дуальной природе города, участвуют в МО двумя способами. Во-первых, как в случае с инфраструктурными сетями, они оказывают косвенное влияние на глобальные процессы, воздействуя на других участников МО. В этом случае основные инструменты и механизмы такого воздействия связаны с физическими характеристиками сети: удаленность городов друг от друга, наличие необходимых зданий и линий коммуникаций. Во-вторых, как в случае с С40 и «Mayors for Peace», сети городов являются активными участниками МО, воздействующими на свое окружение: среду и других субъектов. Активность таких сетей зиждется на социальном аспекте природы города и проявляется в наборе таких механизмов, как лоббизм и дипломатия городов.

Стоит отметить, что зачастую города можно отнести к обоим типам сетей. Большие и богатые города служат глобальной экономике и политике, при этом активно влияя на глобальные процессы. Такие города, как Лондон, Нью-Йорк, Токио, Париж, выступают проводниками глобальных политических потоков, источником которых являются государства, международные организации и пр., но они одновременно стремятся эти потоки генерировать и направлять. Город, а особенно глобальный или мировой, способен быть как агентом (проводником чужой воли и интересов), так и субъектом мировой политики. Однако большинство городов играют лишь роль инфраструктуры глобализации.

Такое резкое различие между глобальными и всеми остальными городами ставит перед исследователем вопрос о том, какие факторы подталкивают города к осознанию себя в качестве самостоятельных участников. Скорее всего включение городов в систему глобального многоуровневого управления — это естественный процесс, происходящий по мере перестройки мирового порядка.

Усложнение социально-политической жизни и появление новых вызовов и угроз приводит к тому, что к решению глобальных проблем подключается всё более широкий круг акторов и участников. Система МО становится более сложной за счёт того, что в ней участвует всё больше новых и старых акторов. Но изменения носят не только количественный характер, меняются принципы глобальных взаимодействий: на смену иерархическим и вертикальным приходят сетевые и горизонтальные практики. На глобальном и макрорегиональном уровнях (Европейский союз, постсоветское пространство) происходит пространственная реструктуризация управления [Прохоренко, 2012]. Одновременно с этим система МО распадается на множество подсистем, выстроенных вокруг решения определенных проблем и задач: в глобальной политике появляются отдельные направления, связанные с изменением климата, ядерным нераспространением, решением глобальных социальных проблем. Это способствует появлению феноменов субполитизации мировой политики — приобретению функций акторов МО субъектами, которые до этого ими не обладали [Beck, 2005] и «приватизации» мировой политики [«Приватизация» мировой политики..., 2008].

Города относятся к акторам, которые приватизируют мировую политику. Они представляют интересы не столь широкого круга людей (например, государства). Однако по сравнению с такими участниками, как ТНК, они выглядят более легитимными и демократичными, поскольку содержание «международной» повестки дня города определяется расстановкой сил в городской коалиции, состоящей (с теми или иными страновыми особенностями) из власти, бизнеса и общества.

Сегодня активные сети городов становятся участниками более широкой группы акторов разной природы, объединенной вокруг важных глобальных проблем. Они взаимодействуют с другими участниками в рамках *global governance* (глобальное управление, руководство). Это видно на примере глобальной политики в области защиты окружающей среды, в выработке которой участвуют не только традиционные акторы мировой политики, но и институты глобального гражданского общества, коммерческие структуры и сети городов. Города таким образом участвуют в преобразовании современной системы МО, одной из основных характеристик которой, несомненно, становится разнообразие акторов и субъектов.

Библиографический список

1. Левада Ю. А. 1993а. *К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации* // Статьи по социологии. М.: Фонд Макартуров.
2. Левада Ю. А. 1993б. *Урбанизация как социокультурный процесс* // Статьи по социологии. М.: Фонд Макартуров.
3. «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. 2008/под ред. М. М. Лебедевой. М.: Голден-Би.
4. Прохоренко И. А. 2012. *О методологических проблемах анализа современных политических пространств* // Политические исследования. № 6.
5. Сергеев В. М., Казанцев А. А. 2007. *Сетевая динамика глобализации и типология глобальных ворот* // Политические исследования. № 2.
6. Acuto M. 2013a. *Global Cities, Governance and Diplomacy: The Urban Link*. London: Routledge.
7. Acuto M. 2013б. *The new climate leaders?* // Review of International Studies. Vol. 39.
8. Allen J. 2010. *Powerful City Network: More than Connections, Less than Domination and Control* // Urban Studies. Vol. 47.
9. Beck U. 2005. *Power in a Global Age*. Cambridge: Polity.
10. Chase-Dunn C. K. 1985. *The System of World Cities, A. D. 800-1975* // Urbanization in the World-Economy. New York: Academic Press.
11. Cohen R. B. 1981. *The new international division of labor: multinational corporations and urban hierarchy* // Urbanization and Planning in Capitalist Society. New York: Taylor & Francis.
12. Hall P. G. 1966. *The World Cities*. London: Weidenfeld & Nicolson.
13. Friedmann J. 1986. *The World City Hypothesis* // Development and Change. Vol. 17.
14. Katz B., Bradley J. 2014. *The Metropolitan Revolution*. Washington: Brookings Institution Press.
15. Kean J. 2001. «Global civil society?» *Introducing global civil society* // Global civil society. Oxford: Oxford University Press.
16. Marsh D., Smith M. 2000. *Understanding Policy Networks: Towards a Dialectical Approach* // Political Studies. Vol. 48.
17. Nierop T. 1994. *Systems and Regions in Global Politics*. Chichester and New York: John Wiley.
18. OECD Territorial Reviews. 2006. *Competitive Cities: A New Entrepreneurial Paradigm in Spatial Development*. URL: www.sourceoecd.org/governance/9789264022409
19. Pluijm R. van der. 2007. *City Diplomacy: The Expanding Role of Cities in International Relations* // Clingendael Diplomacy Papers. Vol. 10.
20. Rosenau J. 1990. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press.
21. Sassen S. 2009. *Cities in Today's Global Age* // SAIS Review. Vol. 20.
22. Sassen S. 1991. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.
23. Taylor P. J. 2001. *A New Mapping of the World for the New Millennium* // The Geographical Journal. Vol. 167.

24. Taylor P. J. 2005. *New Political Geographies: Global Civil Society and Global Governance through World City Networks* // Political Geography. Vol. 24.
25. Taylor P. J., Beaverstock J. V., Smith R. G. 1999. *A Roster of World Cities* // Cities. Vol. 16.
26. Tomer A., Puentes R., Neal Z. 2013. *Global Gateways: International Aviation in Metropolitan America. Report of Brookings Metropolitan Policy Program*. URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/reports/2012/10/25-global-aviation/25-global-aviation.pdf>

Статья поступила в редакцию 14.11.2013

.....

ON THE ROLE OF GLOBAL NETWORKS OF CITIES IN WORLD POLITICS

E. G. Dovbysh

Yevgeny G. Dovbysh, Rus. Acad. Sci., Institute of World Economy and International Relations, Junior researcher. E-mail: edovbysh@gmail.com.

This article analyzes the role of global networks of cities in world politics. The research is based on the concept of global (world) cities acting as one of globalization factors. The question of correlation of a city with its environment stands upfront. Based on the analysis of secondary data published in the literature the author identifies two types of networks of cities: infrastructure networks and active networks. They differ from each other in the principles of their formation, in their organizational integrity and in their roles in international relations. The first-type networks are derived and secondary compared with global processes building under the influence of world economic and political needs, the very cities not playing here active roles in the building. Second-type networks form for achieving specific goals and objectives and can be named then goal city networks. Such unions must not only simplify the problem solution but strengthen the positions of ally cities compared with the other IR participants. The author proves that the infrastructure networks of cities are entities that have only indirect impact on world politics, while active network possess some important features of actors of international relations. The rules discussed and established by the network participants allow in their turn for establishing goals for the participants. They interact with the other participant of global management structures in developing and implementing the policy on some global problems.

Key words: networks of cities, cities in world politics, new actors of IR, globalization.

References:

1. Levada Yu. A. 1993. *K probleme izmeneniya sotsial'nogo prostranstva-vremeni v protsesse urbanizatsii (The problem of social space-time changes in urbanization)*, In: Levada Yu. Statyi po sotsiologii (Levada Yu. Articles on sociology). Moscow.
2. Levada Yu. A. 1993. *Urbanization as a sociocultural process (Urbanizatsiya kak sotsiokulturnyy protsess)*, In: Levada Yu., Statyi po sotsiologii (Articles on sociology). Moscow
3. «Privatizatsiya» mirovoy politiki: lokalnye deystviya — globalnye rezultaty («Privatization» of world politics: local action — global results). 2008 ed. Lebedeva, M. M. Moscow
4. Prohorenko I. L. 2012. *O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv (On the methodological problems analysis of contemporary political spaces)*. Polis (Political Studies), № 6.

5. Sergeev V. M., Kazanev A. A. 2007. *Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya global'nykh vorot (Network Dynamics of globalization and the global target)*. Polis (Political Studies), № 2.
6. Acuto M. 2013a. *Global Cities, Governance and Diplomacy: The Urban Link*. London: Routledge.
7. Acuto M. 2013b. *The new climate leaders?* // Review of International Studies. Vol. 39.
8. Allen J. 2010. *Powerful City Network: More than Connections, Less than Domination and Control* // Urban Studies. Vol. 47.
9. Beck U. 2005. *Power in a Global Age*. Cambridge: Polity.
10. Chase-Dunn C. K. 1985. *The System of World Cities, A. D. 800-1975* // Urbanization in the World-Economy. New York: Academic Press.
11. Cohen R. B. 1981. *The new international division of labor: multinational corporations and urban hierarchy* // Urbanization and Planning in Capitalist Society. New York: Taylor & Francis.
12. Hall P. G. 1966. *The World Cities*. London: Weidenfeld & Nicolson.
13. Friedmann J. 1986. *The World City Hypothesis* // Development and Change. Vol. 17.
14. Katz B., Bradley J. 2014. *The Metropolitan Revolution*. Washington: Brookings Institution Press.
15. Kean J. 2001. *"Global civil society?" Introducing global civil society* // Global civil society. Oxford: Oxford University Press.
16. Marsh D., Smith M. 2000. *Understanding Policy Networks: Towards a Dialectical Approach* // Political Studies. Vol. 48.
17. Nierop T. 1994. *Systems and Regions in Global Politics*. Chichester and New York: John Wiley.
18. OECD Territorial Reviews. 2006. *Competitive Cities: A New Entrepreneurial Paradigm in Spatial Development*. URL: www.sourceoecd.org/governance/9789264022409
19. Pluijm R. van der. 2007. *City Diplomacy: The Expanding Role of Cities in International Relations* // Clingendael Diplomacy Papers. Vol. 10.
20. Rosenau J. 1990. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press.
21. Sassen S. 2009. *Cities in Today's Global Age* // SAIS Review. Vol. 20
22. Sassen S. 1991. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.
23. Taylor P. J. 2001. *A New Mapping of the World for the New Millennium* // The Geographical Journal. Vol. 167.
24. Taylor P. J. 2005. *New Political Geographies: Global Civil Society and Global Governance through World City Networks* // Political Geography. Vol. 24.
25. Taylor P. J., Beaverstock J. V., Smith R. G. 1999. *A Roster of World Cities* // Cities. Vol. 16.
26. Tomer A., Puentes R., Neal Z. 2013. *Global Gateways: International Aviation in Metropolitan America. Report of Brookings Metropolitan Policy Program*. URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/reports/2012/10/25-global-aviation/25-global-aviation.pdf>

ОТ УСЛУГИ К ЦЕННОСТИ УСЛУГИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ СВЯЗАННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

.....

Л. В. Сморгун¹

В основе исследования лежит концепция связанного правительства, чья деятельность нацелена на улучшение сотрудничества между правительственными службами, углубление консультаций и вовлечение в этот процесс граждан. Идея поворота от услуги к ценности услуги определяет европейскую перспективу связанного управления. Эта идея трансформирует понимание отношений между правительством, бизнесом и гражданами. Всё это связано с важностью мониторинга эффективности государственного управления и политики обратной связи. Важность реформирования государственного управления в духе данной концепции стала очевидна для посткоммунистических государств в период экономических кризисов. Последние тренды административной реформы в России (2006 – 2010 гг.) и создание электронного правительства (2009 – 2013 гг.) дают доказательства использования механизмов связанного правительства. Акцент в них сделан на идеях правового государства и рациональной бюрократии, экономическом подходе к управлению собственностью и принципе оценки административной деятельности по результату, а также на важности качества и эффективности госуслуг. Можно упомянуть три основных момента: (1) обратная связь в регулировании правительственного мониторинга эффективности; (2) участие граждан в процессе стандартизации услуг; (3) многофункциональные центры, порталы госуслуг и электронные консультации на федеральном и региональном уровне электронного правительства. Эти тренды связаны с некоторыми трениями и проблемами в их развитии и имеют определённые границы. На сегодняшний день существует разрыв между требованиями граждан к ответственности государства и уровнем их фактической реализации, что демонстрируется проводимыми опросами общественного мнения о доверии граждан к органам государственной власти.

Ключевые слова: связанное правительство, ценность услуг, российская административная реформа

Введение

Формирование системы государственного управления в России, начатое в 1990 г., ещё не завершено. Распад СССР (декоммунизация, десоветизация управляющей системы, борьба за правовое государство), приватизация и переход к ры-

¹ Сморгун Леонид Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета. Эл. почта: lvsorgunov@gmail.com.

ночной экономике и строительство федерального государства — всё это повлияло на государственное управление. Проблемы, связанные с рыночной экономикой, а именно демократическая консолидация и централизация власти, права и право, частная собственность и юстиция, стабильность и развитие, открытость миру, национальная идентичность и т.п., — всё это относится к числу проблем, без решения которых невозможна реализация государственного управления и государственной политики. Но в 1990-х гг. формированию государственного управления уделялось настолько мало внимания, что к концу десятилетия общим местом стал факт «растущего интереса в Центральной и Восточной Европе к реформам правительства и государства. В начальной стадии «перехода» от коммунизма, в большинстве стран реформу государственного управления почитали событием не первой важности. Важность государственного управления в создании рамок экономической активности в условиях рыночной экономики упустили» [Verheijen, Coombes, 1998, p. 3]. Прав был Майкл Макфол, говоря, что «со времён... коллапса государства и экономики российские реформаторы правильно посвятили свою энергию и ресурсы на трансформирование экономики от командно-административной к рыночной системе. Тем не менее не была начата соразмерная программа реформ, которая создала бы дружественное рынку демократическое и эффективное государство. Государственная реформа существенно отставала от рыночной. Эти «плохая» и слабая составляющие представляют собой наибольшие препятствия для углубления и политической, и экономической реформ» [McFaul, 1998, p. 193]. Ситуация изменилась после экономического кризиса 1998 г. Стали очевидными слабость правительства и необходимость политико-административной реформы. Президентство В.В. Путина (2000-2008 гг.) было периодом перехода от «приватизированного» государства к автономии последнего, в том числе создания государственных мощностей для эффективной деятельности. Реформы гражданской государственной службы (2002 г.), административная (2003 г.) и бюджетная (2004 г.) реформы были направлены на эти цели. На протяжении всего процесса преобразований постепенно формировалась и система оценки. Новым импульсом тому послужило президентство Д.А. Медведева (2008-2012 гг.), особенно в области инициатив электронного правительства в российском государственном управлении. Для этой цели административная реформа, которую планировалось завершить в 2008 г., была продлена до 2010 г. Несмотря на тот факт, что политико-административная система России отличается рядом особенностей, здесь очевидно влияние иностранного опыта и правительственных практик. На недавнюю административную реформу (два этапа: 2003-2005 и 2006-2010 гг.) серьёзно повлияла так называемая новая идеология государственного управления. Преобразование бюджета правительства характеризовалось переходом к бюджетному менеджменту по результатам, а реформа государственной службы ориентирована на эффективность и конкуренцию. Однако в этой области очевидны новые направления, связанные с предоставлением государственных услуг.

В последние годы в России процессы совершенствования предоставления государственных услуг бизнесу и гражданам ускорились. Можно сказать, что стали проглядываться европейские перспективы связанного правительства и публичной ценности. Эти перспективы ведомы идеей перехода от услуг к стоимости ценности услуг, которая переформатирует понимание взаимоотношений между правительством, бизнесом и гражданами, делает важной политику мониторинга услуг и политику обратной связи. Последние тренды российской административной реформы (2006-2010 гг.)² преподносят некоторые свидетельства принятия перспектив связанного управления. Вот некоторые моменты, которые стоит упомянуть: 1) российская административная реформа: от институциональных преобразований к улучшению доступа к предоставлению госуслуг; 2) обратная связь в области регулирования правительственного мониторинга эффективности; 3) процесс стандартизации услуг и участие граждан; 4) многофункциональные центры, порталы правительственных услуг и электронные консультации на федеральном и региональном уровнях электронного правительства. Эти тренды сопровождаются трениями и пределами.

Административная реформа в России: от институциональных трансформаций к улучшению доступа к предоставлению государственных услуг

В июне 2003 г. Президент подписал Указ «О средствах реализации административной реформы 2003-2005 гг.». Этот документ отмечает массу ключевых преобразований. Институциональные и операциональные части *административной реформы* направлены на:

- ограничение государственного вмешательства в экономическую деятельность предпринимателей; снижение избыточного госрегулирования;
- исключение дублирующих функций учреждений федерального уровня исполнительной власти;
- создание в экономике системы саморегулируемых организаций;
- разделение организаций на основе различных функций: регулирование, надзор и контроль экономической деятельности; управление госсобственностью; предоставление госуслуг гражданам и организациям;
- завершение разделения исполнительных властей федерального уровня и уровня федеральных территориальных образований (субъектов Федерации).

Реформа гражданской службы начата ещё раньше, Указом Президента 2002 г. Эта реформа сконцентрирована на повышении эффективности госслужбы в России, на оптимизации её системы и финансовых ресурсах. В соответствии

² В статье не анализируются последние шаги по реформированию государственной службы и государственного управления, предпринятые в период нового президентства В.В.Путина (2012 – н.вр.). Между тем общие ориентации на связанное правительство, на наш взгляд, сохраняются.

с Федеральным законом «Система государственной службы в Российской Федерации» (2003 г.) государственная служба состоит из профессионалов, чья деятельность обеспечивает исполнение решений, принимаемых людьми, занимающими должности на федеральном и региональном уровнях Федерации. Общий принцип, на котором базируется система гражданской службы, — федерализм: единство системы и разделение властей; единство организационных и правовых принципов основания; взаимосвязь государственной и муниципальной служб; прозрачность гражданской службы и её доступность для общественного контроля; безопасность гражданских служащих. Реформа гражданской службы направлена на:

- создание комплексной нормативно-правовой базы для регулирования в сфере гражданской службы;
- разработку эффективных механизмов кадровой политики в гражданской службе с целью оптимизации штата гражданских служащих;
- улучшение системы оплаты труда гражданских служащих, экономическое и техническое обеспечение их деятельности, совершенствование информационных и коммуникационных технологий гражданской службы;
- внедрение образовательной программы и программы профессиональной подготовки гражданских служащих.

Третья реформа коснулась бюджетного процесса. В мае 2004 г. принята Концепция реформы бюджетного процесса на 2004-2006 гг. *Бюджетная реформа* затрагивает следующие проблемы в этой сфере: 1) нерациональное стимулирование увеличения затрат (инкрементная модель); 2) недостаток стимулирования эффективной деятельности; 3) ограничения на свободное расходование средств главами исполнительных ведомств; 4) гиперцентрализация бюджета и финансовой власти. Общая идея этой реформы — переход от затратных механизмов финансирования к методу результатов.

Эти три реформы продвинули систему исполнительной власти в России на следующий уровень административных преобразований. Указанные реформы проводились под влиянием идеологии так называемого нового государственного менеджмента (НГМ) и исполнялись либералами из Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ). Несмотря на то что эти реформы были амбивалентны и зачастую критиковались за противоречивость, они послужили основой для второго этапа административной реформы 2006-2010 гг. Идеи НГМ пришли в Россию из западного опыта административных реформ скорее диффузно, а не через разработку реальных нужд и обоснованных условий для российских реформ. Тем не менее желание внедрить НГМ и практику НГМ, хоть и узкую, создало психологическую атмосферу для дальнейшего развития. Поэтому на втором этапе административной реформы старались ком-

бинировать НГМ с императивами государственного управления и трендами электронного правительства.

Необходимо упомянуть, что административная и бюджетная реформы предшествовали формулировке основных целей и направлений реформы государственной службы. Административная реформа 2003 г. сконцентрировалась на функциональных и структурных улучшениях, бюджетная 2004 г. — на переходе к финансированию деятельности по результатам. Таким образом, в неё, особенно на втором этапе (2006-2010 гг.), был включён ряд целей, связанных с процессом стимулирования административной деятельности на основе конкуренции, оценки качества и производительности труда. Концепция второго этапа административной реформы (2006-2010 гг.) в значительной степени не меняет её общую направленность, но включает некоторые важные компоненты: управление по результатам, стандартизацию государственных услуг и разработку административных правил, антикоррупционных мер, повышение эффективности взаимодействия исполнителей и общества, модернизацию информационной системы. Второй этап реформы направлен на внедрение этой политики в субъектах Российской Федерации.

Конечно, оценивая административную реформу как целое, необходимо пояснить, что она представляет собой комбинацию элементов трёх административных идеологий. Во-первых, несомненно, она базируется на идее рациональной бюрократии, т.е. создании административных структур, подчинённых рациональному функционированию на основе законов и правил. Это направление связано с борьбой против неформальных норм в административной деятельности, со стремлением к достижению большей организации, порядка, ответственности, контроля и единства управления.

Второе направление было стимулировано новым государственным менеджментом, идеология которого основана на признании возможности использования в государственном управлении механизмов управления бизнесом. Здесь российская реформа использует такие элементы, как оценка деятельности по результатам, бюджетирование по результатам, ориентированные на потребителя государственных услуг, элементы конкуренции между поставщиками государственных услуг, конкурентная система найма на гражданскую службу.

Третье направление включает в себе идеи демократического управления, которые в общей форме представлены принципами управленческой прозрачности и ответственности перед гражданским обществом.

В принципе российская административная реформа в том, что касается комбинирования различных методологических моделей государственного управления — бюрократической организации, экономического неоинституционализма и теории сетевого управления, не отличается от общего направления административных реформ в других странах после кризиса универсальной модели нового государственного менеджмента [Dunleavy, Margetts, Bastow, Tinkler,

2005]. Сегодня в США эксперты заговорили о недостатках обоих подходов к государству — минималистского (неоконсерватизм) и позитивистского (НГМ), обсуждая прагматичный подход, который концентрируется на политических результатах. Цель этого обсуждения — преодоление бессилия государства работать в новых условиях мировой и внутренней политики. Такое государство они называют неоадминистративным, что подразумевает много организаций, деятельности, культур, намерений, заимствованных из различных теоретических конструкторов [Durant, 2000]. Йохан Олсен, норвежский исследователь в области государственного управления и один из пионеров неoinституционализма, регистрирует разнообразие национальных административных реформ и говорит о необходимости модернизации подхода к теории бюрократии в условиях сочетания бюрократической организации, эффективного контроля и сетевого демократического участия [Olsen, 2005, p. 16]. Данный плюрализм концептуальных установок административной реформы в России (и не только в ней) свидетельствует в пользу более усложнённых репрезентаций современного государства по сравнению с холистическим подходом к управлению.

Проблема правительственных функций находится в центре первого этапа российской административной реформы. Известно, что Правительственной комиссией по внедрению административной реформы проанализировано 5634 функции, из которых 1468 признаны избыточными, 263 — излишними, а 868 — нуждающимися в изменении. На втором этапе реформы основной её проблемой остаётся регулирование функций.

Реформа государственной службы также подчинена эффективному исполнению правительственных функций. Функциональный подход ясен, а правительственные функции хорошо регулируются. Но, по сути, российская административная реформа в части функций и их реализации состоит из трёх реформ (с различной степенью разработки): реформа государственного управления, реформа управления государственной собственностью и управленческая реформа предоставления государственных услуг.

В этих трёх реформах сделан ясный акцент на трёх компонентах: 1) на административном государстве с его идеями правового государства и рациональной бюрократии; 2) на государстве-собственнике, что определяется экономическим подходом к управлению собственностью и принципом оценки административной деятельности по результатам и рациональному расходованию бюджетных фондов; 3) на государстве, предоставляющем госуслуги, подход к которым основан на важности их качества и эффективности.

Императивы «связанного управления» и «управление публичными ценностями»

С одной стороны, в последние годы развитие сочетания электронного правительства и административных преобразований (основанные на общей идеоло-

гии НГМ) привели к новой концептуальной основе улучшения предоставления услуг. «Связанное правительство» — это новое название для этой концепции. «Связанное правительство нацелено на улучшение сотрудничества между правительственными службами, углубление консультаций и вовлечение в это граждан, что позволит вовлечь в процесс региональных и международных мульти-стейкхолдеров» [United Nations e-Government Survey, 2008, p. 14]. С другой стороны, концепция связанного правительства связана с идеей управления публичными ценностями. Последняя — результат интеллектуального перехода от традиционного государственного управления (ГУ) к управлению взаимодействием с потребителем (УВП) как новеллой НГМ и впоследствии к управлению публичными ценностями (УПЦ) [Stoker, 2006; Schedler, Summermatter, 2007; King, 2007]. Традиционное ГУ распространило правительственно-ориентированный подход к предоставлению государственных услуг. *Граждане* в целом рассматривались как просто *потребители*. Консьюмеристский подход критиковался за экономическую неэффективность предоставления услуг в публичной сфере. На первом этапе критика консьюмеристского ограничивалась рамками НГМ. Консьюмеристская риторика затем сменилась покупательской [Pang, Norris, 2002; King, 2007; Schedler, Summermatter, 2007], в которой *граждане* рассматривались как влиятельные *покупатели*. Концепция ориентированности на покупателя в государственном управлении, достигла наибольших высот в литературе в начале 1990-х гг. Она повлияла на государственное управление в целом и на электронное правительство в частности. Программы по внедрению электронного правительства в основном проводились на базе идеологии нового государственного менеджмента с основной целью — «сделать правительство более эффективным и дешёвым». В значительной мере это означало, что электронное правительство должно сделать предоставление государственных услуг гражданам и бизнесу более эффективным и менее затратным. Это наиболее явно представлено в работах, посвященных начальному этапу движения за электронное правительство. Так, Дан Тенпскотт, один из защитников данной идеи в своей книге «Цифровая экономика» (1995 г.) пишет, что ИКТ «не только... уменьшают затраты на правительство, но и радикально трансформируют образ, которым правительственные программы предоставляются, и саму природу управления. Правительство, работающее в Интернете, может преодолеть барьеры времени и расстояний в своём правительственном бизнесе и предоставить людям публичную информацию и услуги там, где они ими потребуются» [Tapscott, 1995, p. 163; Chadwick, May, 2003, p. 276]. Что касается проблем внутривластной координации и информационных процессов, то они связаны с ориентацией на экономию ресурсов в управленческом процессе [Kaczorowski, 2004]. Даже элементы электронной демократии (электронное голосование, консультации) в основном оценивались с применением экономических показателей [Sheridan, Riley, 2006]. Во многих странах быстрое использование правительственных порталов для предоставления самого большого количества услуг рассматривалось как первейшая цель внедрения электронного правительства. Но

оказалось, что покупательский подход к электронному правительству имеет множество пороков, как, впрочем, и вся идеология нового государственного управления. Никто специально и не оспаривал электронные услуги, это был лишь вопрос о том, что этот упор на покупателя недостаточен для ситуации, когда имеются в виду ИКТ и Интернет.

Таким образом, возникла проблема включения в процесс предоставления услуг граждан, и возможное предоставление услуг посредством сети Интернет стало предметом широкого гражданского обсуждения. Естественно, что этот процесс сопровождался проблемами и сложностями [Atkinson, Leigh, 2003]. Многие рассматривают государственные функции по предоставлению услуг и отношения правительства с гражданами сквозь социально-политическую призму. Эндрю Чедвик и Кристофер Мэй отмечают ограниченный характер отношений правительства с гражданами, когда последние действуют в качестве клиентов государства. «ИКТ призвано улучшить предоставление услуг посредством более целенаправленной коммуникации в ответ на запросы граждан и более быстрой реакции на них, но демократические возможности таких коммуникаций в общем игнорируются, — пишут они, — в центре этой управленческой модели находится предположение о том, что изменения будут наступать постепенно, тогда как ИКТ могут представлять для практики правительства как проблемы, так и возможности (взаимодействие первого с национальной экономикой и, что более вероятно, гражданским обществом), их базовая операциональная логика остаётся неизменной» [Chadwick, May, 2003, p. 277-278]. П. Джэгер также говорит о публичности услуг, преимуществе информации и технических возможностях электронного государства, поскольку всё, что происходит в определённом социальном контексте, должно публично обсуждаться, а правительство должно взаимодействовать с обществом [Jaeger, 2005, p. 703]. Таким образом, исследования в области государственного управления должны уйти от фокусирования на современной покупательской идее к изучению того, что правительство делает и что оно намеревается сделать в обществе. Радикальную позицию в этом вопросе занимает Камилла Стайверс: «Будьте уверены, о превращении гражданина в покупателя было много дискуссий и написано достаточно. Но в новом управлении позиции сторон в соревновании между рыночным и гражданским мышлениями далеко не равны. Несмотря даже на то, что «хорошее управление» защищается, особенно на международном уровне, внятен призыв к политическому обновлению и участию, а демократия выступает в качестве инструмента поддержки рыночной экономики, а не сама по себе» [Stivers, 2009, p. 1096].

Оппоненты покупательского подхода к государственному управлению и электронному правительству выдвигают на первый план концепцию предоставления государственных услуг. Для предмета настоящей статьи главным является переход от услуг к их ценности. Внутри концепции «менеджмента публичных ценностей» этот переход означает, что «общественная ценность

больше суммы индивидуальных предпочтений пользователей или производителей общественного продукта, который рассматривается как совместно определяемая публичная ценность, возникающая путём обсуждения с участием членов избранного и назначенного правительства и ключевых стейкхолдеров. Достижение общественной ценности, в свою очередь, зависит от выбранного рефлексивно способа действий, зависящего от набора интервенционных опций, опирающегося на создание и поддержку сетей обеспечения» [Stoker, 2006, p. 42]. В соответствии с этим коллаборативный подход к электронному правительству демонстрирует новый характер взаимоотношений между правительством и гражданами и другими пользователями государственных услуг: «Неотъемлемая роль успешного электронного правительства в любом месте мира предполагает обеспечение эффективной платформы электронного участия. Вовлечение граждан в публичный процесс принятия решений требует от правительств вовлечения граждан в число мульти-стейкхолдеров» [United Nations e-Government Survey, 2008, p. 8].

Можно выделить некоторые важные черты идеи ценности услуги:

- ценность услуг для граждан;
- эффективное, отзывчивое и отработанное правительство;
- участие граждан в публичной политике и политике услуг;
- стратегия сотрудничества во взаимодействии граждан и правительства;
- предоставление услуг на основе эффективной коммуникации;
- гибкость в использовании услуг, комбинация традиционных и новых каналов предоставления услуг.

Официальная идеология российской административной реформы и специальной программы электронного правительства не содержит концептов управления публичными ценностями, связанного правительства и ценности услуг соответственно, однако к ним относятся некоторые из трендов. Различные аспекты гражданского участия можно найти в системе оценки политик, стандартизации правительственных функций и предоставления государственных услуг, в идее и практиках многофункциональных центров и правительственных порталов.

Обратная связь в регулировании мониторинга эффективности управления

В последние годы оценка эффективности правительства берёт своё начало в бюджетной реформе, основанной на бюджетировании, ориентированном на результат (БОР). Эта система введена в действие Постановлением Правительства РФ от 22 мая 2004 г. Одно из условий этой системы — создание механизма оценки эффективности, что связано с подготовкой докладов о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД). Указом Президента Российской

Федерации от 28 июня 2007 г. создана новая система и список параметров для оценки эффективности региональных органов исполнительной власти.

Указом Президента от 28 апреля 2008 г. определена система параметров оценки эффективности деятельности местных органов исполнительной власти городских округов и муниципальных образований. 9 февраля и 28 марта 2008 г. Правительство Российской Федерации внесло изменения в Концепцию административной реформы и отложило её реализацию с 2008 до 2010 г. Таким образом, вопросы, относящиеся к увеличению эффективности деятельности исполнительной власти, были в первоочередной повестке дня.

Существенные изменения в этом подходе к оценке эффективности заключаются в следующем:

- система оценки эффективности координируется созданием комплексных систем управленческих и межуправленческих планирования и управления проектами, ориентированных на цели и результаты деятельности;
- расширены ключевые параметры эффективности и производительности деятельности исполнительных органов, оценивающие основные направления в соответствии со стратегическими целями;
- обозначена следующая проблема: создание единообразных вертикально интегрированных систем мониторинга производительности правительственных органов и учреждений местного управления на основе достижения основных параметров социального и экономического развития Российской Федерации и исполнения ими властных функций (ГАС «Управление»);
- создание конкурентных механизмов по распределению ресурсов между подразделениями;
- создание системы стимулирования гражданских служащих на основе производительности труда, официальных правил и трудовых контрактов.

Приказом Правительства от 17 ноября 2008 г. № 1663-р определены «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г.» В соответствии с этим документом основным условием административной реформы обозначено «улучшение качества работы правительства и местного самоуправления». Так, основной упор делается на конечную производительность, мотивацию на исполнение функций и властных полномочий Правительства Российской Федерации, федеральных исполнительных органов, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и учреждений местного управления. Одновременно с этим на всех уровнях власти поставлена задача борьбы с коррупцией и бюрократизацией. В разделе «Эффективное государство» в соответствии с целями управления указаны пять первоочередных целей: 1) создание системы стратегического менеджмента; 2) ориентирование федеральных исполнительных органов и государственных служащих на управление по результатам; 3) оптимизация функций испол-

нительных органов и улучшение качества государственных услуг; 4) увеличение эффективности государственного сектора в экономике; 5) прозрачность правительства, взаимодействие правительства с бизнесом и гражданским обществом.

Необходимо отметить, что российская система оценки эффективности обладает несколькими элементами эффективной коммуникации. Основным механизмом обратной связи этой официальной системы — *опросы общественного мнения* об удовлетворённости граждан государственными услугами или деятельностью исполнительных органов. Согласно указам Президента 2007 и 2008 гг. такие опросы общественного мнения должны стать важной составляющей процесса оценивания. Однако документы не обозначают, как часто и кому результаты таких опросов должны предоставляться. Вторым элементом обратной связи — система *общественных палат*, вводимая на различных уровнях государственной власти, включая федеральные и местные органы. В центре этой системы находится Общественная палата РФ, состоящая из 126 представителей. Палата сформирована на основании Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» 2005 г. В соответствии с этим Федеральным законом Общественная палата состоит из сорока двух граждан Российской Федерации, кандидатуры которых одобрены Президентом Российской Федерации, сорока двух представителей всероссийских общественных ассоциаций и сорока двух представителей межрегиональных и региональных общественных ассоциаций. Общественная палата Российской Федерации обеспечивает взаимодействие между гражданами, общественными объединениями и федеральной государственной властью, между государственной властью субъектов Российской Федерации и местными правительствами. Основные задачи этого взаимодействия — требования и интересы граждан, защита их прав и свобод, права гражданских объединений, связанные с реализацией политики и гражданским контролем за деятельностью федеральных правоохранительных органов и правоохранительных органов субъектов Российской Федерации и местного управления. Она также способствует реализации государственной политики в области обеспечения прав человека. Различные органы исполнительной власти создают *консультативные советы* и *экспертные группы* для улучшения принимаемых решений и контроля за деятельностью нескольких департаментов.

Экспертная оценка демонстрирует недостаточную и неоднородную реализацию указанных проблем в целом и отдельными органами исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. Это говорит о наличии как методических, так и методологических дефектов и неправильных расчётов. В 2007 г. исполнительными органами только 43% субъектов Российской Федерации был подготовлен «Отчёт о результатах и основных направлениях деятельности», в 33% доклад вообще не был подготовлен.

В сформированной системе оценки эффективности есть существенные недостатки и узкие места. Во-первых, несмотря на наличие большого количества критериев оценки структурных и процессных характеристик, система работает плохо, не позволяет оценить роль деятельности органов исполнительной власти в смысле социальной и экономической эффективности соответствующих отраслей. Например, каково влияние деятельности экономического департамента на экономическую эффективность региональной экономики? Как указывает Министерство промышленности и торговли в «Окончательном отчёте по результатам...» 2007 г., «в таких областях, как нормативное регулирование, организационно-технической, дипломатической и информационной, пересчитать влияние соответствующих [правительственных] действий на целевые параметры (например, на индекс промышленного производства и т.п.) и экономические выгоды практически невозможно или несравнимо с бюджетными затратами. Так, например, изменение затрат на содержание центрального аппарата Министерства не может иметь отношения к количеству и эффективности основных нормативных актов, разработанных и принятых им, несмотря на то, что эти акты разработаны именно служащими, финансирование которых производится из фонда на содержание аппарата».

На уровне субъектов Российской Федерации оценка деятельности органов исполнительной власти по критериям социального и экономического развития не прямая и не говорит о роли административной деятельности в процессе. В системе критериев дифференциация оценок структур, осуществляющих обычно общую политику и управление, и структур, исполняющих государственные услуги, исследована мало.

Как результат, разработанная система оценки деятельности органов исполнительной власти не оказывает стимулирующего влияния на деятельность госслужащих.

Во-вторых, система оценки эффективности имеет в целом внутренний характер. В данной системе не существует «внешнего примера оценки». Такими внешними оценщиками могут быть финансовые структуры (например, Центробанк), независимые агентства по оценке, экспертные центры и группы, и исследовательские группы. Потенциал гражданского общества в этот процесс активно не вовлечён.

В этой связи заметим, что на результат оценки оказывает влияние намерение исполнительных органов представить своё дело в положительном свете. Привлечение экспертов для оценки в рамках бюджетов соответствующих подразделений на исследования не решает проблему объективности и компетентности, особенно в случае прямой оценки деятельности исполнительных органов. Вместо эффективности они оценивают общую социальную и экономическую ситуацию или общие параметры деятельности.

Процесс стандартизации и гражданское участие

В 2008-2009 гг. федеральные и региональные органы управления сконцентрировали свои усилия на разработке административных регламентов по исполнению различных функций и соответствующих услуг населению. На федеральном уровне разработано 550 регламентов, а на региональных уровнях — приблизительно 35000.

Общее количество разработанных, утверждённых и зарегистрированных Министерством юстиции административных регламентов составило 350.

По сути административные регламенты представляют собой пошаговые алгоритмизированные описания оптимизированных процессов исполнения функции или предоставления услуги, включая критерии принятия решений и детализированные характеристики конечного результата в форме стандарта исполнения. В описании административного процесса на каждом из его этапов указаны соответствующие документы и платежи. Эти регламенты открыты для граждан. Как правильно отмечают А. Клименко и А. Жулин, «благодаря созданию административных регламентов гражданское общество имеет возможность впервые взглянуть на бюрократическую машину, до того абсолютно закрытую, что позволяет ей увеличить силу и самостоятельно интерпретировать свою деятельность. Открытость регламентов обеспечивает беспрецедентный уровень прозрачности бюрократии. Хотя открытые в связи с этим возможности всё ещё недостаточно реализованы и требуют участия не только гражданского общества, но и бюрократии» [Клименко, Жулин, 2009, с. 124].

Административные регламенты позволили разрешить проблемы упорядочения деятельности и оказания услуг населению, увеличивая контроль соответствующего вида деятельности, уменьшая затраты и улучшая качество административной деятельности и предоставления государственных услуг. В результате мониторинга административных регламентов, проведённого экспертами ГУ ВШЭ в 2008 г., мнения государственных служащих могут быть обобщены следующим образом:

- введение административных регламентов упорядочило деятельность территориальных органов и процесс взаимодействия между центральными и территориальными органами;
- административные регламенты очень помогли гражданским служащим в тот момент, когда введение регламентов совпало с исполнением новых функций по формированию новых контрольных органов или связанной с этим деятельностью;
- необходимость создания типовых административных регламентов, например, по лицензированию, контрольно-наблюдательным функциям и работе с обращениями граждан была очевидной, а их создание успешным;

— большинство гражданских служащих (76%) считают, что внедрение административных правил усилило контроль исполнения государственных функций.

Тем не менее, исследования применения административных регламентов недостаточно для системы оценивания эффективности работы госслужащих. Правительство и службы отмечают, что при определённом положительном эффекте возникает ряд новых проблем и ограничений в административной деятельности и предоставлении услуг. Существует проблема избыточности административных процедур. Несмотря на то, что административные регламенты в целом сделали систему контроля и предоставления услуг более упорядоченной и определённой, они также вызвали негибкость системы и медленную скорость работы. Регламенты нацелены на увеличение степени предсказуемости деятельности гражданских служащих, однако они не предусматривают частоты появления экстраординарных обстоятельств, которые возникают в сфере административной деятельности и предоставлении услуг конкретным пользователям.

Степень оптимизации исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг требует улучшения. На деле административные регламенты дали возможность контролировать административную деятельность и предоставление услуг. Однако, во-первых, часто неясно, кто ответствен за исполнение конкретных действий; во-вторых, набор детализированных инструкций и норм, содержащихся в правилах, по мнению государственных служащих, затрудняет внешний контроль соответствующего действия. Возникают новые проблемы: в интегрировании действий различных подразделений и официальных лиц в случаях, когда функция или услуга межподразделенческая или необходимо решить вопрос при возникновении разногласий.

Создание и принятие административных регламентов иногда сопровождается публичными слушаниями или публичной экспертизой, что особенно очевидно на региональном или муниципальном уровнях. Это один из механизмов обратной связи между властью и гражданами. Но такая процедура ещё редкость. Таким образом, остаются нерешёнными вопросы оптимизации деятельности, критериев эффективности предоставления услуг и законодательного оформления административных регламентов. Государство регулирует свою деятельность исходя из того, как оно понимает стандарты и качество. Однако сравнение административных регламентов с реальными практиками предоставления услуг позволяет гражданам устанавливать требования к властям и контролировать их деятельность.

Многофункциональные центры (МФЦ)

Для реализации идеи «одного окна» для улучшения предоставления государственных услуг Правительство России в 2007 г. интенсифицировало создание многофункциональных центров в различных регионах страны. На 1 де-

кабря 2013 г. в российских регионах существовало 848 МФЦ — своего рода посредников между гражданами и государством в процессе предоставления госуслуг. Граждане могут обращаться сюда с минимальным пакетом основных документов практически за любой государственной услугой. Вся необходимая дополнительная информация запрашивается без участия граждан на основе интенсивного взаимодействия между различными органами федеральной, региональной и муниципальной властей.

Центр не заменяет государственные органы — министерства и ведомства и не исполняет за них их обязанности, он только организует взаимодействие всех участников предоставления услуги на основе административных регламентов.

Основными целями МФЦ являются:

- личный приём граждан и формирование заявок на услуги в присутствии граждан по принципу «одного окна»;
- сбор для граждан документов, необходимых для принятия решения о предоставлении (или отказе в предоставлении) государственной услуги, путём взаимодействия исполнительной власти правительства и другими организациями, занимающимися подготовкой соответствующих документов и данных;
- формирование полного пакета документов и данных в электронной форме и их передача вместе с заявлением гражданина в исполнительный офис правительства, ответственный за принятие решения о предоставлении государственной услуги;
- мониторинг предоставления государственной услуги ответственными исполнительными органами и информирование граждан об их запросах и этапах рассмотрения и предоставления государственной услуги;
- организация приёмки результатов государственной услуги от исполнительных органов и предоставление готовых результатов заявителям.

Правительственные порталы (ПП) государственных услуг

Российская система порталов предоставления госуслуг начала формироваться недавно, и 2009 г. в этом отношении стал наиболее продуктивным. Теперь в каждом субъекте РФ есть правительственный портал государственных услуг, а 15 декабря 2009 г. открыт Федеральный государственный портал госуслуг (www.gosuslugi.ru). Федеральный интернет-портал государственных услуг должен обеспечивать гражданам и организациям единую точку доступа к соответствующей государственной услуге, предоставляемой государственными властями, единый интерфейс доступа к государственной информации с возможностью перехода на интернет-сайт органа власти, ответственного за предоставление конкретной государственной услуги, или на интернет-портал государственной власти субъекта Российской Федерации (региональный пор-

тал госуслуг). На сегодняшний день он предоставляет только информационные сервисы, но в 2014 г. будет осуществлён перевод в электронную форму 10 наиболее важных государственных услуг, среди которых следующие сервисы: заполнение регистрационных форм идентификационных документов (паспорт, водительское удостоверение), различные детские пособия и получение квитанций на оплату штрафов о нарушении правил дорожного движения. В 2015 г. количество электронных услуг будет увеличено до 100 федеральных и 250 региональных государственных услуг.

В соответствии с концепцией ПП система порталов государственных услуг считается продуктивным и эффективным средством предоставления государственных услуг, с точки зрения власти и граждан. Для граждан это, прежде всего, единообразный источник актуальной, полной, систематической и точной информации о государственных услугах и возможности приёма государственной услуги по принципу «одного окна». Для органов исполнительной власти ПП — фактор совершенствования системы контроля в части производительности предоставления государственных услуг, а также механизм организации межучрежденческого взаимодействия и наиболее полного использования информационных ресурсов.

Целями ПП являются:

- увеличение информационной открытости и прозрачности деятельности органов исполнительной власти Правительства Российской Федерации;
- увеличение информированности граждан и организаций о предоставлении услуг и исполнительных функций властей;
- обеспечение удобства и комфорта (уменьшение финансовых и временных затрат) для граждан и юридических органов в получении государственных и муниципальных услуг в соответствии с требованиями, зафиксированными в административных регламентах соответствующей услуги (функции);
- повышение эффективности межучрежденческого информационного обмена и взаимодействия правительственных департаментов в предоставлении государственных услуг и исполнения государственных функций различными властями.

Эффективность электронного предоставления государственных услуг определяется не только электронным оборудованием, но и установками граждан к этой инновации. Какова ситуация в России? В январе 2010 г. ВЦИОМ представил данные опроса о том, знают ли российские граждане о том, что вскоре часть государственных услуг будет доступна через Интернет, как они оценивают эту инновацию и какой из способов доступа к государственным властям — традиционный (персональный) или электронный — они предпочтут.

В соответствии с этим обзором две трети россиян информированы, что в течение текущего года часть госуслуг будет доступна через Интернет (67%); 22%

хорошо информированы, обладают частичной информацией 45%. Наибольшая информированность фиксируется среди жителей больших и средних городов (71-75%) и возрастной группы 25-59-летних респондентов (71-73%). Однако четверть граждан слышали об этом впервые во время опроса (25%). Крестьяне (32%), молодёжь 18-24 лет и средних лет (30 и 36% соответственно), как правило, не информированы. Каждый четвёртый россиянин выбирает электронное обращение к власти (25%). Прежде всего, это 18-24-летние (42%), москвичи и петербуржцы (44%). Однако традиционное личное обращение всё равно остаётся для россиян наиболее предпочтительным. Пожилые (60%) и крестьяне (48%) в основном придерживаются консервативной позиции.

Заключение

Важным условием для преодоления неэффективности с наименьшими потерями является *способность государства быть ответственным*. Конечно, ответственность обеспечивается институтами — экономическими, политическими, правовыми и моральными, но не меньшей степени внутренним этосом ответственного поведения. Для правительства ответственное поведение крайне важно. В последние годы предпринят ряд мер экономического, политико-юридического и морального плана для увеличения ответственности государственных органов и государственных служащих. Тем не менее на *сегодняшний день разрыв между требованиями общества к ответственному государству и уровень его реализации не преодолен*. Показателем такого разрыва служат данные опросов, демонстрирующих низкий уровень доверия населения к государственной власти. Во время административной реформы такие меры, как стандартизация услуг, мониторинг эффективности правительства, многофункциональные центры, правительственные порталы услуг и информации и т.п., заложили основу для изменений в этой области. Более интенсивное участие граждан в оценке государственных услуг и деятельности правительства, принятии решений по этому поводу может радикально изменить общественное доверие к правительству и способность государства быть ответственным.

Библиографический список

1. Клименко А.В., Жулин А.Б. 2009. *Всероссийский мониторинг внедрения административных регламентов* // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1.
2. Atkinson R., Leigh A. 2003. *Customer-oriented e-government: Can we ever get there?* // The World of E-Government/(eds.) G. Gurtin, M. Sommer, V. Vis-Sommer. Binghampton; New York: Haworth Press.
3. Chadwick A., May C. 2003. *Interaction between States and Citizens in the Age of the Internet: «e-Government» in the United States, Britain, and the European Union* // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. Vol. 16. № 2.

4. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. 2005. *New Public management Is Dead — Long Live Digital-Era Governance* // Journal of Public Administration Research and Theory. Vol. 16, № 4.
5. Durant R. 2000. *Whither the Neoadministrative State? Toward a Polity-Centered Theory of Administrative Reform* // Journal of Public Administration Research and Theory. Vol. 10, № 1.
6. Jaeger P. 2005. *Deliberative democracy and the conceptual foundations of electronic government* // Government Information Quarterly. Vol. 22, № 3.
7. Kaczorowski W. (ed.). 2004. *Connected Government. Thoughts Leaders. Essays from Innovators*. London: Premium Publishing.
8. King St. 2007. *Citizens as Customers: Exploring the Future of CRM in UK Local Government* // Government Information Quarterly. Vol. 24, № 1.
9. McFaul M. 1998. *Russia's "Privatized" State as an Impediment to Democratic Consolidation* // Security Dialogue. Vol. 29, № 2.
10. Olsen J. 2005. *Maybe It Is Time to Rediscover Bureaucracy* // Journal of Public Administration Research and Theory. Vol. 16, № 1.
11. Pang G. M. L., Norris R. 2002. *Applying Customer Relationship Management (CRM) to Government* // The Journal of Government Financial Management. Vol. 51, № 1.
12. Sheridan W., Riley T. 2006. *Comparing e-government vs. e-governance. Commonwealth Center for e-Governance* // eGov monitor. 3 July.
13. Schedler K., Summermatter L. 2007. *Customer orientation in electronic government: Motives and effects* // Government Information Quarterly. Vol. 24.
14. Stivers C. 2009. *The Ontology of Public Space. Grounding Governance in Social Reality* // American Behavioral Scientist. Vol. 52, № 7.
15. Stoker G. 2006. *Public Value Management. A New Narrative for Networked Governance?* // American Review of Public Administration. Vol. 36, № 1.
16. Tapscott D. 1995. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
17. Verheijen T., Coombes D. (eds.). 1998. *Innovations in Public Management. Perspectives from East and West Europe*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
18. *United Nations e-Government Survey 2008. From e-Government to Connected Governance*. New York: UN.

Статья поступила в редакцию 24.11.2013.

.....

FROM SERVICES TO THE VALUE OF SERVICES: RUSSIAN EXPERIENCE OF CONNECTED GOVERNANCE IN EUROPEAN PERSPECTIVES

L. V. Smorgunov

Prof. Leonid V. Smorgunov, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, Chair for Political management, e-mail: lvsmorgunov@gmail.com.

The concept of connected government is in the base of the research, the activity of which is aimed at improving cooperation among government services, strengthening consultations and involving citizens in the process. European perspectives of connected governance are directed

by the idea of turn from services to the value of services. This idea transforms understanding of the relations between the government, businesses, and citizens. All of that attaches importance to the monitoring of service policy and policy feedback. The importance of reforming public administration inspired by the concept has become evident for post-communist states in the period of economic crises. Recent trends in Russian administrative reform (2006-2010) and in implementation of e-government (2009-2013) show some evidence of adopting connected governance perspectives here. They are accented on the ideas of legal state and rational bureaucracy, economic approach to managing property and the principle of assessing administrative activity by result as well as by the importance of quality and efficiency of public services. Three main points could be mentioned: (1) feedback in the regulation of government monitoring of effectiveness; (2) citizen participation in the process of service standardization; (3) multi-functional centers, governmental service portals, and e-consultation on federal and regional levels of e-government. Эти тренды are connected with some tensions and problems in their development and have definite limits. Up today there have been a break between the requirements of the citizens to the state responsibility and the level of its real implementation, which is shown by the polls of public opinion on the citizens' trust to the bodies of state power.

Key words: connected governance, value of services, Russian administrative reform

References:

1. Klimenko A. V., Szulin A. B. 2009. *Vserossiysky monitoring vnedreniya administrativnykh reglamentov. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*. № 1. (The All-Russia Monitoring of Introduction of the Administrative Regulations).
2. Atkinson R., Leigh A. 2003. *Customer-oriented e-government: Can we ever get there?* // *The World of E-Government*/(eds.) G. Gurtin, M. Sommer, V. Vis-Sommer. Binghampton; New York: Haworth Press.
3. Chadwick A., May C. 2003. *Interaction between States and Citizens in the Age of the Internet: "e-Government" in the United States, Britain, and the European Union* // *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*. Vol. 16. № 2.
4. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. 2005. *New Public management Is Dead — Long Live Digital-Era Governance* // *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 16, № 4.
5. Durant R. 2000. *Whither the Neoadministrative State? Toward a Polity-Centered Theory of Administrative Reform* // *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 10, № 1.
6. Jaeger P. 2005. *Deliberative democracy and the conceptual foundations of electronic government* // *Government Information Quarterly*. Vol. 22, № 3.
7. Kaczorowski W. (ed.). 2004. *Connected Government. Thoughts Leaders. Essays from Innovators*. London: Premium Publishing.
8. King St. 2007. *Citizens as Customers: Exploring the Future of CRM in UK Local Government* // *Government Information Quarterly*. Vol. 24, № 1.
9. McFaul M. 1998. *Russia's "Privatized" State as an Impediment to Democratic Consolidation* // *Security Dialogue*. Vol. 29, № 2.
10. Olsen J. 2005. *Maybe It Is Time to Rediscover Bureaucracy* // *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 16, № 1.

11. Pang G.M. L., Norris R. 2002. *Applying Customer Relationship Management (CRM) to Government* // The Journal of Government Financial Management. Vol. 51, № 1.
12. Sheridan W., Riley T. 2006. *Comparing e-government vs. e-governance*. Commonwealth Center for e-Governance // eGov monitor. 3 July.
13. Schedler K., Summermatter L. 2007. *Customer orientation in electronic government: Motives and effects* // Government Information Quarterly. Vol. 24.
14. Stivers C. 2009. *The Ontology of Public Space. Grounding Governance in Social Reality* // American Behavioral Scientist. Vol. 52, № 7.
15. Stoker G. 2006. *Public Value Management. A New Narrative for Networked Governance?* // American Review of Public Administration. Vol. 36, № 1.
16. Tapscott D. 1995. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
17. Verheijen T., Coombes D. (eds.). 1998. *Innovations in Public Management. Perspectives from East and West Europe*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
18. *United Nations e-Government Survey 2008. From e-Government to Connected Governance*. New York: UN.

СДВИГИ В ВОСПРИЯТИИ ВЛАСТИ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ В 2010-Х ГГ.

Е. Б. Шестопа¹

В статье представлены результаты последнего этапа эмпирического исследования психологических сдвигов в восприятии власти после выборов 2011-2012 годов. В статье обсуждаются результаты опроса, включавшего большое количество открытых вопросов, обработанных методом шкалирования. Полученные данные были сопоставлены с результатами предыдущих периодов.

Анализ показывает, что восприятию власти четко просматриваются три этапа. Первый относится к 1990-м гг., когда политическая оптика общества была весьма расфокусированной: одни и те же респонденты симпатизировали одним политикам, доверяли другим, а голосовали за третьих. Второй период, датируемый 2000-ми характеризуется консолидацией общества в отношении власти. Образы власти были схожими у людей разных поколений, регионов, профессий и пр. Этот период резко закончился в 2010 г. Третий период относится к 2010-м. Консолидация общества оказалась во многом нарушена. Нынешний этап характеризуется определенным возвратом к рассогласованности образов власти, характерным для 1990-х гг., хотя полной аналогии тут, конечно, нет.

Одной из причин изменений в отношениях власти и граждан стал приход в политику так называемого поколения нулевых, — людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е, и чья картина мира формировалась в период крайней сумбурности и неустойчивости.

Из позитивных сдвигов в массовом политическом восприятии, нами были зафиксированы закрепившиеся в сознании граждан ценности активизма, готовность подчиняться законам, уход из публичного пространства олигархов. Негативные изменения включают в себя падение престижа армии как властного субъекта при одновременном росте влияния силовых структур.

Ключевые слова: политическое восприятие, образы власти, граждане.

Введение

Ни в одной стране граждане не любят власть, да и та, в свою очередь, идет им на уступки лишь тогда, когда начинаются массовые протесты. В России отношения граждан и власти отличаются тем, что окрашены высоким градусом эмоций. Власть либо не замечает граждан, либо обижается на них, а граждане

¹ Шестопа¹ Елена Борисовна — заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Эл.почта: shestop0505@rambler.ru.

редко относятся к ней с доверием и уважением, однако при этом они ходят на выборы и готовы власть не только выбирать, но и подчиняться ей. Эти отношения на протяжении всей отечественной истории пронизаны сильными чувствами и редко диктуются рациональными интересами.

Характеристика исследования

На протяжении уже двух десятиков лет мы с коллегами изучаем характер отношений власти и граждан. Нас интересует, как и что граждане видят в российской власти, какие образы складываются в их сознании, чем эти образы определяются. Качественно-количественное исследование, начатое в 1993 г., продолжается уже два десятилетия.

Последний этап этого исследования кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ провела весной — летом 2013 г. Исследование носило качественно-количественный характер. Нами был проведен анкетный опрос, включавший большое количество открытых вопросов, обработанных затем методом шкалирования. Опрос проходил в 8 регионах: в Москве, Московской, Саратовской, Челябинской, Воронежской, Томской областях, Башкирии и в Краснодарском крае. Выборка составила 898 чел. Исследование также включало в себя глубинные интервью и проективные тесты. В данной статье мы проанализируем лишь результаты последнего по времени опроса. При этом у нас была возможность сравнить полученные данные с результатами предыдущих исследований, которые мы проводим регулярно, в течение всех постсоветских лет с 1993 г.²

Некоторые теоретические основания исследования

Прежде, чем говорить о результатах исследования, приведем некоторые теоретические положения, лежащие в основании интерпретации полученных нами данных. Политическое восприятие имеет специфические особенности, отличающие его от других видов восприятия [Пищева, 2011; Преснякова, 2000; Психологический образ..., 1994]. Во-первых, оно направлено не столько на отражение объективной действительности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации политической власти и лидеров. Во-вторых, оно отличается большей слитностью когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции. В-третьих, оно является опосредованным (в основном СМИ). И, наконец, поскольку политическое восприятие — это, как правило, восприятие, происходящее на уровне массового сознания, то на него влияют ценности, стереотипы, установки, присущие массовому сознанию.

Если восприятие — это процесс отражения в массовом и индивидуальном сознании власти, лидеров, партий, государств и других политических объектов, то основными элементами, кирпичиками, из которых строится этот процесс, являются образы. В психологии под образом понимается обобщенная

² Результаты предыдущих этапов исследования нашли отражение в работах [Психология политического восприятия в современной России, 2012; Шестопа, 2004; Шестопа, 2008].

картина мира (предметов, явлений), складывающаяся в результате переработки информации о нем, поступающей через органы чувств [Восприятие и деятельность, 1976; Психологический образ..., 1994].

В современной литературе по политической психологии не так много работ, в которых предлагается общая теория политического восприятия. Большинство авторов фокусируют внимание на восприятии конкретных политических объектов, причем среди последних преобладают кандидаты в конкретных избирательных кампаниях [Parker-Stephen, 2004; Feldman S., Johnston P., Conover P., 1983]. Есть и такие объекты восприятия, как политический риск, партии и их лидеры, различные акторы международных отношений, коррупция и т.п. Лишь небольшое число авторов обращается к собственно теории политического восприятия и пытается проанализировать то, что составляет общее и особенное в восприятии различных политических феноменов, пытается описать психологические механизмы восприятия политики [Психология политического восприятия..., 2012; Granberg, 1985; Granberg, Kasmer, Nanneman, 1988].

Образ власти, как и любой образ, представляет собой отражение реальных характеристик объекта восприятия, т.е. политической власти. Эти характеристики образа можно назвать его *объектными* компонентами. Они во многом определяют политическое содержание образа. В то же время образ является проекцией ожиданий субъекта восприятия, т. е. граждан. В образе политической власти отражаются потребности и мотивы, знания и представления, мнения, оценки и стереотипы, ожидания, эмоции, требования массового сознания к власти. Эти компоненты образа можно назвать *субъектными*. Политические образы будут изменяться с изменением психологии массового сознания. Кроме того, характер образов будет меняться и в соответствии с такими характеристиками субъекта восприятия, как пол, возраст, образование, региональные особенности и т. п.

Важным моментом для понимания образов власти является выделение в их структуре рационального и бессознательного компонентов [Букреева, 2013]. Рациональные компоненты образа представляют собой отражение в сознании воспринимающих тех характеристик политического объекта, которые человек осознает и отдает себе в них отчет. Если мы говорим об образе власти, то граждане вполне рационально формулируют свои претензии к ней или, напротив, поясняют, почему они власти доверяют. На рациональном уровне восприятия работают прежде всего когнитивные механизмы.

На бессознательном уровне восприятия преобладают эмоции, которые практически не осознаются индивидом. Он далеко не всегда может объяснить свое отношение к власти даже самому себе, не говоря уже об объяснениях, даваемых другим людям. А если респондент пытается обосновать свой ответ, то это не всегда достоверное объяснение, на которое оказывает влияние феномен рационализации.

Как показывают наши предыдущие исследования, во-первых, в ситуациях политической неустойчивости у граждан могут еще не сформироваться ста-

бильные рациональные установки на политику, и в своем выборе они руководствуются, прежде всего, эмоциями.

Во-вторых, в политическом образе можно выделить такие элементы, как привлекательность, сила и активность, а точнее шкалы: привлекательность — непривлекательность, сила — слабость и активность — пассивность.

Согласно принятой в психологии концепции Ч. Осгуда, мы выделяем три измерения: привлекательность, силу и активность. Присутствие параметра силы несомненно укрепляет привлекательность политического образа. Оценивая все ответы респондентов по этому показателю, мы получаем дополнительный инструмент, отсеивающий многие, казалось бы, бесспорно привлекательные черты, которые без силы не много дают для оценки и прогноза. Сказанное о параметре силы во многом относится и к показателям активности. Активность имеет отношение к исполнению властных полномочий.

Параметры силы и активности, как правило, вполне осознаются гражданами на рациональном уровне. Но они присутствуют и могут быть зафиксированы и на бессознательном уровне.

В-третьих, в политических образах имеет смысл выделять и отдельно исследовать визуальные и вербальные структурные элементы. Образ, как и следует из происхождения этого слова, связан в первую очередь с визуальным восприятием. Восприятие визуальной политической информации всегда было значимым, но в современной политике доминируют Интернет и телевидение, которые имеют дело с визуализацией образов в политике. Следует заметить, что по своей природе визуальные компоненты образов имеют бессознательную природу, поэтому их анализ требует специальных методов, которые позволили бы извлечь и проинтерпретировать эти бессознательные структуры. В наших исследованиях мы использовали для этих целей проективные тесты, метод неоконченных предложений и другие психологические методики.

В-четвертых, важным моментом в оценке индивидом того или иного реального политического объекта является его сопоставление с идеальным прототипом. Политическое восприятие нуждается в некотором ценностном эталоне, без которого восприятие затруднено. Так, для оценки реальной власти, человек обращается к образу власти идеальной, т.е. власти, какой она должен быть. Выявление этого идеального прототипа позволяет более точно понять, почему образ реального политического объекта видится человеку именно таким, а не иным.

В-пятых, в переходных обществах, как верно отмечал Г. Дилигенский [Дилигенский, 1996], политические объекты есть смысл изучать через систему аттитудов, так как они более подвижны, чем ценности, убеждения и другие элементы воспринимающей личности [Sjöberg, 1998]. В психологической литературе принято выделять в аттитуде три элемента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Это означает, что необходимо выявить не только когни-

тивные элементы (вербализованные и, как правило, осознаваемые личностью), но и элементы аффективные, которые редко осознаются, и элементы поведенческие, более близкие к совершению поступка.

Результаты исследования 2013 г. и их обсуждение

Как показали наши предыдущие исследования, власть в постсоветский период воспринималась российскими гражданами на каждом этапе наблюдений по-разному: менялись институты власти, правила игры и, конечно, персональный состав власти. Менялись и граждане, приобретая политический опыт. Однако вплоть до 2010 г. изменения в образах власти носили постепенный характер. Но в 2010 г. мы впервые зафиксировали существенную смену ключевых ценностей и образов. Те перемены, что произошли в головах людей, предшествовали резким сдвигам в реальной политике 2011-2012 гг. Причем в этот период власть не совершала ни особых подвигов, ни роковых ошибок, которыми можно было бы объяснить такую смену общественного настроения.

Начнем с тех констант, которые продолжают определять постоянный фон восприятия власти гражданами. В первую очередь отметим, что власть и в 2013 г., как и прежде, оценивается чрезвычайно негативно в эмоциональном плане. То есть люди власть не любят и поругивают ее при случае. Сохраняется и тот парадокс, который мы отметили ранее: несмотря на негативную оценку власти, люди по-прежнему с готовностью ей подчиняются. Причем подчиняться они готовы, во-первых, законам, во-вторых, государству и, в-третьих, начальству. Власть закона готовы принять 91% опрошенных. Это исторический максимум с 1993 г. То есть эмоциональное неприятие власти, отчуждение от нее не означают отказа ей подчиняться. На наш взгляд, описанные константы объединяют времена сегодняшние с 1990-ми гг. и даже с более ранними периодами.

А вот что произошло нового и почему? Первое, что бросается в глаза, — это рост ценности политического участия (табл. 1).

Приведенные данные показывают рост готовности голосовать (более чем на 20% в сравнении с 2010 г.). Только в 1996 г. — в год президентских выборов — политическая мобилизованность была выше³. Это говорит о том, что сама демократическая система, которая предполагает выборы и гражданское участие, — закрепились в сознании людей, и это один из важнейших результатов.

Кроме того, мы видим, что возросла готовность участвовать не только в выборах, но и в митингах (с 13% в 2010 г. до 22% в 2013 г.), забастовках (с 10 до 16%). Последний показатель также достиг своего исторического пика с 1993 г. Даже в голодные 1990-е гг. процент желающих участвовать в забастовке был ниже, чем сейчас. Возможно, тогда забастовки рассматривались гражданами как не

³ Заметим, что исследование прошло не только в Москве и задолго до сентябрьских выборов 2013 года.

Таблица 1

Готовы ли Вы лично принять участие... (можно дать больше одного ответа) %

Варианты ответа	Год							
	1993	1995	1996	1997	2000	2003	2010	2013
В выборах как избиратель	72,0	72,3	84,0	57,0	73,6	70,6	59,0	80,0
В митинге в поддержку той или иной политической партии, движения	8,0	14,9	10,0	5,0	17,6	8,6	13,0	22,0
В забастовке	8,0	14,9	6,0	8,0	13,6	13,6	10,0	16,0
В выборах как кандидат в депутаты того или иного уровня власти	4,0	29,8	4,0	8,0	13,0	10,0	6,0	38,0
Ни в чем	0	0	5,0	27,0	11,9	19,0	11,0	10,0
Затрудняюсь ответить	0	0	11,0	7,0	5,5	4,4	3,0	1,0

очень «правильный» способ решения споров, ведь в советское время не было забастовок.

Но самым удивительным оказался рост желающих участвовать в выборах в качестве кандидата в органы того или иного уровня власти (38%). И это при том, что авторитет Думы и депутатов не особенно растет. Именно этот факт доказывает, что сама система выборов стала для людей не просто привычной, понятной, она стала желанной.

Дальше нас интересовал вопрос о субъектах власти: кто из действующих в политике лиц обладает наибольшей властью, с точки зрения граждан (табл. 2).

Неудивительно, что президент видится гражданам как самая влиятельная фигура. Но и здесь не все так просто. Сама по себе функция еще не определяет силу влияния. В 2010 г. премьер Путин воспринимался как более властная фигура, чем тогдашний президент Медведев. То есть личность в России имеет больше значения, чем пост. Мало того, если мы посмотрим на позицию премьера в 2013 г., то окажется, что Медведев в этом качестве обладает большей властью, чем его предшественник Путин в 2010 г., видимо, за счет того, что на этом месте посидел Путин, или потому, что граждане стали видеть новые властные возможности у всех без исключения политических акторов.

Понятно, что на первом месте у нас президент, а на втором — по идее должен быть премьер, но второе место с наибольшим скачком заняли силовые структуры – ФСБ, МВД и др. (кроме армии). При этом армия делит по силе влияния последнее место с муниципальной властью (и это несмотря на высокий рейтинг министра обороны С. Шойгу).

Выросло властное влияние и у Госдумы, и у Совета Федерации, и у прокуратуры и судов, у правительства и администрации Президента. Но не менее важно и то, что из поля зрения граждан исчезли хорошо заметные во власти в 2000 г.

Таблица 2

Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в современной России?
(можно дать больше одного ответа) %

Варианты ответа	Год		
	2000	2010	2013
Президент	79,7	24	92
Премьер-министр	–	26	30
Администрация Президента	59,5	6	25
Государственная Дума	24,9	5	20
Совет Федерации	17,7	2	9
Правительство РФ	39,2	6	18
Силловые структуры (ФСБ, МВД и др.)	–	14	51
Губернатор	–	3	13
Местная, муниципальная власть	25,7	3	7
Суд	20,3	3	15
Прокуратора	28,7	3	18
Армия	15,6	1	7
Политические партии	9,7	5	14
Другое	–	–	7

криминальные структуры и олигархи. Это не значит, что их реальное влияние исчезло, но они стали, как бы, не столь заметными для граждан. Это успех власти, которая свой светлый образ стала очищать от порочащих ее связей.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о роли политических партий, которые, хотя и не находятся в центре образа власти в сознании респондентов, но тем не менее стали почти втрое более заметным ее элементом. Поддержка партий выросла, но у каждой из партий картинка складывается по-своему. Одни партии сильны поддержкой их идей, у других сильна электоральная поддержка, а у третьих, хотя не так много сторонников, но зато малантирейтинг. В табл. 3 приведены данные по всем трем кусочкам этой мозаики.

Обратим внимание, прежде всего, на то, что поддержка идей и ценностей партии не означает автоматического голосования за нее на выборах. И второй момент, — электоральное поведение определяется не только позитивными чувствами сторонников той или иной партии, но и интенсивностью неприятия ее противниками.

Теперь посмотрим на образы отдельных партий. Так, «Единая Россия», несмотря на шквал обрушившейся на нее в 2011 г. критики, сохранила первенство и в части идейного влияния, и в электоральном смысле. При этом ее противники представляют собой сегодня довольно мощную силу, о чем говорят ответы на тре-

Таблица 3

1. Скажите, пожалуйста, идеи каких партий Вам близки?

(возможны 2-3 варианта ответа)

2. За какую из партий Вы проголосовали бы, если бы выборы в Государственную Думу состоялись в ближайшее воскресенье?

3. За какую из партий Вы не проголосуете ни при каких условиях?

Варианты ответа	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3
КПРФ (Г. Зюганов)	22,8	13,4	20,7
«Единая Россия» (Д. Медведев)	33,4	29,0	27,1
ЛДПР (В. Жириновский)	15,0	6,0	27,3
«Справедливая Россия» (С. Миронов)	14,1	6,3	8,7
«Яблоко» (С. Митрохин)	9,2	4,8	15,8
Союз Правых Сил (А. Гозман)	2,8	0,4	12,4
«Гражданская платформа» (М. Прохоров)	14,8	8,7	12,0
Другое (укажите, что именно)	2,6	3,8	1,0
Не поддерживаю ни одну партию	22,7	20,3	5,5
Затрудняюсь ответить	5,0	6,5	7,0

тий вопрос. По числу недоброжелателей ее опережает только ЛДПР. У этой партии есть солидные резервы, но и проблемы с ее восприятием тоже весьма серьезные.

Коммунистическая партия, хотя и имеет больше противников, чем сторонников, но сохраняет устойчивое идейное влияние.

Справедливороссы, о которых на самом деле опрошенные довольно мало знают, тем не менее, пользуются доверием за счет идеи социальной справедливости, заложенной в их названии, хотя, судя по их электоральным результатам и наличию большего числа противников, чем сторонников, не очень хорошо пользуются этим мощным идейным ресурсом.

«Яблоко» и *Союз Правых Сил* выглядят в глазах опрошенных явными аутсайдерами и также, как ЛДПР, видимо, утратили перспективу.

Стоит отметить, что недостаточно воспользовались своим идеологическим ресурсом и лидеры «Гражданской платформы». Они не смогли пустить в ход конкурентные преимущества «новичка в политике» и слабость своих конкурентов на правом фланге, хотя и имеют существенный идейный потенциал. Одним из факторов их успеха у населения стал рост либеральных настроений в обществе за последние годы (табл. 4).

Примечательно, что ни одна политическая идеология не получила такого роста сторонников, как либералы. Если посмотреть предыдущие замеры, то они, можно сказать, достигли своего исторического максимума.

Таблица 4

Как бы Вы определили свои политические предпочтения?, %

Варианты ответов	Год							
	1993	1995	1996	1997	2000	2003	2010	2013
Либерал	4,2	14,9	10,9	11,3	13,4	7,0	17,0	20,4
Социалист		10,6	10,9	3,3	8,4	5,8	10,0	9,7
Анархист		2,1		1,7	2,5	1,2	3,0	1,4
Демократ	33,3	17,0	31,7	21,7	27,6	24,5	33,0	30,4
Патриот				15,0				
Националист				5,0		3,4		
Радикал	4,2	14,9	2,0	1,7	2,5	2,1	3,0	1,3
Консерватор	20,8	6,4	5,9	15,0	12,1	4,8	10,0	10,2
Коммунист	25,0	27,7	6,9	3,3	7,1	12,0	7,0	7,2
Аполитичный	8,3	4,3	27,7	20,0	19,2	20,2	16,0	14,8
Другое	4,2	2,1	5,9		4,2	3,7	2,0	5,7
Затрудняюсь ответить						14,5		

Демократы, в общем-то, удерживают первенство по числу своих сторонников, они стоят на первом месте (30,4%). В понятии «демократ» скрываются самые разные оттенки.

Снизилась показатели и у социалистов. Консерваторы, как и коммунисты, не увеличили своего представительства, остались примерно на том же уровне.

Но самое любопытное, на наш взгляд, заключается в том, при реальном росте национализма и ксенофобии, которые фиксируют все опросы общественного мнения, люди не хотят называть себя националистами. Среди респондентов не было ни одного человека, который бы признался, что он националист или хотя бы патриот⁴. Это говорит о том, сегодня это не очень принято озвучивать публично. Произошло также определенное снижение числа аполитичных. Развитие российской партийной системы привело к тому, что почти за три года людей, которые хотят стоять вне политики, стало меньше.

Если посмотреть на картинку в целом, то она довольно четко распадается на три этапа: первый этап относится к 1990-м гг. В этот период политическая оптика общества была весьма расфокусированной: одни и те же респонденты симпатизировали одним политикам, доверяли другим, а голосовали за третьих. Такой вот политический «астигматизм». Этот период закончился в 2000 г., и связан он с приходом Путина и достигнутой властью стабильностью. Произошла консолидация общества в отношении его видения власти. Образы

⁴ Заметим, что после воссоединения с Крымом число «патриотов» несомненно увеличилось, но исследование проходило задолго до этого события.

власти были схожими у людей разных поколений, регионов, профессий и пр. Этот период резко закончился в 2010 г.

Одной из причин изменений в отношениях власти и граждан стал, как нам представляется, приход в политику так называемого поколения нулевых, — людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е и чья картина мира формировалась в период крайней сумбурности и неустойчивости. С одной стороны, у этого поколения представления о политике сложились под влиянием официальной демократической риторики, которую они усвоили изначально, в ходе первичной политической социализации, с другой — эта официальная картинка не очень стыковалась с реальными политическими практиками. Такой когнитивный диссонанс подталкивает это поколение к протесту. Именно эти люди вышли на Болотную и Сахарова, они голосовали за Навального и Ройзмана, и хотя они не определяют лицо всей российской политики, но их присутствие изменило политический ландшафт, который сегодня выглядит не так, как это было еще несколько лет назад.

Консолидация общества 2000-х гг. была разрушена и благодаря тому, что у печатных СМИ и телевидения появился мощный конкурент, неподконтрольный власти, — Интернет. Власть пока не научилась эффективно воздействовать на граждан через новые формы политической коммуникации. Эта ситуация сказалась уже не только на поколении нулевых, но и на других возрастных когортах.

Нынешний этап характеризуется определенным возвратом к рассогласованности образов власти, характерным для 1990-х гг. Полной аналогии тут, конечно, нет. Можно говорить и о новом позитиве, и о новых опасностях, которые появляются именно сейчас.

Позитив заключается в том, что политическую систему все-таки удалось сохранить. Это очень важно, потому что, если еще раз произойдет такой слом, как в начале 1990-х гг., то страна этого может и не пережить. А опасности тоже вполне понятны: нестабильность может вместо развития привести к серьезным потрясениям, когда власть не может удовлетворить самых простых требований граждан и обозленные граждане выходят с битами и крушат все вокруг. И мы сейчас видим, что эта опасность снова поднимает голову. Образы власти, которые мы изучаем, — это отражение настроений, чувств, представлений, по которым можно судить о возможном поведении людей.

Сегодня происходит локализация недовольства в обществе в разных сегментах политического поля. С одной стороны, резко возрос правый, либеральный сегмент, объединяющий образованный, средний класс. Его недовольство связано, прежде всего, со стремлением получить большее политическое представительство. Недовольство властью этой части общества диктуется скорее рациональными интересами, чем эмоциями. В этом сегменте общества впервые за многие годы наших исследований стал настойчиво звучать тезис о неэффективности власти.

Большая часть общества пока вполне лояльна власти, хотя она тоже испытывает определенное недовольство, но в первую очередь ждет от власти справедливости; ее требования носят скорее моральный, нежели политический характер. Эти люди готовы подчиняться, слушаться начальства, выполнять законы, и для них государственность является наивысшей ценностью при условии, что власть справедлива.

Но есть и третий сегмент, который, как вулкан, пока пребывает в латентном состоянии и лишь эпизодически дает о себе знать выступлениями то на Манежной площади, то в Кондопоге и Сагре, то в Бирюлеве. Речь идет о радикальных националистах разного толка. Их протест основан не на интересах, а на эмоциях, причем психологически весьма ярких и привлекательных для массы населения, которая пока сохраняет лояльность власти.

Начало текущего электорального цикла стало поворотным моментом, когда власти удалось, с одной стороны, сохранить политическую систему, а с другой – изменить ее, реформировать под давлением требований общества. Думается, что этот процесс не завершен. Если он опять застопорится и власть не удержит инициативу реформирования политической системы, то эта инициатива может уйти к появляющейся на политической сцене оппозиции. И не исключено, что для власти будут опасны не столько участники протестов на Болотной, сколько радикалы, спровоцировавшие погромы в Бирюлево.

Библиографический список

1. Букреева О.В. 2013. *Сравнительный анализ рациональных и бессознательных компонентов образов власти в современной России*: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.
2. *Восприятие и деятельность*. 1976. М.: Изд-во МГУ.
3. Дилигенский Г. 1996. *Российские архетипы и современность* // Вестник Российского общественно-политического центра. № 2.
4. Пищева Т.Н. 2011. *Политические образы: проблемы исследования и интерпретации* // Политические исследования. №2.
5. Преснякова Л.А. 2000. *Структура личностного восприятия политической власти* // Политические исследования. № 4.
6. *Психологический образ: строение, механизмы функционирования и развития*. 1994. М.: Изд-во МГУ. Т.1.
7. *Психология политического восприятия в современной России*. 2012 / под ред. Е.Б. Шестопа. М.: РОССПЭН.
8. Шестопа Е.Б. 2004. *Образы власти в постсоветской России*. М.: Алетейя.
9. Шестопа Е.Б. 2008. *Образы российской власти. От Ельцина до Путина*. М.: РОССПЭН.
10. *Candidates and Their Images*. 1976. Pacific Palisades, California: Goodyear Publishing Company.

11. Feldman S., Johnston P., Conover P. 1983. *Candidates, Issues and Voters: The Role of Inference in Political Perception* // The Journal of Politics. Vol.45, is. 4.
12. Granberg D. 1985. *An Anomaly in Political Perception* // Public Opinion Quarterly. Vol. 49, № 4.
13. Granberg D. 1993. *Political Perception* // Explorations in Political Psychology. Chapt. 4.
14. Granberg D., Kasmer J., Nanneman T. 1988. *An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception* // Political Research Quarterly. Vol. 41, № 1.
15. Greenstein F. J. 2004. *Can Personality and Politics Be Studied Systematically* // Political Psychology: Key Readings. New York: Taylor & Francis Books.
16. Lodge M., Taber C., McGraw K. M. 1989. *An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation* // The American Political Science Review. Vol. 83, № 2.
17. Parker-Stephen E. 2004. *Political Perception and the Micro-Macro Paradox. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association*. Chicago, Illinois: Palmer House Hilton. URL: http://www.allacademic.com/meta/p82571_index.html
18. Sjöberg L. 1998. *World Views, Political Attitudes and Risk Perception* // Risk: Health, Safety & Environment. Vol.137.

Статья поступила в редакцию 20.12.2013.

.....

SWINGS IN PERCEPTION OF AUTHORITIES IN THE BEGINNING OF 2010-S

E. B. Shestopal

Prof. Yelena B. Shestopal, Dr. Sci. (Philosophy), Moscow State University. Dept. for Political science, Chair for political sociology and psychology. E-mail: shestop0505@rambler.ru.

The paper discusses the results of the last stage of an empirical study of the swings in authorities' perception that have taken place since electoral campaign of 2011–2012 in Russia. The poll contained a number of open-ended questions that were processed with the help of scaling technique together with SPSS package for the standard questions. These data were compared with the previous results since 1993. Our analysis has shown that public perception divides into three periods. The first stage includes 1990-s when political optics of Russian society was very unfocused: one and the same respondent could trust one politicians, sympathize to others and voted for the third. The second stage is characterized by consolidation of society towards authorities. Images of power in different generational, gender, professional and regional groups were very similar. This stage abruptly finished in 2010. The third stage started in 2010-s. Consolidation of society was damaged in the beginning of this period that resembles the 1990s with their contradictory authorities' images. Though, analogy is not complete.

One of the reasons for such changes in relations between citizens and authorities was arrival of a so called generation of 00-s to politics. Political socialization of this generation whose have taken place in stormy 1990-s. That is why their political picture of the world formed as extremely unstable and chaotic.

We have fixed some positive swings as well. For instance we have found values of activism that rooted in public mind in the third period. Citizens also express their desire to subordinate laws. Tycoons disappeared from the public space. Negative changes include the decline of army's prestige with simultaneous growth of intelligence influence.

Key words: political perception, images of authorities, citizens.

References:

1. Bukreeva O. V. 2013. *Sravnitel'nyy analiz ratsionalnykh i bessoznatelnykh komponentov obrazov vlasti v sovremennoy Rossii*: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk (*Comparative analysis of rational and irrational components of power images in contemporary Russia*. Cand. dissertation). Moscow.
2. *Vospriyatie i deyatelnost (Perception and activity)*. 1976. Moscow: Moscow State University Publishers.
3. Diligensky G. 1996. *Rossiyskie arkhetipy i sovremennost' (Russian archetypes and modernity)*, Vestnik Rossiyskogo obshchestvenno-politicheskogo sentra (Bulletin of Russian Social-political Center). № 2.
4. Pishcheva T.N. 2011. *Politicheskie obrazy: problemy issledovaniya i interpretatsii (Political images: problems of researches and interpretation)*, Politicheskie issledovaniya (Political researches). №2.
5. Presnyakova L.A. 2000. *Struktura lichnostnogo vospriyatiya politicheskoy vlasti (Structure of personal perception of political power)*, Politicheskie issledovaniya (Political research). № 4.
6. *Psikhologicheskiy obraz: stroenie, mekhanizmy funktsionirovaniya i razvitiya (Psychological image: construction, mechanisms, of functioning and development)*. 1994. Moscow: Moscow State University Publishers. v.1.
7. *Psikhologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoy Rossii (Psychology of political perception in contemporary Russia)*. 2012 Ed Ye.B. Shestopal. Moscow, ROSSPEN.
8. Shestopal Ye.B. 2004. *Obrazy vlasti v postsovetsoy Rossii (Images of power in post-Soviet Russia)*. Moscow, Aletyya.
9. Shestopal Ye.B. 2008. *Obrazy rossiyskoy vlasti. Ot Yeltsina do Putina (Images of Russian Power. From Yeltsin to Putin)*. Moscow: ROSSPEN.
10. *Candidates and Their Images*. 1976. Pacific Palisades, California: Goodyear Publishing Company.
11. Feldman S., Johnston P., Conover P. 1983. *Candidates, Issues and Voters: The Role of Inference in Political Perception* // The Journal of Politics. Vol.45, is. 4.
12. Granberg D.1985. *An Anomaly in Political Perception* // Public Opinion Quarterly. Vol. 49, № 4.
13. Granberg D. 1993. *Political Perception* // Explorations in Political Psychology. Chapt. 4.
14. Granberg D., Kasmer J., Nanneman T.1988. *An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception* // Political Research Quarterly. Vol. 41, № 1.
15. Greenstein F.J. 2004. *Can Personality and Politics Be Studied Systematically* // Political Psychology: Key Readings. New York: Taylor & Francis Books.
16. Lodge M., Taber C., McGraw K. M.1989. *An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation* // The American Political Science Review. Vol. 83, № 2.
17. Parker-Stephen E. 2004. *Political Perception and the Micro-Macro Paradox. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association*. Chicago, Illinois: Palmer House Hilton. URL: http://www.allacademic.com/meta/p82571_index.html
18. Sjöberg L. 1998. *World Views, Political Attitudes and Risk Perception* // Risk: Health, Safety & Environment. Vol.137.

ТИПОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

.....

Э.Э. Шульц¹

Типологизация революций является важной проблемой с точки зрения дальнейшего развития теории революции, выявления их общих черт и закономерностей. В статье рассматриваются подходы и методы классификации такого социального и политического феномена как революция с точки зрения выявления типов революций, начиная с первых таких попыток в середине XIX в. и до сегодняшнего дня. Подробно разбираются концепции К. Маркса и их развитие в марксизме XX в., идеи типов революций первой трети XX в. у Р. Михельса и Д. Питти, подходы социальных исследователей второй половины XX в. - Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, Т. Скокпол, Д. Голдстоуна. Несмотря на многочисленные попытки создать стройную систему критериев типологизации, все существующие системы типов революций вызывают множество вопросов и критических замечаний. Среди основных проблем – отсутствие единого классифицирующего определителя, расплывчатость разграничений между выделяемыми типами, игнорирование некоторых особенностей тех или иных революций. Автор делает анализ современного состояния проблемы типологизации революций, в том числе, через призму современных явлений т.н. «бархатных» и «цветных революций», для объяснения которых часто используются концепции демократизации и её волн, демократического транзита. Он приходит к выводу, что последние не имеют некоторых существенных признаков революционных изменений, в частности, не приводят к коренной социально-политической трансформации. Это доказывает, что отсутствие четкой трактовки понятия «революция» приводит к размыванию границ явления.

Ключевые слова: революция, теория революции, классификация революций, типология революций.

Одна из главных проблем в изучении революций — их типологизация. Эта проблема возникла в связи с теорией революции, так как без классификации все революции остаются набором прошедших революций, не имеющих общих черт и закономерностей, и соответственно не могут быть подвержены системному изучению как явление. Именно поэтому теоретическое изучение революций как особого феномена с самых первых шагов было связано с попытками классификации и определения типов.

¹ Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Эл. почта: nuap1@yandex.ru.

События Нидерландской (XVI в.), Английской (XVII в.), Великой французской революций и европейских революций 1848-1849 гг. дали обильный материал для первых обобщений и зарождения теории революции. Первые указания на различные типы революций встречаются в середине XIX в. Их автор, немецкий социальный философ Карл Маркс, различал три типа революции: буржуазную, уничтожившую феодальный строй в Англии и Франции; пролетарскую (она же социалистическая или коммунистическая революция), которая установит диктатуру пролетариата и отменит эксплуатацию; некий промежуточный вариант — революции в капиталистических странах Европы, где главным движущим классом был пролетариат все еще в союзе с буржуазией и не решавший задачи по установлению диктатуры пролетариата. В дальнейшем третий тип революций получил наименование буржуазно-демократических. Примером таких революций стали революции 1848-1849 гг. в Европе.

Свою типологию революций Маркс строит на определении класса, чьи интересы реализуются в ходе данной революции. «В 1648 году, — писал Маркс, — буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви. В 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви». «В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса» [Маркс, 1957, с. 114].

Нидерландская революция не очень вписывалась в концепцию революций Маркса, поэтому она обойдена его вниманием: Маркс в основном рассуждает на основании английской и французской революций, а события 1566-1609 гг. в Нидерландах называет не революцией, а восстанием нидерландцев против Испании [Маркс, 1957, с. 114]. Нидерландская революция носила национально-освободительный характер, а Маркса интересовала в революциях борьба классов и смена способов производства.

Существенные различия, которые Маркс находил в буржуазных революциях Нидерландов, Англии и Франции списывались им на временную разницу и незрелость первых двух. «Революция 1648 года представляла собой революцию семнадцатого века по отношению к шестнадцатому, революция 1789 года — победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции» [Маркс, 1957, с. 115]. «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций

ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» [Маркс, 1957, с. 114].

Примером пролетарской революции Маркс называл Парижскую коммуну 1871 г. [Маркс, 1960, с. 339]. Революции 1848-1849 гг. в Европе, которые стали именоваться буржуазно-демократическими, сам Маркс считал революциями, которые развивались по нисходящей, в отличие от предшествующих революций, которые шли по восходящей линии [Революции 1848-1849 гг., 1952, с. 436, 443, 447-449]. Более того, ряд из этих революций, в частности в Германии, Маркс называл анахронизмом, «отголоском европейской революции в отсталой стране» [Маркс, 1957, с. 114].

Марксизм XX в. признает буржуазную, буржуазно-демократическую, народно-демократическую, социалистическую (пролетарскую, коммунистическую) и национально-освободительную революции.

Буржуазная революция направлена на свержение феодального строя, социалистическая (пролетарская) — на ликвидацию капитализма и построение коммунистического общества [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320; Большая советская энциклопедия, 1957, с. 174; Философская энциклопедия, 1960, с. 202; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 66, 632].

Революции 1848-1849 гг. в Европе, как и Парижская коммуна 1871 г., вносили методологический хаос, так как, во-первых, произошли уже в капиталистических странах, т.е., не могли быть буржуазными, во-вторых, точно не были пролетарскими, а Парижская коммуна вызывала вопросы по этому поводу.

В.И. Ленин в 1917 г. в работе «Государство и революция» попытался модифицировать схему Маркса, добавив слово «народная» к буржуазной революции. По утверждению Ленина, Маркс учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 г., на которые он и ориентировался: «В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ»» [Ленин, 1969, с. 39]. То есть от буржуазных революций их отличает классовый состав: союз беднейших крестьян с пролетариями [Ленин, 1969, с. 40]. Исходя из некоторых замечаний Ленина, к такому типу революций можно отнести и Парижскую коммуну [Ленин, 1969, с. 40], и русскую революцию 1905-1907 гг. [Ленин, 1969, с. 39].

В дальнейшем в марксистской классификации эти революции получили название буржуазно-демократических и приводились со ссылками на ленинские цитаты.

«Буржуазные революции, прошедшие в ряде стран Западной Европы в 1848 г., показали, что основной особенностью их, в отличие от ранних буржу-

азных революций, было то, что они проходили в период, когда рабочий класс выступил на политическую арену, выдвинув свои требования, имея уже первые зачатки самостоятельной классовой организации. Хотя пролетариат и был еще слаб, но буржуазия уже боялась его и поэтому не решилась смело, с оружием в руках покончить с феодальной реакцией» [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320].

Определение этих революций приобрело следующий вид: буржуазно-демократическая революция — это «такая буржуазная революция, в которой выступает со своими экономическими и политическими требованиями громадное большинство народа — рабочие и крестьяне, задавленные гнётом и эксплуатацией» [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320]. До 1917 г. к таковым относили только неуспешные революции (или революции по нисходящей), после 1917 г. в их разряд попала и единственная успешная революция — Февральская революция 1917 г. в России. Буржуазно-демократические революции стали основными для периода империализма там, где не произошли либо не победили социалистические революции или необходимо было найти связующую нить с социалистической революцией при отсутствии буржуазной. Для этого типа революций в эпоху империализма были характерны: участие в революции основных масс народа — рабочих и крестьян, наличие революционного пролетариата, и мощного аграрно-крестьянского движения [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 320; Философская энциклопедия, 1960, с. 203; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 67].

Народно-демократическая революция — это результат компромисса типологизации революций, нацеленный преимущественно на классификацию революций, которые произошли в странах Восточной Европы и странах третьего мира в XX в. и никак не подпадали под существующую систему. Этот тип революций приобрел буржуазно-демократический и социалистический характер: «*Новой формой буржуазно-демократической революции явились народно-демократические революции в Китае и в некоторых европейских странах народной демократии*» [Философская энциклопедия, 1960, с. 203]. Народно-демократические — это революции, «*руководимые пролетариатом, основанные на союзе рабочих и крестьян, доводящие решение общедемократических задач до конца и тем самым открывающие путь к социализму*» [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 186].

Национально-освободительная революция вырастает из национально-освободительного движения и направлена на уничтожение иностранного господства, завоевание национальной независимости, ликвидацию национально-колониального гнёта [Философская энциклопедия, 1967, с. 9; Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 415]. В связи с тем что данный тип революций не имеет отношения к классифицирующему фактору — смене способа производства и формации, революцию XVI в. в Нидерландах, имеющую признаки на-

ционально-освободительных революций, отнесли к буржуазным, а национально-освободительную борьбу колониальных народов XX в. — к типу буржуазно-демократических движений [Философская энциклопедия, 1960, с. 203].

Подводя итог типологизации революций у Маркса и его последователей, отметим отсутствие единого классифицирующего признака, из-за чего система не только теряет стройность, но и лишается всякого смысла. Если революции призваны изменять способ производства (или формации), то возникает вопрос об отсутствии революций, менявших первобытно-общинный строй на рабовладельческий и рабовладельческий на феодальный. Этот вопрос вся марксистская литература старается обходить, подменяя революционный переход иными понятиями: *«История знает восстания рабов против рабовладельцев, восстания крепостных крестьян против помещиков, антифеодальные буржуазные и буржуазно-демократические революции эпохи поднимающегося капитализма и эпохи империализма, пролетарские социалистические революции. Кроме того, известны народно-демократические революции, руководимые пролетариатом, основанные на союзе рабочих и крестьян, доводящие решение общедемократических задач до конца и тем самым открывающие путь к социализму»* [Большая советская энциклопедия, 1955, с. 186].

Второй вопрос — это пролетарские революции, которых, если брать за определение позицию Маркса, не было в истории человечества. По утверждению Маркса, пролетарские революции происходят, когда пролетариат становится самым массовым классом: пролетарская революция, «возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе» [Маркс, 1961, с. 612]. Социалистических и коммунистических революций, если исходить из построения социализма (или коммунизма) по Марксу, тоже не случилось, иначе необходимо пересмотреть определение социалистической (пролетарской, коммунистической) революции.

Если буржуазно-демократические революции — довольно частое явление в Европе, то, возможно, в этом есть закономерность, у них свои цели и задачи (например, задачи, не решенные предыдущей революцией), и некорректно считать их атавизмом и революциями по нисходящей только потому, что они «не доросли» до социалистической революции, или видеть в них исключительно ступеньку к перерастанию в социалистическую революцию.

Вторая половина XX в. ознаменовалась попытками вернуть жизнь марксизму и модернизировать учение. Для нас представляет интерес такая модернизация в вопросе типологии революций, проделанная в 1980-х гг. советскими историками М. А. Баргом и Е. Б. Черняк. С точки зрения авторов новой концепции, существовали «классические буржуазные революции», которые решали «мировые задачи» данного века, и национальные революции — «специфические проявления тех же потребностей, однако в деформированной локаль-

ми условиями форме» [Барг, Черняк, 1990, с. 221]. «Великие революции определяют преимущественно развитие капитализма вглубь, другие, одновременные с ними — вширь. Первые определяют поступательное движение формации как целого, вторые, и это особенно ярко проявляется в синхронных циклах революций, ее развертывание в пространстве, возникновение и функционирование ее региональных разновидностей» [Барг, Черняк, 1990, с. 222].

Межформационные революции авторы называют еще и базисными, так как в их ходе «осуществлялись ломка феодальных отношений, как это имело место в Англии XVII в. и во Франции в конце XVIII в., первые попытки приведения политической надстройки в соответствие с базисом» [Барг, Черняк, 1990, с. 227]. Внутриформационным революциям присваивается статус надстроечных, так как в их результате «осуществлялось полное или неполное приведение надстройки в соответствие с базисом» [Барг, Черняк, 1990, с. 227]. Далее авторы вводят критерий стадийности и усложняют классификацию видами и подвидами:

- 1) межформационные и внутриформационные;
- 2) межформационные, межстадийные и внутривстадийные;
- 3) межстадийные и внутривстадийные [Барг, Черняк, 1990, с. 231].

В общем виде, без детализации всех подпунктов, авторы делят буржуазные революции XVI-XIX вв., исходя из их объективных задач и результатов, на: «1) межформационные (переход от феодальной формации к капиталистической); 2) внутриформационные межстадийные (переход от стадии к стадии или «перепрыгивание» через стадию); 3) внутриформационные внутривстадийные» [Барг, Черняк, 1990, с. 224].

Весь этот набор межформационных, внутриформационных и межстадийных революций с множеством подвигов и смешанных типов ведет к очень сложным конструкциям и, главное, не облегчает понимание ни феномена революций, ни их разновидностей. При этом многие вопросы, которые возникают к типологизации Маркса и его последователей, так и остаются без ответа. Эта попытка дать новый импульс марксистскому подходу к революциям говорит о том, что данная типологизация обладает определенной жизнестойкостью, но не удовлетворяет ученых в существующем виде, демонстрирует сложность и актуальность вопросов типологии революций и на современном этапе.

Типологизация революций развивалась и вне марксизма.

Немецкий социолог Роберт Михельс в 1930-е гг. поделил революции на революционные и реакционные. «Первый тип — это французские революции 1789, 1830 и 1848 гг., Парижская коммуна, немецкая и австрийская революции 1918 г. и многие другие; второй тип — это путч булочников во Франции в 1889 г., нынешнее движение в Германии, связываемое с именами Каппа и Гитлера, удавшаяся в Италии в 1923 г. фашистская революция (сами фашисты называют

ее революцией)» [Михельс, 2000, с. 108]. С точки зрения целей и задач этих революций в революции первого типа, по Михельсу, революционеры «стремятся добиваться своими действиями совокупности целей, которые исторически еще не достигались нигде в мире, или, по крайней мере, в их стране, тогда как контрреволюционные «революционеры» стараются внешне аналогичным образом вновь реализовать цели, уже достигнутые в прошлом» [Михельс, 2000, с. 108]. Между тем Михельс делает оговорку, что первый тип вовсе не характеризуется одними надеждами на новые порядки, что при нем происходит воскрешение образов свободы из прошлого (представлений о свободе из античности, воспоминаний о гражданских правах в средневековых коммунах и т.д.), а для второго типа не свойственно полное восстановление старых порядков, и он скорее знаменует собой компромисс, при котором в той или иной форме извлекаются уроки из истории падения старого режима [Михельс, 2000, с. 109].

Подобная классификация не получила ни поддержки, ни последователей и, наверное, в первую очередь потому, что второй тип революций, по Михельсу, революциями не является, а в первый попадают все революции, случившиеся на тот момент, т.е. деления и типологизации как таковой не происходит.

Один из первых исследователей теории революции Джордж Петти предложил выделять пять типов революций.

1. «Private palace revolution» — имеется в виду переворот, который осуществляет небольшое количество людей.

2. «Public palace revolution» — в него вовлечено чуть больше людей, возможны движения войск и т.п. «Народ знает, что что-то происходит, но почти не принимает в этом участия».

3. Восстание территории против правительства, установленного другим государством (свержение чужеродного правительства, например Нидерландская революция, польские революции). «Это движение поднимается из широкомасштабного социального фактора, вовлекается в широкомасштабные военные действия, имеет сильную поддержку народа».

4. Великие национальные революции. Классический пример — Французская и русская революции. («Правящий класс отделен от ранее пассивного населения привилегиями власти, собственности и культуры, остается изолированным, разлагается в лидерских способностях, в функционировании и мотивации к мерам, которые необходимы для роста общества. Здесь мы получаем массовый феномен: люди отказываются от своего правительства и правящего класса».)

5. Системная революция (адресуется к Древнему миру и Реформации). «Имеет отношение не к внутренним социальным и политическим системам, а к большим чем одно единственное государство территориям» [Petree, 1966, p. 15-17].

Отметим, что первый, второй и пятый типы согласно всем определениям не относятся к революциям, третий и четвертый представляют собой тип того, что принято называть классической и национально-освободительной революцией.

Израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт делит революции на современные (Нидерландская, Английская, Американская и Французская), которыми сопровождалась модернизация феодального Запада, и поздние современные XIX-XX вв., которыми сопровождается модернизация традиционных обществ иных типов. Современные революции — революции Нового времени — стали моделями и символами изменений и сформировали образ «чистой революции». Вероятность того, что в поздних современных или индустриальных обществах возникнет такое сочетание движений протеста с глубокими структурными изменениями, которое соответствует образу чистой революции, ничтожно мала. «По более распространенной тенденции — поздние индустриальные и особенно капиталистические общества следуют образцу трансформации, который расходится с революционным образом». Эйзенштадт особое внимание уделял модернизационным процессам в революции, утверждая, что темпы и результаты модернизации различны в разных странах и революциях и каждое общество модернизируется в соответствии со своей культурной сущностью [Эйзенштадт, 1999, с. 15, 31, 52-53, 57, 83, 223, 262, 374].

Английский историк Эрик Хобсбаум фактически поддерживает типологию Эйзенштадта, так как считает, что «должна быть фундаментальная разница между революциями эры буржуазного либерализма (и более ранних) и революциями двадцатого столетия» [Hobsbawm, 1986, p. 26]. Во-первых, они имеют разную экономическую основу, во-вторых, революции XX в. низводят до незначительного положения или отрицают законную политическую структуру, устанавливаемую конституцией, на что буржуазные революции делали упор [Hobsbawm, 1986, p. 28, 31]. Кроме того, Хобсбаум отдельно выделяет революции в изживших себя империях, которые были обречены на вымирание [Хобсбаум, 1999, с. 402-434]. В первую очередь речь идет о революциях начала XX в. в Китае, Османской империи и России [Хобсбаум, 1999, с. 404]. Автор различает революции в империях европейских и неевропейских [Хобсбаум, 1999, с. 406].

Здесь возникают вопросы, связанные с выводами Хобсбаума. Во-первых, заявление о стремлении ранних революций к конституции и законной политической структуре должно делаться с множеством оговорок. Например, конституция, написанная революцией 1789 г., так и не вступила в силу, а режимы Кромвеля, якобинцев и Наполеона были не более ограничены (если не менее), чем свергнутых монархов. Более того, «законная политическая структура» существовала после революций во всех социалистических странах Восточной Европы и СССР, причем представляла в определенное время наиболее демократический вариант государственного устройства (по крайней мере, на бу-

маге). Что касается высказанной английским историком идеи объединения по принципу отживших империй, то из этого логического ряда для конца XIX — начала XX в. (которые разбирает автор) выпадают, как минимум, революции в Мексике, германская 1918 г. и 1919 г. и венгерская 1919 г.

Эта типологизация приобрела множество последователей, разделявших революции на классические и иные, или революции в развитых странах и революции в отсталых странах [Laue, 1964, p. 16; Tucker, 1969, p. 137-138]. Производная от этого подхода — деление на 1) революции Запада и Востока [Huntington, 1968, p. 266-273], 2) революции третьего мира и все остальные [Foran, 2005, p. 1, 18-24].

В сводном труде «Революция» (1967 г.) К. Фридрих революции XVII-XIX вв. характеризует как направленные на установление конституционных режимов, а революции XX в. — как большей частью нацеленные на смену политической системы. Кроме того, по мнению К. Фридриха, конституционные революции — это «ограниченные революции» и «таковы революции после Второй мировой войны и революции в колониальном мире» [Friedrich, 1966, p. 7].

Большая группа американских политологов и социологов во главе с признанными авторитетами в области теории революции Джеком Голдстоуном и Тэдом Гарром призывают видеть в революциях «позднего 20 века» иные формы конфликта, поясняя, что эти революции не «классические» по модели (шаблону) французской, русской и китайской революций, это альтернативная модель [Revolutions of the Late Twentieth Century, 1991, p. 3].

Для всех авторов, придерживающихся такого деления, революции в слабо-развитых странах становятся средством преодоления отсталости и выступают в качестве модернизационного инструмента [Хантингтон, 2004, с. 271-278; Foran, 2005, p. 18-24; Laue, 1964, p. 16; Tucker, 1969, p. 137-138].

Американский политолог Сэмюэл Хантингтон полемизирует со сторонниками типологизации по принципу деления на великие, или социальные и экономические, революции и потрясения более ограниченного масштаба, которые характеризуются как чисто политические. Наиболее значительные результаты великих революций, уверен автор, в любом случае лежат «в пределах политической сферы либо прямо с ней связаны». «Полномасштабная революция, — пишет Хантингтон, — предполагает разрушение старых политических институтов и форм легитимности, мобилизацию новых групп в политику, переопределение политического сообщества, принятие новых политических ценностей и новых понятий о политической легитимности, завоевание власти новой, более динамичной элитой и создание более сильных политических институтов [Хантингтон, 2004, с. 310].

Сам Хантингтон проводит типологизацию на основании последовательности и соотношения трех составляющих (этапов) любой революции: 1) насильственное разрушение существующих политических институтов; 2) моби-

лизация новых групп в политику; 3) создание новых политических институтов [Хантингтон, 2004, с. 271].

В западной модели сначала терпят крушение политические институты старого режима; за этим следуют мобилизация новых групп в политику и затем создание новых политических институтов. Восточная революция, напротив, начинается с мобилизации новых групп в политику и создания новых политических институтов и заканчивается насильственным низвержением политических институтов старого строя. Французская, русская, мексиканская и китайская (на своих первых этапах) революции приближались к западной модели; позднейшие фазы китайской революции, вьетнамская революция и другие случаи колониальной борьбы против империалистических держав следовали восточной модели. В целом последовательность фаз более четко выражена в западной революции, чем в революции восточного типа. В последней все три фазы обычно осуществляются более или менее одновременно. Существует, однако, одно фундаментальное различие в последовательности фаз между двумя типами революций. В западной революции политическая мобилизация есть следствие крушения старого режима; в восточной революции она служит причиной его крушения [Хантингтон, 2004, с. 271].

По Хантингтону, вторая отличительная черта — радикальность противостоящих сторон и их смена.

В западной революции основная борьба обычно происходит между умеренными и радикалами; в восточной революции она происходит между революционерами и правительством. В западной революции умеренные находятся у власти недолгое время — между падением старого режима, расширением границ политической активности и приходом к власти радикалов. В революции восточного типа умеренные много слабее; они вообще не занимают властных позиций и по мере того, как развивается революция, становятся жертвами либо правительства, либо революционеров, либо же вынуждаются процессом поляризации присоединиться к той или другой стороне [Хантингтон, 2004, с. 278].

Третья отличительная черта — это «столичность» западной революции («революционеры устремляются из столицы в сельскую местность, чтобы поставить ее под свой контроль») и сельский характер восточной революции (революционеры «из отдаленных сельских районов пробиваются в центр и, в конце концов, овладевают столицей») [Хантингтон, 2004, с. 276-277].

Здесь снова речь идет о революциях до начала XX в., так называемых классических, и революциях XX в. в странах третьего мира, за тем исключением, что термин «восточная революция» — некорректное название, так как по этому сценарию развивались революции и в Латинской Америке.

Для демонстрации промежуточных подходов, которые страдают еще большими методологическими прорехами, приведем пример классификации од-

ного из самых цитируемых исследователей теории революции Тэды Скокпол (Скочпол, Скоцпол в русских переводах и транслитерациях). Автор по внешним признакам объединяет в одну группу великие французскую, русскую и китайскую революции. Все три революции, с точки зрения Т. Скокпол, произошли в богатых аграрных странах, которые отличали: 1) слабость системы управления старого режима; 2) распространение протестных акций среди низших классов; 3) попытки политических лидеров посредством массовой мобилизации установить революционную власть. Во всех трех странах внутренние структурные противоречия дополнялись кризисом в международных отношениях, а в результате революций были созданы централизованные бюрократические государства, получившие возможность стать супердержавами. Политическая напряженность в этих странах происходила не из разногласий торговых и промышленных элит с классом землевладельцев, а «из противоречий между производящим классом, доминирующим классом и государством, с одной стороны, и между классом землевладельцев и государством, с другой стороны» [Skocpol, 1979, p. 41, 47-48; Грязнова, 2007, с. 27-28, 34].

Кроме замечания о возможности стать супердержавами, все остальные характеристики присущи если не всем, то большинству революций. «Возможность стать супердержавами» — очень расплывчатый определитель и относится более к ретроспективному взгляду исследователя. Возникают также вопросы, касающиеся исторической трактовки. Во-первых, почему не отнести эту же «возможность» к английской и нидерландской революциям? Во-вторых, Франция относилась к категории сверхдержав и в эпоху Людовика XIV. В-третьих, Россия значилась сверхдержавой на момент начала Первой мировой войны и точно не считалась таковой после революции и Гражданской войны. В-четвертых, Россия и Китай не стали сверхдержавами после революции, для этого им понадобилось несколько десятилетий. Вопрос о противоречиях и разногласиях элит и классов в представлении Скокпол выглядит еще более спорным. Первый вопрос: кого называть основным производящим классом? Если по объему населения, то основной производящий класс до всех революций — крестьянство, и это имеет отношение не только к Франции, России и Китаю. Если имеется в виду пролетариат (или «пропролетариат»), то он не был доминирующим классом почти ни в одной революции, возможно, за исключением германских революций 1918-1919 гг. и революций конца XX в. в Восточной Европе. Второй вопрос — конфликт с государством, т.е. с единоличным правителем в лице короля, царя, императора или коллективным правительством, представляющим интересы узких социальных групп, — это также основной посыл всех революций. Разногласия торгово-промышленных элит, т.е. капиталистического элемента, с землевладельцами, т.е. феодальной кастой, — это причина революций у Маркса, модернизированная термином «элита», но не меняющая от этого сути.

Таким образом, мы наблюдаем попытки систематизации и выделения типов революций, начиная с середины XIX в. и по сегодняшний день. Все эти попытки связаны со стремлением продвинуть дальше изучение теории революции, которая невозможна без подобных систематизаций. Однако все существующие системы типов революций не обладают единым классифицирующим определителем, или позволяют сильно размывать границы типов, или не включают все особенности прошедших революций и соответственно вызывают множество вопросов и критических замечаний. Несмотря на полуторавековой период систематизации, проблема типологизации революций остается нерешенной и требует дальнейшей разработки.

Индикатором современного состояния изучения теории революции и разработки типологизации, в частности, может служить оценка исследователями событий «бархатных» и «цветных революций».

В «цветных революциях» принято видеть массовый протест и смену власти в Сербии (2001), Грузии (2003), Украине (2004), Киргизии (2005), в этот ряд становятся и неудавшиеся попытки со схожим сценарием: Белоруссия (2006), Армения (2008), Россия (2012). Типологически к явлению «цветных революций» принадлежат и события так называемой «арабской весны». Наименование «арабская весна» получили события в странах Северной Африки и Ближнего Востока в период декабря 2010 — февраля 2011 г., где прошли массовые протестные выступления (в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, Йемене, Бахрейне, Алжире, Иордании, Марокко и Омане), незначительные протестные акции в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре. В результате в трех странах произошла смена режимов: Тунисе, Египте и Ливии (в Ливии и Сирии протестные движения перешли в гражданскую войну).

Значительная группа исследователей характеризует термином «революция» события «цветных революций» на постсоветском пространстве [Мациевский, 2010, с. 21; Степаненко, 2005, с. 28, 29]. События «арабской весны» получили еще и название в литературе «волны революций» или «волны демократизации» [Исаев, Шишкина, 2012, с. 5]. У исследователей теории революции нет единого определения революции, но в любом случае за революцией признаются коренные изменения в обществе — в политической, экономической, социальной сфере [Clark, 1862, p. 5; Huntington, 1968, p. 264; Skocpol, 1979, p. 4]. Никаких коренных изменений «цветные революции» не принесли, они лишь произвели замену одной правящей группы (клана) на другую. К модным теориям, применяемым к событиям «цветных революций», относятся теории демократизации и демократического перехода, теория транзита [Мациевский, 2010, с. 23-24]. Но никакой дальнейшей демократизации в результате «цветных революций» не произошло, набор действий и мер всех постцветных режимов был примерно одинаков и направлен не на реальные изменения, а на

сохранение иллюзий перемен в обществе и поддержание рейтинга власти, популизм первых шагов быстро сменился политическими метаниями и возвратом к прежним состояниям. Современные события в арабских странах часто сравнивают с событиями середины XIX в., известными как «весна народов», и процессом распада социалистического блока в 1990-х гг. [Исаев, Шишкина, 2012б, с. 5]. Однако перечисленные исторические события имеют в своей основе принципиально различные причины, характер и, главное, последствия. Отталкиваясь от основных существующих определений революций, которым «арабская весна» никак не соответствует, некоторые ученые пытаются приписать событиям 2010-2011 гг. революционность за счет создания ими условий для возникновения новых моделей социально-экономического развития и социально-политических трансформаций [Бобохонов, 2012, с. 26; Васильев, 2012, с. 8; Гоним, 2012, с. 4; Исаев, Шишкина, 2012а, с. 7; Коротаев, Зинькина, 2012, с. 28; Filiu, 2011, p. 3; Tweets from Tahrir..., 2011]. Однако эти трансформации не произошли, а возможность или веру в эту возможность дает любая смена политика или партии у власти. На сегодняшний день склоняться к тому, что эти события не были революцией, начинают даже те, кто отстаивал их революционность, справедливо отмечая, что в обществах не были проведены коренные изменения, не изменился ни общественный строй, ни политический [Гоним, 2012, с. 8; Гусаров, 2012, с. 26-27; Ланда, 2012, с. 63].

Таким образом, события всех «цветных революций», к которым относятся и события «арабской весны», не были революциями, так как не изменили политический строй и социальную систему, не создали новых моделей социально-экономического развития и социально-политических трансформаций, не стали звеном в цепи демократизации. В результате всех «цветных революций» произошла смена власти одного политического (экономического, политико-экономического) клана на другой, полная или частичная смена политических элит. Однако и рассматривать смену власти в ходе этих событий как простой государственный переворот, что наблюдается у многих авторов [Комлева, 2013, с. 20; Почепцов, 2005, с. 10-11], неправомерно. Для государственных переворотов не требуется массовый протест. Перевороты осуществляются группой лиц, как правило, при поддержке силовых структур (армии, спецслужб), социальный протест может сопутствовать таким переворотам, они даже могут происходить на волне протестных выступлений, но последний все-таки не является необходимым элементом.

Изменения в результате социального протеста и политического переворота — вот критерий определения принадлежности этого процесса к революции, если меняется не состав правителей, а сама власть и ее принципы. В случае незавершенности революций в этих вопросах или ее отклонении (влево или вправо) происходят новые толчки — до тех пор, пока не завершится необходимый социальный и политический процесс. Так, в Англии после революции

1640-1660 гг. потребовалась «славная революция» 1688 г.; во Франции, чтобы исправить все последствия революции 1789-1799 гг., весь XIX в. и еще три революции: 1830, 1848-1849 и 1871 гг.; в России после длительной революции 1905-1922 гг. и почти 70 лет «модернизации» и консервации — революция 1991 г.

Революции 1989-1991 гг. в странах Восточной Европы, «цветные революции» и события «арабской весны», которые часто сравнивают [Комлева, 2013, с. 23; Мациевский, 2010, с. 21; Почепцов, 2005, с. 7, 8-10; Фисун, 2006, с. 211-212; Исаев, Шишкина, 2012б, с. 5], имеют принципиально различную природу. (Сам термин «бархатные революции», который имплицитно на все похожие события после революции в Чехословакии в ноябре-декабре 1989 г. [Комлева, 2013, с. 23; Почепцов, 2005, с. 7, 9-10], не совсем корректен.) Революции конца 1980-х — начала 1990-х гг. в странах социалистического блока и СССР завершили трансформационные процессы революций в этих странах, которые в силу различных обстоятельств «ушли не туда» («забрали влево»). Эти революции изменили политическую систему, провели трансформации экономической системы, завершили изменения социальной структуры. События «цветных революций» и «арабской весны» ни в одной стране революциями не являлись.

Таким образом, отсутствие четких определений и подходов к систематизации (в частности, типологизации) революций, приводит к размыванию границ явления, невозможности единого понимания процессов, их типов и этапности, эта проблема остается определяющей в комплексном изучении революций и воспроизводится с исследованием каждой новой революции и событий, претендующих на этот социально-политический термин.

Библиографический список

1. Барг М. А., Черняк Е. Б. 1990. *Великие социальные революции XVII-XVIII веков*. М.: Наука.
2. Бобохонов Р. С. 2012. *Кризис авторитарных режимов в арабских странах и опыт демократических изменений в современном мусульманском мире* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
3. *Большая советская энциклопедия*. 1955. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия. Т. 36.
4. *Большая советская энциклопедия*. 1957. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия. Т. 40.
5. Васильев А. М. 2012. *Восстание в арабском мире: посе́вы и всходы* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
6. Гоним В. 2012. *Революция 2.0*. СПб.: Лениздат.
7. Грязнова О. С. 2007. *Те́да Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе* // Человек. Сообщество. Управление. № 4.

8. Гусаров В. И. 2012. *Важнейшие факторы «арабской весны»* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
9. Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012а. *Египетская смута XXI века*. М.: ЛИБРОКОМ.
10. Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012б. *Сирия и Йемен: Неоконченные революции*. М.: ЛИБРОКОМ.
11. Комлева Н. А. 2013. *Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства* // Пространство и время. № 1.
12. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012. *Структурно-демографические факторы «арабской весны»* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
13. Ланда Р. Г. 2012. *Политические волнения в арабском мире: видимость и суть* // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы круглого стола. М.: ЛИБРОКОМ.
14. Ленин В. И. 1969. *Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции* // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат. Т. 33.
15. Маркс К. 1957. *Буржуазия и контрреволюция* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 6.
16. Маркс К. 1960. *Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного товарищества рабочих* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 17.
17. Маркс К. 1961. *Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия»* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат. Т. 18.
18. Мациевский Ю. 2010. *Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004-2010 гг.* // Полис. № 5.
19. Михельс Р. 2000. *Демократическая аристократия и аристократическая демократия* // Социс. № 1.
20. Почепцов Г. 2005. *Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям*. М.: Европа.
21. *Революции 1848-1849 гг.*: в 2 т. 1952. М.: Изд-во АН СССР. Т. 2.
22. Степаненко В. 2005. «Оранжевая революция» — природа событий и особенности национальной гражданской активности // Вестник общественного мнения. № 5 (80).
23. *Философская энциклопедия*: в 5 т. 1960. М.: Советская энциклопедия. Т. 1.
24. *Философская энциклопедия*: в 5 т. 1967. М.: Советская энциклопедия. Т. 4.
25. *Философский энциклопедический словарь*. 1983. М.: Советская энциклопедия.
26. Фисун А. А. 2006. *Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация* // Прогнозис. № 3.
27. Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс.
28. Хобсбаум Э. 1999. *Век империи. 1875-1914*. Ростов н/Д: Феникс.

29. Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.
30. Clark J. 1862. *The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862*. Philadelphia: William S. & Alfred Martien.
31. Filiu J.-P. 2011. *The Arab Revolution. Ten lessons from the democratic uprising*. Oxford University Press.
32. Foran J. 2005. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Friedrich C. J. 1966. *An Introductory Note on Revolution // Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*/ed. by C. J. Friedrich. New York: Atherton Press.
34. Hobsbawm E. J. 1986. *Revolution // Revolution in History*/ed. by Roy Porter and Mikuláš Teich. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Huntington S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
36. Laue T. von. 1964. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900-1930*. London: Weidenfeld & Nicolson.
37. Pettee G. 1966. *Revolution — Typology and Process // Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*/ed. by C. J. Friedrich. New York: Atherton Press.
38. *Revolutions of the Late Twentieth Century*. 1991/ed. by A. Jack, Ted R. Gurr and Farrokh Moshiri. Westview Press.
39. Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Tucker R. 1969. *The Marxian Revolutionnary Idea*. New York: Norton.
41. *Tweets from Tahrir. Egypt's revolution as it unfolded, in the words of the people who made it*. 2011/ed. by Nadia Idle and Alex Nunns. New York: OR Books.

Статья поступила в редакцию 01.11.2013.

.....

TYPOLOGY OF REVOLUTION: HISTORY OF CREATION AND MODERN STATE

E. E. Shults

Eduard E. Schultz, Nizhny Novgorod State University, doctoral student. E-mail: nuapl@yandex.ru.

Revolution typologization is an important problem from the point of view of further development of the theory of revolution, specifying their common features and regularities. The article studies of approaches and methods of classification of such social and political phenomenon as revolution from the point of view of identification of types of revolutions, since the first such attempts in the middle of the XIX century and till today. The author observes in details K. Marx's concepts and their development in Marxism of the XX century, ideas of types of revolutions of the first third of the XX century at R. Michels and G. Piety, approaches of social researchers of the second half of the XX century - S. Eisenstadt, S. Huntington, T. Skocpol, J. Goldstone. Despite numerous attempts to build a harmonic system of typologization criteria all the systems of revolution types induce many questions and critique. Among them being

the absence of a unified identifier, uncertainty in differentiation of the types specified, and ignoring some peculiar features of a revolution. The author does the analysis of a current state of a problem of a tipologization of revolutions, including, through a prism of the modern phenomena of so-called "velvet" and "color revolutions", for explaining of which the concept of democratization and its waves and democratic transit is applied. He also concludes that the last having no signs of revolutionary changes, which particularly do not result in socio-political transformation. This proves that the absence of precise rendering the revolution notion results in eroding the phenomenon boundaries.

Key words: Revolution, theory of revolution, classification of revolutions, typology of revolution.

References:

1. Barg M. A., Chernjak E. B. 1990. *Velikie social»nye revoljucii XVII-XVIII vekov (Great social revolutions of 17-18th centuries)*. M.: Nauka.
2. Bobohonov R. S. 2012. *Krizis avtoritarnyh rezhimov v arabskih stranah i opyt demokraticeskikh izmenenij v sovremennom musulmanskom mire, Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii «kruglogo stola» (Authoritative regimes' crises in Arabic countries and experience of democratic changes in contemporary Muslim world. Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features and prospects. Minutes of round table conference)*. Moscow: LIBROKOM.
3. *Bolshaja Sovetskaja Enciklopedija (Great Soviet Encyclopedia)*, 1955. 2 ed. V. 36. Moscow.
4. *Bolshaja Sovetskaja Enciklopedija (Great Soviet Encyclopedia)*. 1957. V. 40. Moscow.
5. Clark J. 1862. *The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862*. Philadelphia: William S. & Alfred Martien.
6. Eisenstadt S. N. 1999. *Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel»noe izuchenie civilizacij (Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations)*. Moscow, Aspect Press.
7. Filiu J-P. 2011. *The Arab Revolution. Ten lessons from the democratic uprising*. Oxford University Press.
8. *Filosofskaya enciklopediya v piati tomakh (Philosophy encyclopedia in five volumes)*, 1960. V. 1. Moscow.
9. *Filosofskaya enciklopediya v piati tomakh (Philosophy encyclopedia in five volumes)*, 1960. V. 4. Moscow.
10. *Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar (Philosophy encyclopedic dictionary)*. 1983. Moscow.
11. Fisun A. A. 2006. *Politicheskaya ekonomiya "tsvetnykh" revoliutsiy: neopatrimonialnaya interpretatsiya (Political economics of "color" revolutions: neopatrimonial interpretation)*, Prognosis, № 3.
12. Foran J. 2005. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Friedrich C. J. 1966. *An Introductory Note on Revolution // Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*/ed. by C. J. Friedrich. N. Y.: Atherton Press.
14. Gonim V. 2012. *Revoljucija 2.0 (Revolution 2.0)*. St. Petersburg, Lenizdat.

15. Gusarov V.I. 2012. *Vazhnejshie faktory "arabskoj vesny"*, Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii "kruglogo stola" (*The most important factors of The Arabic Spring, Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects*), ed. By I.V. Sledzevsky, A.D. Savateev. Moscow, LIBROKOM.
16. Huntington S. 2004. *Politicheskij poriadok v meniayuschikhsia obschestvakh (Political Order in Changing Societies)*. Moscow, Progress.
17. Hobsbawm E. 1999. *Vek imperii (The age of empire). 1875-1914*, Rostov-on-Don: Phoenix.
18. Hobsbawm E. 1986. *Revolution, Revolution in History*/Ed. by Roy Porter and Mikuláš Teich. Cambridge University Press.
19. Huntington S.P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
20. Isaev L.M. Shishkina A.R. 2012a. *Egipetskaja smuta XXI veka (Egyptian strife of 21st century)*. Moscow: LIBROKOM.
21. Isaev L.M., Shishkina A.R. 2012b. *Siriya i Yemen: Neokonchennye revoliutsii (Syria and Yemen: unfinished revolutions)*. Moscow, LIBROKOM.
22. Johari J.C. 1987. *Contemporary Political Theory: New Dimensions, Basic Concepts and Major Trends*. Sterling Publishers Pvt. Ltd.
23. Komleva N.A. 2013. *Arabskaja vesna kak tekhnologicheskij element struktury mirovogo gospodstva, Prostranstvo i vremia (Arabic spring as a technological element of the structure of world dominancy, Space and time)*, № 1.
24. Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. 2012. *Strukturno-demograficheskie faktory "arabskoj vesny"*, Protestnye dvizheniya v arabskikh stranakh: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferentsii "kruglogo stola" (*Structural-demographic factors of the Arabic spring, Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects*. Minutes of "round table" conference), Moscow, LIBROKOM.
25. Landa R.G. 2012. *Politicheskie volnenija v arabskom mire: vidimost i sut*, Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii "kruglogo stola" (*Political unrest in Arabic world: illusion and essence, Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects*. Minutes of "round table" conference), Moscow, LIBROKOM.
26. Laue T., von. 1964. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900-1930*. London: Weidenfeld & Nicolson.
27. Lenin V.I. 1974. *State and Revolution. The Marxist Theory of the State and the Task of the Proletariat in the Revolution*, Lenin V.I. Collected Works. 4-th ed. Vol. 25. Moscow, Progress Publishers.
28. Maciewski Ju. 2010. *Smena, tranzit ili tsikl: dinamika politicheskogo rezhima v Ukraine v 2004-2010 gg. (Change, transit or cycle: the dynamics of political regime in Ukraine of 2004-2010)*, Polis, № 5.
29. Marx K. 1957. *Burzhuazija i kontrrevoljucija (Bourgeoisie and counterrevolution)*, Marx K., Engels F. Works, ed. 2. V. 6. Moscow: Politizdat.
30. Marx K. 1960. *Grazhdanskaya vojna vo Francii. Vozzvanie generalnogo Soveta Mezhdunarodnogo Tovarischestva rabochikh (Civil war in France. The appeal by General*

- Council of International comradeship of workers*), Marx K., Engels F., Works, ed. 2. V. 17. Moscow: Politizdat.
31. Marx K. 1961. *Konspekt knigi Bakunina "Gosudarstvennost i anarkhiya" ("Stateness and Anarchy" by Bakounine. The synopsis)*, Marx K., Engels F. Works, ed. 2. V. 18. Moscow: Politizdat.
 32. Michels R. 2000. *Demokraticeskaja aristokratija i aristokraticeskaja demokratija (Democratic aristocracy and aristocratic democracy)*, Socis, № 1.
 33. Pettie G. 1966. *Revolution — Typology and Process, Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy* /Ed. by C. J. Friedrich. N. Y.: Atherton Press.
 34. Pocheptzov G. 2005. *Grazhdanskoe sambo: kak protivostoyat «tsvetnym» revoliutsiyam (Civil art of self-defense: How to resist "color" revolutions)*. Moscow: Evropa.
 35. *Revoliutsii 1848-1849 (Revolutions of 1848-1849)*. 1952. V 2, ed. By Potemkin F.V., Molok A. I. v. 2. Moscow: USSR Acad. Sci.
 36. *Revolutions of the Late Twentieth Century*. 1991./Ed. by Goldstone, Jack A., Ted Robert Gurr, and Farrokh Moshiri. Westview Press.
 37. Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press.
 38. Stepanenko V. 2005. *"Oranzhevaya revoliutsiya" — priroda sobytij i osobennosti natsionalnoy grazhdanskoy aktivnosti*, Vestnik obshchestvennogo mneniya ("The orange revolution", the nature of the events and peculiarities of national civil activity, Bulletin of public opinion), No. 5 (80), p. 25-38.
 39. Tucker R. 1969. *The Marxian Revolutionnary Idea*. N. Y.: Norton.
 40. *Tweets from Tahrir: Egypt's revolution as it unfolded, in the words of the people who made it*. 2011./Ed.by Nadia Idle and Alex Nunns. N. Y.
 41. Vasilyev A. M. 2012. *Vosstanie v arabskom mire: posevy i vshody*, Protestnye dvizheniya v arabskikh stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferenci i "kruglogo stola" (*Arabic world riot: seedings and sprouts*. Political unrest in Arabic world: illusion and essence Protest moves in Arabic countries: prerequisites, peculiar features, prospects. Minutes of "round table" conference), Moscow, LIBROKOM.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЯХ

.....

А. С. Берберян, О. Р. Тучина¹

В статье рассматриваются категории «самопонимание» и «самоинтерпретация» с позиций субъектно-бытийного подхода. Самопонимание – это процесс поиска ценностных оснований бытия личности в социокультурном контексте. Самоинтерпретация рассматривается как способ самопонимания, основанный на вопросах, обращенных субъектом к себе. Каждый тип самоинтерпретации представляет собой определенный тип вопросов, которые человек задает себе, определяя, тем самым, направление поиска ценностных оснований своего бытия.

Освоение личностью этнокультурной традиции приводит к тому, что в рамках определенной культурной традиции люди ориентируются на определенный тип вопросов, ведущих к пониманию определенных сторон своего Я, что проявляется в доминирующем типе самоинтерпретации.

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило предположение о связи особенностей этнической культуры и выраженности определенных типов самоинтерпретации: у представителей большого титульного этноса (русских респондентов) был выявлен самый высокий из исследуемых групп уровень независимой и металичности самоинтерпретации, у представителей малого интегрированного этноса (адыгов и абхазов) – взаимозависимой самоинтерпретации. Независимая самоинтерпретация в большей мере характерна для мужчин, чем для женщин, тогда как взаимозависимая самоинтерпретация определяется, главным образом, особенностями бытия этнической группы; металичная самоинтерпретация не зависит от половой принадлежности.

Феномен самоинтерпретации, таким образом, является отражением на индивидуальном уровне норм и ценностей этнокультуры, разделяемых индивидом.

Ключевые слова: самопонимание; самоинтерпретация; независимый, взаимозависимый, металичный тип самоинтерпретации.

¹ Берберян Ася Суменовна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета (Ереван, Республика Армения). Эл. почта: aspsy@inbox.ru.

Тучина Оксана Роевдовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета. Эл. почта: tuchena@yandex.ru.

Работа подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодежи».

Постнеклассическое понимание мира и места человека в мире характеризуется ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. Субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым она выступает субъектом. Как отмечает З.И. Рябикина, «методологическое значение субъектного подхода состоит в осмыслении проблем, возникающих в связи с реализацией человеком главной функции — быть субъектом тех многообразных бытийных пространств, в реорганизации которых он утверждает себя как личность» [Рябикина, 2013, с. 7]. В.В. Знаков особо подчеркивает такой критерий субъектности, как развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающих человеку взгляд на себя со стороны: «Субъект — это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания» [Знаков, 2007, с. 67].

Цели статьи: анализ теоретических представлений о самопонимании и самоинтерпретации; эмпирическое исследование особенностей самоинтерпретации представителей разных этнических групп.

В отечественной науке проблема самопонимания изначально рассматривалась в контексте проблемы понимания: любой акт понимания одновременно осуществляется в двух направлениях; понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект вместе с тем углубляется в себя и как бы возвышается над собой; понять себя — значит «выйти за свои пределы и узнать правду о себе» [Знаков, 2005, с. 212]. Самопонимание как психический процесс представляет собой постепенное выявление, открытие человеком правды о себе, т. е. его соотнесение с внутренними критериями развития личности.

Следовательно, самопонимание — это процесс поиска ценностных оснований бытия личности в социокультурном контексте. Самопонимание как результат данного процесса представляет собой ценностно-смысловой конструкт, выражающий понимание и объяснение субъектом мира и самого себя. Самопонимание всегда происходит в определенном социокультурном контексте, определяющем способ и очерчивающем границы самопонимания.

Различая понятия «понимание» и «интерпретация», В.В. Знаков рассматривает интерпретацию как «способ понимания, порождение субъектом смысла понимаемого» [Знаков, 2009, с. 21]. Поскольку понимание включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, рассмотрения его с разных позиций, разных точек зрения, то и самопонимание предполагает разные типы самоинтерпретации. С позиций психологии человеческого бытия субъекту нужно не получить ответы на конкретные вопросы, а понять, какие вопросы возможны и уместны при определенных жизненных обстоятельствах. Таким образом, самоинтерпретация — способ

самопонимания, основанный на «вопросах, обращенных субъектом к себе, своим знаниям и эмоциональному опыту» [Знаков, 2009, с. 19].

Концепт «self-construal» (переводимый как «схема Я», «самотолкование», «Я-конструкт», «самоинтерпретация»), активно используемый в западной науке в последние десятилетия и определяемый как «констелляция мыслей, чувств и действий, проявляемых во взаимоотношении с другими» [Singelis, 1994, p. 581], позволяет описать и исследовать типы самоинтерпретации. В соответствии с тем, какой вопрос задает себе человек, он узнает что-то о себе. По нашему мнению, каждый тип самоинтерпретации представляет собой определенный тип вопросов, которые человек задает себе, определяя тем самым направление поиска ценностных оснований своего бытия и очерчивая тот контекст, в рамках которого происходит самопонимание. Используя разные типы самоинтерпретации, субъект способен понимать разные стороны своей личности, разные аспекты своего Я. В западной психологии были выделены, описаны и эмпирически исследованы три типа самоинтерпретации, соответствующие, на наш взгляд, основным способам самопонимания.

Независимая самоинтерпретация — это способ самопонимания, предполагающий постановку вопросов, направленных на выявление информации о своей уникальности, своих отличительных чертах, «осознание своей личности как целостного и стабильного Я, отделенное от социального контекста» [Singelis, 1994, p. 581]. Используя такой способ самопонимания, индивиды склонны чувствовать и осознавать в первую очередь свою уникальность, свои отличительные черты, свои возможности, личностные качества и собственные цели [Markus, Kitayama, 1991]. Аспект самопонимания, рассматриваемый как когнитивная репрезентация себя, своего Я, изучается в психологии развития [Damon, Hart, 1982]. В процессе реализации данной стратегии Я-субъект, по терминологии У. Джеймса, познает Я-объект, последовательно восходя от когнитивной репрезентации своего физического Я до репрезентации психического и духовного Я. Особое место в рамках изучения феномена самопонимания в данном направлении занимает проблема отличия субъекта от других людей, которые играют существенную роль в конструировании осмысленной идентичности. В соответствии с основными положениями данного подхода человек не может иметь чувство о том, кто он есть, без переживания чувства о том, кем он не является, что влечет за собой осознание своих отличительных особенностей. «Концепция Я основана на понимании собственного отличия от других в социальном мире. Это когнитивная основа для самоидентификации как уникальной индивидуальности и своей особой позиции, статусе и роли внутри общественной структуры» [Damon, Hart, 1982, p. 844].

Взаимозависимая самоинтерпретация — это способ самопонимания, представляющий собой постановку вопросов, направленных на конструирование представления субъекта о себе как члене определенной общности (семьи, эт-

нической, религиозной, профессиональной группы), акцентирующих на «внешних свойствах окружения, таких как статус, роли, взаимоотношения, принадлежность и приспособляемость, занятие собственной позиции и вовлечение в соответствующую деятельность» [Singelis, 1994, p. 581]. Данный способ самопонимания представлен прежде всего способностью и склонностью субъекта к идентификации себя с определенной группой, пониманию себя через соответствие нормам и ценностям данной группы. Этот способ самопонимания предполагает интерпретацию своих мотивов, намерений, поступков через сопоставление их с культурными и социальными нормами и правилами, т. е. ценностно-смысловую интерпретацию своей личности в контексте групповых ценностей.

Металичностьная самоинтерпретация — способ самопонимания, представляющий собой постановку вопросов, направленных на поиск смысла своего существования, своих поступков в системе координат, которая выходит за пределы личности и охватывает более широкие стороны человеческого существования, жизни, души или космоса, конструирование представления о себе, имеющего отношение к «сущности за пределами индивида и других людей, к универсальному центру, связующему все человечество» [ДеЧикко, 2007, с. 51]. Данный тип самоинтерпретации характеризует переживание высших моментов личностного бытия, сопровождающееся ощущением: «это и есть настоящий Я». В контексте психологии субъекта металичностьная самоинтерпретация может рассматриваться как проявление субъектности, поскольку в самом полном и широком смысле слова субъект — «это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» [Брушлинский, 1994, с. 4].

Проблеме независимой-взаимозависимой самоинтерпретации и связанными с ней особенностями личности, познания, социального взаимодействия посвящено большое количество как теоретических, так и эмпирических исследований [Lyons, 1983; Markus, Kitayama, 1994; Markus, Kitayama, 1991; Markus, Cross, 1990]. В последние годы был концептуализирован и эмпирически изучен еще один тип самоинтерпретации — металичностьный, поскольку, по мнению исследователей, независимая-взаимозависимая самоинтерпретация описывает не весь спектр культурных установок человека, даже взятые вместе, они дают неполную картину Я [Фридман, 2007]. Эмпирических исследований металичностьной самоинтерпретации и ее связи с другими психологическими конструктами на сегодняшний день сравнительно немного, практически все они проведены Т. ДеЧикко и ее коллегами [ДеЧикко, 2007; DeCicco, Stroink, 2007; Mara, DeCicco, Stroink, 2010].

В ряде исследований было показано, что тип самоинтерпретации может быть скорее гибким, зависящим от текущих мотивов и ситуации, чем стабиль-

ным личностным свойством [Швырев, 2001; Kuhnen, Hannover, 2000; Trafimow, Triandis, Goto, 1991; Trafimow, Silverman, Fan, Law, 1997]. Активация определенного типа самоинтерпретации влияет на процесс переработки контекстно-обусловленной информации и социального познания. Исследования показали, что индивиды с активированной зависимой самоинтерпретацией более внимательны к социальному контексту, их мнения более обусловлены контекстом [Kim, Klingle, Sharkey, Park, Smith, Cai, 2000], они более отзывчивы к социальным нормам [Gardner, Gabriel, Lee, 1999]. Индивиды с актуализированной взаимозависимой интерпретацией более склонны к одобрению ценностей коллективизма, а с независимой интерпретацией — индивидуализма [Singelis, 1994].

В западной кросс-культурной психологии активно обсуждается вопрос, какими причинами вызваны различия в уровне разных типов самоинтерпретации представителей разных культурных традиций. Х. Маркус и Ш. Китама объясняют различия в самоинтерпретации особенностями социализации в разных культурах: в индивидуалистическом обществе социализация направлена на то, чтобы человек мог стать уникальной личностью, выразить себя, реализовать и актуализировать внутреннее Я, добиться своих личных целей; в коллективистических культурах социализация направлена на формирование мотивации и поведения, соответствующих групповым нормам и способствующих благополучию группы. Когда люди успешно выполняют эти культурные задачи, они испытывают чувство удовлетворения и соответственно повышается их самооценка. В качестве культурных оснований металичности самоинтерпретации Т. ДеЧикко рассматривает восточные духовные традиции: все базовые традиции буддизма (хинаяна, махаяна и ваджраяна) имеют трансперсональный смысл — выход за пределы привычного Я, их объединяет стремление выйти за пределы своих ограничений, развить в себе состояния и возможности, имеющие трансперсональное измерение [Майков, Козлов, 2007].

Таким образом, в западной психологии тип самоинтерпретации рассматривается как медиатор культурного влияния [Gudykunst, Matsumoto, Ting-Toomey, Nishida, Kim, Heuman, 1996]. Тип самоинтерпретации в рамках данной концепции обусловлен доминирующим типом культуры и способствует существенным межкультурным различиям во множестве областей и моделей поведения. Так, М. Ким описывает самоинтерпретацию как теоретический конструкт, наиболее часто используемый для обобщения результатов кросс-культурных исследований в области коммуникативной мотивации [Kim, Klingle, Sharkey, Park, Smith, Cai, 2000].

Ряд исследователей, однако, скептически относятся к проблеме валидности самоинтерпретации как конструкта, объясняющего кросс-культурные различия. Д. Мацумото считает, что данные психологические феномены «действительно существуют, но их фундаментальные основы связаны с чем-то иным, нежели индивидуализм и коллективизм» [Мацумото, 2002]. Х. Парк и Т. Левин,

анализируя результаты исследования связи между типом культуры и типом самоинтерпретации, приходят к выводу, что они не соответствуют базовым утверждениям теории [Singelis, 1994].

Чтобы выявить валидность конструкта «самоинтерпретация», т. е. определить, является ли самоинтерпретация отражением особенностей культуры, ученые провели метаанализ результатов целого ряда кросс-культурных исследований [Levine, Bresnahan, Park, Lapinski, Lee, Lee, 2003]. Их задачей было выявить, является ли взаимонезависимый тип самоинтерпретации доминирующим в западных, индивидуалистических культурах, а взаимозависимый — в восточных, преимущественно азиатских культурах. Проанализировав результаты исследований, в которых участвовало более 4000 испытуемых из стран Америки, Европы и Азии, ученые пришли к следующему выводу: нельзя однозначно утверждать, что испытуемые из Японии, Кореи, Китая или Тайваня обладают более зависимым типом интерпретации, чем представители США, Канады или Австралии. Также было опровергнуто утверждение, что представители Азии обладают большей взаимозависимостью, чем взаимонезависимостью. Т. Левин на основе данных метаанализа сделал вывод, что существующие исследования не подтверждают тот факт, что тип самоинтерпретации отражает индивидуальный уровень типа культуры или объясняет межкультурные различия.

Мы рассматриваем тип самоинтерпретации как способ самопонимания, основанный на определенном типе вопросов, которые человек задает себе, определяя тем самым направление поиска ценностных оснований своего бытия и очерчивая тот контекст, в рамках которого происходит самопонимание. Данный контекст изначально задается культурой, в рамках которой происходит формирование личности. Главная специфика бытия человека — это принадлежность не только к природе, но и к культуре, которая представляет собой исторически определенные типы организации жизни и деятельности людей [Гуревич, 1995]. Основная особенность культурного становления человека — погруженность в непосредственно данные культурные формы, которые неизбежно носят этнический характер. Формирование субъекта связано с изначальной его «погруженностью» в этнокультурную традицию, что, в свою очередь, предполагает наличие социокультурных детерминант в его личностном становлении.

Интериоризация человеком культурных форм разнообразна и многоаспектна: это и освоение индивидом различных социокультурных кодов, определяющих и структурирующих его поведение [Гофман, 2003], и более глубокое проникновение культурных форм в личностные структуры в контексте включенности человека в социально организованные виды деятельности. В процессе деятельности происходит прежде всего интериоризация нормативной стороны культуры, включая освоение образцов, определяющих культурные нормы. Поскольку человеческое бытие представляет собой жизнь в культуре, форми-

рование человека предполагает усвоение норм культуры, его дальнейшая жизнедеятельность базируется на владении этими нормами [Швырев, 2001]. Таким образом, освоение и принятие личностью культурных образцов приводит к тому, что в рамках определенной культурной традиции люди ориентируются на определенный тип вопросов, ведущих к пониманию определенных сторон своего Я, что проявляется в доминирующем типе самоинтерпретации.

Однако культура, предопределяя доминирующий тип самоинтерпретации, не исключает формирования и высокого уровня других типов самоинтерпретации: результаты зарубежных исследований, а также проведенные нами исследования подтверждают, что респонденты могут одновременно демонстрировать высокий уровень разных типов самоинтерпретации, а также изменение уровня самоинтерпретации в процессе культурной адаптации [DeCicco, Stroink, 2007; Mara, DeCicco, Stroink, 2010]. На наш взгляд, осознание личностью того, что понимаемое может быть включено в различные контексты и порождать разный тип вопросов, обуславливающих направление поиска ценностных оснований своего бытия, свидетельствует о полноте самопонимания. Активное использование человеком разных типов самоинтерпретации ведет к порождению субъектом разных уровней смыслов, что способствует более полному и адекватному пониманию себя.

Данное положение подтверждают и результаты ряда исследований, показывающих, что тип самоинтерпретации обусловлен не только особенностями культуры, но и другими факторами. Американские ученые С. Кросс и Л. Мадсон, проанализировав результаты гендерных исследований в США в последние десятилетия, пришли к выводу, что гендерные различия во многом соответствуют различиям в типах самоинтерпретаций [Cross, Madson, 1997]. По их мнению, социальные и культурные условия в Америке способствуют развитию независимости и автономии у мужчин и зависимости у женщин. Соответственно, они способствуют формированию независимой самоинтерпретации у большинства мужчин и зависимой — у большинства женщин. Мужчины и женщины живут в разных социальных контекстах — независимости и зависимости, соответственно их цели, деятельность, планы взаимодействия и ценности формируются в этих контекстах. Авторы полагают, что многие гендерные различия (в познании, эмоциях, мотивации и социальном поведении) можно объяснить в терминах мужского-женского типа самоинтерпретации, соответствующего зависимому-независимому типу самоинтерпретации, формирующемуся в соответствии с социокультурными условиями и требованиями к мужчинам и женщинам, сложившимся в США. Показательно, что отечественное исследование также выявило половые различия в самопонимании, которые можно интерпретировать в терминах доминирующего типа самоинтерпретации: у женщин понимание себя направлено преимущественно на формирование неразрывной внутренней связи с другими людьми, самопо-

Таблица 1

Результаты сравнительного исследования уровня независимой самоинтерпретации

Исследуемые группы	Кол-во респондентов, чел.	Среднее значение	Значение критерия Стьюдента	Уровень значимости различий
Вся выборка	1238	58,49		
Мужчины	626	62,12	9,9	0,001
Женщины	612	54,87		
Русские	327	68,28	15,8	0,001
Адыги	305	50,35		
Адыги	305	50,35	5,2	0,001
Абхазы	319	47,34		
Русские	327	68,28	20,4	0,001
Абхазы	319	47,34		
Русские	327	68,28	18,7	0,001
Армяне	307	53,40		
Адыги	305	50,35	3	0,01
Армяне	307	53,40		
Абхазы	319	47,34	2,4	0,05
Армяне	307	53,40		
Русские мужчины	166	77,82	5,7	0,001
Русские женщины	161	68,28		
Мужчины-адыги	150	61,68	10,5	0,001
Женщины-адыгейки	155	50,35		
Мужчины-абхазы	153	55,58	7,3	0,001
Женщины-абхазки	166	47,34		
Мужчины-армяне	157	53,40	0,1	—
Женщины-армянки	150	53,47		

нимание оказывается когнитивным базисом осмысления своего социального статуса, роли и положения в обществе; мужчинам самопонимание обеспечивает осознание их отличия от других членов общества [Знаков, 2005].

В рамках реализации госзадания Министерства образования и науки РФ № 10.7079.2013 нами было проведено эмпирическое исследование особенностей самоинтерпретации представителей нескольких этнических групп. Анализ результатов зарубежных исследований позволил предположить, что существует связь между особенностями этнокультурной традиции и уровнем каждого типа самоинтерпретации.

Респондентами стали студенты вузов Краснодара, Майкопа, Сухума, всего 1238 чел. Были образованы следующие выборки: русских респондентов — 327 чел. (161 женщина и 166 мужчин) в возрасте от 17 до 26 лет ($M = 20,8$, $S = 3,8$), респондентов-адыгов — 305 чел. (150 мужчин, 155 женщин) в возрасте от 17 до 28 лет ($M = 22,6$, $S = 3,9$), респондентов-абхазов — 319 чел. (153 мужчины, 166 женщин) в возрасте от 16 до 27 лет ($M = 23,1$, $S = 4,6$) и респондентов-армян — 307 чел. (157 женщин и 150 мужчин) в возрасте от 16 до 29 лет ($M = 24,3$, $S = 5,2$).

Исследование особенностей самоинтерпретации всех групп респондентов проводилось при помощи двух адаптированных авторами методик исследования: зависимой-независимой самоинтерпретации Сингелис [Тучина, 2011] и металичности самоинтерпретации ДеЧикко [Тучина, 2012]. Далее проводилась обработка результатов методом дисперсионного анализа и сравнение особенностей самоинтерпретации всех групп респондентов.

Результаты исследования показали значимые различия в уровне независимой самоинтерпретации между всеми этническими группами и группами мужчин и женщин (табл. 1).

Результаты исследования показали значимые различия в уровне взаимозависимой самоинтерпретации между всеми этническими группами. Были также выявлены значимые различия между группами мужчин и женщин по всей выборке и внутри групп адыгов и армян (табл. 2).

Результаты исследования показали значимые различия в уровне металичности самоинтерпретации между всеми этническими группами, кроме адыгов и армян, значимых различий между мужчинами и женщинами не обнаружено (табл. 3).

Проведенное исследование подтвердило предположение о связи особенностей этнокультурной традиции и ведущего типа самоинтерпретации: у русских студентов был выявлен самый высокий из исследуемых групп уровень независимой и металичной самоинтерпретации, у абхазов — взаимозависимой самоинтерпретации. Независимая самоинтерпретация в большей мере характерна для мужчин, чем для женщин, тогда как взаимозависимая самоинтерпретация определяется главным образом особенностями бытия этнической группы; металичная самоинтерпретация не зависит от половой принадлежности.

Половые различия в уровне самоинтерпретации оказались наиболее значимыми для независимого типа самоинтерпретации: уровень данного типа самоинтерпретации был значимо выше у мужчин, чем у женщин как в целом по выборке, так и внутри каждой этнокультурной группы. Уровень взаимозависимого типа самоинтерпретации оказался в целом выше у женщин, чем у мужчин, но внутри этнических групп не было выявлено значимых половых различий. Таким образом, в исследуемом нами социокультурном пространстве формирование установки на собственную уникальность и социальное сравнение в

Таблица 2

Результаты сравнительного исследования уровня взаимозависимой
самоинтерпретации

Исследуемые группы	Кол-во респон- дентов, чел.	Среднее значение	Значение крите- рия Стьюдента	Уровень значи- мости
Вся выборка	1238	58,38		
Мужчины	626	66,65	2,9	0,01
Женщины	612	69,43		
Русские	327	60,96	9,2	0,001
Адыги	305	71,86		
Адыги	305	71,86	10,5	0,001
Абхазы	319	78,53		
Русские	327	60,96	17,3	0,001
Абхазы	319	47,34		
Русские	327	60,96	4,6	0,01
Армяне	307	64,96		
Адыги	305	71,86	5,2	0,01
Армяне	307	64,96		
Абхазы	319	78,53	14,9	0,001
Армяне	307	64,96		
Русские мужчины	166	58,38	1,4	—
Русские женщины	161	60,96		
Мужчины-адыги	150	67,64	3,6	0,01
Женщины-адыгейки	155	71,86		
Мужчины-абхазы	153	77,06	1,5	—
Женщины-абхазки	166	78,53		
Мужчины-армяне	157	63,53	2	0,01
Женщины-армянки	150	66,39		

большей мере характерно для мужчин, чем для женщин. Установка на соответствие ожиданиям окружающих, проявляющаяся во взаимозависимом типе самоинтерпретации, определяется особенностями этнокультурных традиций.

Проведенный анализ результатов контент-анализа ответов респондентов на вопрос «Что для меня значит быть представителем моей этнической группы?» выявил не только количественные, но и качественные различия разных типов самоинтерпретации в исследуемых этнокультурных группах.

Взаимозависимая самоинтерпретация у русских респондентов, происходит главным образом через взаимоотношения личности и страны (государства) и на эмоциональном уровне проявляется в чувстве гордости за страну (успехи в раз-

Таблица 3

Результаты сравнительного исследования уровня металичности
самоинтерпретации

Исследуемые группы	Кол-во респон- дентов, чел.	Среднее значение	Значение крите- рия Стьюдента	Уровень значи- мости
Вся выборка	1238	43,67		
Мужчины	626	43,63	0,3	—
Женщины	612	43,72		
Русские	327	47,10	4,2	0,001
Адыги	305	41,32		
Адыги	305	41,32	5,1	0,001
Абхазы	319	43,85		
Русские	327	47,10	9	0,001
Абхазы	319	43,85		
Русские	327	47,10	7,3	0,001
Армяне	307	42,45		
Адыги	305	41,32	1,9	—
Армяне	307	42,45		
Абхазы	319	43,85	3,2	0,01
Армяне	307	42,45		
Русские мужчины	166	46,98	0,3	—
Русские женщины	161	47,23		
Мужчины-адыги	150	41,10	0,5	—
Женщины-адыгейки	155	41,54		
Мужчины-абхазы	153	44,54	1,7	—
Женщины-абхазки	166	43,14		
Мужчины-армяне	157	41,92	1,3	—
Женщины-армянки	150	42,96		

ных областях деятельности — спорте, науке, искусстве, политике; военные победы (15,2% мужчин и 8,8% женщин), чувство принадлежности к большой стране (0,45% мужчин), чувство принадлежности к сильной стране (0,45% мужчин), чувство патриотизма (9,5% мужчин и 14,4% женщин), а на поведенческом уровне проявляется в готовности к защите родины, интересов страны (4,7% мужчин), в демонстрации принадлежности к России (0,9% мужчин), равнодушием к проблемам страны (3,3% мужчин и 3,4% женщин), желании способствовать лучшему будущему страны (3,3% мужчин и 2,8% женщин). Осознание себя через отношение к собственной этнической группе встречается гораздо реже и проявляется в чувстве принадлежности к большому этносу (1,4% мужчин),

гордости за принадлежность к этнической группе (3,3% мужчин и 5% женщин), соответствие национальному идеалу (5,7% мужчин и 14,2% женщин), принадлежность к русской семье (0,9% мужчин и 0,5% женщин), в заботе и ответственности за других русских (1,8% мужчин и 2,8% женщин).

Взаимозависимая самоинтерпретация у адыгских респондентов выявлена через взаимоотношение личность — этническая группа (народ) и проявляется в гордости за нацию (23% мужчин и 12,3% женщин), в чувстве принадлежности к древнему этносу (1,2% мужчин и 1,4% женщин). На поведенческом уровне данный тип самоинтерпретации проявляется в соблюдении традиций (10,8% мужчин и 21,2% женщин), передаче традиций (4,8% мужчин и 5,1% женщин), соответствии национальному идеалу (15,6% и 15,9%), необходимости положительной самопрезентации (14,4% и 4,6%).

Взаимозависимая самоинтерпретация у абхазских респондентов проявляется как через взаимоотношения личности и страны (государства), так и через взаимоотношение личность — этническая группа (народ). В первом случае на эмоциональном уровне она проявляется в любви к родине, желании ее защищать (13,2% мужчин и 8,3% женщин), чувстве патриотизма (1,8 и 1%), формируя мотив способствовать лучшему будущему республики (4,4 и 2%); во втором случае — в чувстве гордости за нацию (13,5 и 12,6%), в чувстве принадлежности к древнему этносу (0,7 и 1%), а также ответственности перед предками (4,1 и 3%), любви к родственникам и ответственности перед ними (5,6 и 1,6%). На поведенческом уровне она проявляется в соблюдении традиций (12,9 и 12,8%), обычаев и правил поведения (апсуара) (4,1 и 11,3%), передаче традиций (0,9 и 9,8%), соответствии национальному идеалу (16 и 14,1%), необходимости положительной самопрезентации (5,1 и 2,2%) и желании продолжать род (0,3% мужчин).

Взаимозависимая самоинтерпретация у армянских респондентов проявляется через взаимоотношения личность — этническая группа (народ). На эмоциональном уровне она проявляется в гордости за национальность (8,6% и 14,8%) и чувстве принадлежности к древнему этносу (3% мужчин и 0,7% женщин); на поведенческом уровне — в соблюдении традиций (20,1 и 18,4%), обычаев и правил поведения (10 и 4,4%), соответствии национальному идеалу (2,4 и 8%), необходимости положительной самопрезентации (4,8 и 0,7%), участии в улучшении жизни народа (4% женщин), заботе и ответственности за других представителей нации (0,7%), единстве с другим представителями нации (2,4 и 4,4%), ответственности перед армянскими предками (0,7% женщин), желании продолжать род (0,7% женщин), любви к родственникам и ответственности перед ними (5% мужчин и 6% женщин), ответственности перед семьей (1,2% мужчин).

Таким образом, в условиях титульного этноса представители как большого, так и малого этноса демонстрируют взаимозависимую самоинтерпретацию через взаимоотношения личности и страны (государства). Самоинтерпретация представителей малого этноса происходит через взаимоотношение личности

и этнической группы в целом, а также взаимоотношение личности и малой группы — семьи, родственников. Кроме того, взаимозависимая самоинтерпретация в условиях малого этноса получает новое измерение: не только в настоящем, но и в прошлом и будущем, что проявляется в ответственности перед предками и потомками.

Металичность самоинтерпретация у русских респондентов проявляется главным образом в отрицании значимости этнической принадлежности (6% мужчин и 4,2% женщин). Главным аргументом при этом служит приоритет общечеловеческих ценностей над этнокультурными: «Для меня не очень важна национальность, главное, как говорят, чтоб человек был хороший»; «Перед Богом все равны». Металичность самоинтерпретация у представителей малого этноса проявляется не в отрицании значимости этнического, а в рассмотрении этнических ценностей как общечеловеческих: уважение к старшим, являясь основой социальной иерархии, перерастает в универсальную этическую ценность: «проявлять уважение к окружающим, как к старшему, так и к младшему, как к другу, так и врагу». Желание соответствовать этнокультурному идеалу ведут к общечеловеческому измерению собственной личности, самопонимание этнокультурной идентичности открывает ценностный горизонт, в котором человек может обрести бытийную цельность и полноту собственного существования уже в общечеловеческом измерении.

Результаты проведенного исследования подтверждают положение об одновременном наличии внутри культуры установок, соответствующих каждому рассмотренному типу самоинтерпретации, о связи особенностей этнокультурной традиции и ведущего типа самоинтерпретации. Феномен самоинтерпретации, таким образом, является отражением на индивидуальном уровне норм и ценностей этнокультуры, разделяемых индивидом.

Библиографический список

1. Брушлинский А. В. 1994. *Проблемы психологии субъекта*. М.: Институт психологии РАН.
2. Гофман И. 2003. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН.
3. Гуревич П. С. 1995. *Философия культуры: пособие для студентов гуманитар. вузов*. М.: Наука.
4. ДеЧикко Т. 2007. *Найти Я в психологии, духовности и религии* // Психология: Журнал Высшей школы экономики. Т. 4.
5. Знаков В. В. 2005. *Психология понимания*. М.: Институт психологии РАН.
6. Знаков В. В. 2007. *Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие* // Методология и история психологии. Т. 2, вып. 3.
7. Знаков В. В. 2009. *Три традиции психологических исследований: три типа понимания* // Вопросы психологии. № 3.

8. Майков В. В., Козлов В. В. 2007. *Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции*. Т. 2. М.: Российский трансперсональный проект.
9. Мацумото Д. 2002. *Психология и культура*. СПб.: Питер.
10. Рябикина З. И. 2013. *Перспективы исследования личности с позиций психологии субъекта* // Человек. Сообщество. Управление. № 3.
11. Тучина О. Р. 2011. *Феномен самоинтерпретации личности, типы и измерение самоинтерпретации* // Научные проблемы гуманитарных исследований (Пятигорск). № 7.
12. Тучина О. Р. 2012. *Металичность самоинтерпретации: концепция и ее измерение* // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 1.
13. Фридман Х. 2007. *Расширение Я как психологический конструкт для исследования религиозных феноменов без опоры на религиозные представления* // Психология: Журнал Высшей школы экономики. Т. 4, № 4.
14. Швырев В. С. 2001. *О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» (попытка современной оценки)* // Вопросы философии. № 2.
15. Brewer M. B., Gardner W. 1996. *Who is this «we»? Levels of collective identity and self-representations* // Journal of Personality and Social Psychology. № 71.
16. Cross S. E., Madson L. 1997. *Models of the Self: Self-Construals and Gender* // Psychological Bulletin. № 1.
17. Damon W., Hart D. 1982. *The development of self-understanding from infancy through adolescence* // Child development. Vol. 53, № 4.
18. DeCicco T. L., Stroink M. L. 2007. *A third model of self-construal: The metapersonal self. International* // Journal of Transpersonal Studies. № 26.
19. Gudykunst W. B., Matsumoto Y., Ting-Toomey S., Nishida T., Kim K., Heyman S. 1996. *The Influence of Cultural Individualism-Collectivism, Self Construals, and Individual Values on Communication Styles Across Cultures* // Human Communication Research. Vol. 22, № 4.
20. Gardner W., Gabriel S., Lee A. 1999. *«I» value freedom but «we» value relationships: Self-construal priming mirrors cultural differences in judgment* // Psychological Science. № 10.
21. Kanagawa C., Cross S. E., Markus H. R. 2001. *«Who am I?» The cultural psychology of the conceptual self* // Personality and Social Psychology Bulletin. № 27.
22. Kim M.-S., Klinger R. S., Sharkey W. F., Park H. S., Smith D. H., Cai D. 2000. *A test of a cultural model of patient-doctor interactions* // Communication Monographs. № 67 (3).
23. Kuhnen U., Hannover B. 2000. *Assimilation and contrast in social comparisons as a consequence of self-construal activation* // European Journal of Social Psychology. № 30.
24. Levine T. R., Bresnahan M. J., Park H. S., Lapinski M. K., Lee T. S., Lee D. W. 2003. *The (in) validity of self-construal scales revisited* // Human Communication Research. № 29 (2).
25. Lyons N. P. 1983. *Two perspectives: On self, relationships, and morality* // Harvard Educational Review. № 53.
26. Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L. 2010. *An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being* // The International Journal of Transpersonal Studies. № 29 (1).
27. Markus H. R., Kitayama S. 1994. *A collective fear of the collective: Implications for selves and theories of selves* // Personality and Social Psychology Bulletin. № 20.

28. Markus H. R., Kitayama S. 1991. *Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation* // Psychological Review. № 98.
29. Markus H., Cross S. E. 1990. *The interpersonal self Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford.
30. Park H. S., Levine T. R., Sharkey W. F. 1998. *Understanding behavioral intention to recycle in Hawai'i: The Theory of Reasoned Action and self-construals* // Communication Studies. № 49 (3).
31. Singelis T. M. 1994. *The measurement of independent and interdependent self-construals* // Personality and Social Psychological Bulletin. № 20.
32. Trafimow D., Triandis H. C., Goto S. G. 1991. *Some tests of the distinction between the private self and the collective self* // Journal of Personality and Social Psychology. № 60.
33. Trafimow D., Silverman E. S., Fan R. M., Law J. S. F. 1997. *The effects of language and priming on the relative accessibility of the private self and the collective self* // Journal of Cross-Cultural Psychology. № 28.

Статья поступила в редакцию 18.11.2013.

.....

RESEARCH IN PECULIAR PERSONAL SELF-INTERPRETATION IN DIFFERENT ETHNIC COMMUNITIES

A.S. Berberian, O.R. Touchina

Prof. Asya S. Berberian, Dr. Sci. (Psychology), Russian-Armenian (Slavic) University (Yerevan, Armenia), Chair for Psychology, Assist. Prof. E-mail: aspsy@inbox.ru.

Dr. Oksana R. Touchina, Cand. Sci. (Psychology), Kuban State Technological University, Chair for Philosophy, Asdsist. Prof. E-mail: tuchena@yandex.ru.

In this article the categories of "self-understanding" and "self-construal" are considered from the positions of subject-existential approach. The self-understanding is a process of search of the valuable bases of life of a personality in a socio-cultural context. Self-construal is considered to be the way of self-understanding based on the questions, which a person addresses himself. Each type of self-construal represents a certain type of questions which a person asks, thus defining, the direction of search of the valuable bases of his life. A person's learning of ethno-cultural tradition leads the fact that within a certain cultural tradition people are guided by a certain type of the questions conducting to understanding of certain parts of their "I" that is shown in the dominating type of self-construal. The conducted empirical research has confirmed the supposition of the connection of features of ethnic culture and expression of certain types of self-construal: the highest level of independent and metapersonal self-construal has been revealed among the representatives of the big title ethnos (the Russian respondents); the representatives of the small integrated ethnos (the Adyghs and the Abkhazians) revealed the level of an interdependent self-construal.

Independent self-construal in a bigger measure is characteristic for men, than for women whereas interdependent self-construal is defined, mainly, by features of life of an ethnic group; the metapersonal self-construal doesn't depend on a sex.

The self-construal phenomenon, thus, is reflection at individual level of norms and the values of ethno-culture divided by the individual.

Key words: self-understanding; self-interpretation; independent, interrelated, metapersonal type of self-interpretation.

References:

1. Brushlinskij A.V. 1994. *Problemy psichologii subekta. [Problems of psychology of the subject]*. M.
2. Goffman I. 2003. *Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta [Analysis of frames: the essay about the organization of daily experience]*. M.
3. Gurevich P.S. 1995. *Filosofija kul'tury [Culture philosophy]*. M.
4. DeCicco T. L. 2007. *Psihologija: Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. [Psychology: Magazine of Higher School of Economics]*. № 4.
5. Znakov V.V. 2005. *Psihologija ponimaniya. [Understanding psychology]*. M.
6. Znakov V.V. 2007. *Metodologija i istorija psichologii. [Methodology and psychology history]*. V. 2, № 3.
7. Znakov V.V. 2009. *Voprosy psichologii. [Psychology questions]* №3.
8. Majkov V.V., Kozlov V.V. 2007. *Transpersonal'nyj proekt: psichologija, antropologija, duhovnye tradicii. [Transpersonal project: psychology, anthropology, spiritual traditions]*. M.
9. Macumoto D. 2002. *Psihologija i kul'tura. [Psychology and culture]*. SPb.
10. Rjabikina Z.I. 2013. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. [Person. Community. Management]*. № 3.
11. Tuchena O.R. 2011. *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. [Scientific problems of humanitarian researches]*. № 7.
12. Tuchena O.R. 2012. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. [News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social sciences]*. № 1.
13. Friedman H. 2007. *Psihologija: Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. [Psychology: Magazine of Higher School of Economics]*. V. 4, № 4.
14. Shvyrev V.S. 2001. *About the activity approach to the interpretation of "human phenomenon" (an attempt to date assessment). Voprosy filosofii. [Philosophy questions]*. № 2.
15. Brewer M.B., Gardner W. 1996. *Who is this "we"? Levels of collective identity and self-representations // Journal of Personality and Social Psychology*. № 71.
16. Cross S.E., Madson L. 1997. *Models of the Self: Self-Construals and Gender // Psychological Bulletin*. № 1.
17. Damon W., Hart D. 1982. *The development of self-understanding from infancy through adolescence // Child development*. Vol. 53, № 4.
18. DeCicco T. L., Stroink M. L. 2007. *A third model of self-construal: The metapersonal self. International // Journal of Transpersonal Studies*. № 26.
19. Gudykunst W.B., Matsumoto Y., Ting-Toomey S., Nishida T., Kim K., Heyman S. 1996. *The Influence of Cultural Individualism-Collectivism, Self Construals, and Individual Values on Communication Styles Across Cultures // Human Communication Research*. Vol. 22, № 4.
20. Gardner W., Gabriel S., Lee A. 1999. *"I" value freedom but "we" value relationships: Self-construal priming mirrors cultural differences in judgment // Psychological Science*. № 10.
21. Kanagawa C., Cross S.E., Markus H. R. 2001. *"Who am I?" The cultural psychology of the conceptual self // Personality and Social Psychology Bulletin*. № 27.

22. Kim M.-S., Klingle R.S., Sharkey W.F., Park H.S., Smith D.H., Cai D. 2000. *A test of a cultural model of patient-doctor interactions* // Communication Monographs. № 67 (3).
23. Kuhn U., Hannover B. 2000. *Assimilation and contrast in social comparisons as a consequence of self-construal activation* // European Journal of Social Psychology. № 30.
24. Levine T.R., Bresnahan M.J., Park H.S., Lapinski M.K., Lee T.S., Lee D.W. 2003. *The (in) validity of self-construal scales revisited* // Human Communication Research. № 29 (2).
25. Lyons N.P. 1983. *Two perspectives: On self, relationships, and morality* // Harvard Educational Review. № 53.
26. Mara C.A., DeCicco T. L., Stroink M.L. 2010. *An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being* // The International Journal of Transpersonal Studies. № 29 (1).
27. Markus H.R., Kitayama S. 1994. *A collective fear of the collective: Implications for selves and theories of selves* // Personality and Social Psychology Bulletin. № 20.
28. Markus H.R., Kitayama S. 1991. *Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation* // Psychological Review. № 98.
29. Markus H., Cross S.E. 1990. *The interpersonal self* // *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford.
30. Park H.S., Levine T.R., Sharkey W.F. 1998. *Understanding behavioral intention to recycle in Hawai'i: The Theory of Reasoned Action and self-construals* // Communication Studies. № 49 (3).
31. Singelis T.M. 1994. *The measurement of independent and interdependent self-construals* // Personality and Social Psychological Bulletin. № 20.
32. Trafimow D., Triandis H.C., Goto S.G. 1991. *Some tests of the distinction between the private self and the collective self* // Journal of Personality and Social Psychology. № 60.
33. Trafimow D., Silverman E.S., Fan R.M., Law J.S. F. 1997. *The effects of language and priming on the relative accessibility of the private self and the collective self* // Journal of Cross-Cultural Psychology. № 28.

ДЕТЕРМИНАНТЫ КОДИРОВАНИЯ ДЕТЬМИ ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ ЭМОЦИЙ: ОПЫТ ОБЩЕНИЯ И ГЕНДЕР

В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая¹

Представлены результаты исследования успешности кодирования детьми лицевой экспрессии базовых эмоций (радость, удивление, печаль, страх) с позиций гуманитарно-психологического подхода. Кодирование и декодирование экспрессии эмоциональных состояний рассматривается нами как один из компонентов социального интеллекта и показатель эмоциональной компетентности. Успешность кодирования изучалась в ситуации общения со сверстниками, в детских сообществах, где один и тот же дошкольник выступал как в роли субъекта кодирования, так и в роли кодера-наблюдателя. В качестве базовых факторов успешности кодирования рассматривались: 1) длительный непосредственный опыт общения детей друг с другом, принадлежность к одной детской группе (знакомые дети); 2) отсутствие опыта общения, совместной деятельности с субъектом кодирования (незнакомые дети). 100 детей старшего дошкольного возраста из четырех различных детских садов приняли участие в нашем исследовании (6 лет; 49 мальчиков и 51 девочка).

Проведенное исследование подтверждает, что дети дошкольного возраста владеют различными техниками кодирования лицевой экспрессии эмоций. Дети успешно осуществляют контроль движений лица, образующих грустные и счастливые выражения. Менее успешно они кодируют лицевую экспрессию страха и удивления. Не обнаружено ярко выраженного дифференцированного влияния пола и возраста на кодирование экспрессии базовых эмоций. Этот вывод согласуется с результатами тех работ, в которых утверждается, что пол и возраст в большей мере влияют на успешность распознавания *неинтенсивной и неоднозначной* лицевой экспрессии. Вместе с тем опыт общения в большей мере оказывает влияние на процессы кодирования лицевой экспрессии мальчиков, чем девочек.

Ключевые слова: кодирование эмоциональной экспрессии, базовые эмоции, опыт общения, дошкольники.

Введение

Проблема кодирования-декодирования экспрессии эмоциональных состояний имеет долгую историю изучения [Барабанщиков, 2012; Изард, 1980;

¹ Лабунская Вера Александровна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Эл. почта: vlab@sfedu.ru.

Менджерицкая Юлия Александровна – PhD, доцент, руководитель Центра повышения качества образования в области социальных наук Университета Гёте (Франкфурт). Эл. почта: mendzheritskaya@em.uni-frankfurt.de.

Лабунская, 2009; Ekman, 1993; Ambady, Weisbuch, 2010] и затрагивает вопросы культурного развития взрослого человека и детей, становления культурных форм поведения, овладения культурными средствами выражения. В коллективной монографии [The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research, 2005], посвященной методологии и методам исследования невербального экспрессивного поведения, отмечается, что для современного состояния психологии невербального экспрессивного поведения характерно использование различных компонентов невербального поведения в качестве показателей, средств измерения, фиксации установок, стилей поведения личности или в качестве надежного инструмента измерения уровня развития различных способностей и умений. Важное место занимает изучение невербального экспрессивного поведения в контексте интроперсональной сензитивности [Hall, Bernieri, Carney, 2005], исследование систем кодирования невербального поведения в диадах различного типа [Yoshimoto, Shapiro, Brie, Gottman, 2005], рассмотрение вертикальных отношений: доминирования, власти, статуса [Hall, Bernieri, Carney, 2005; Mendzheritskaya, Hansen, 2013]. В психологии невербального экспрессивного поведения ставится вопрос об изменении невербального поведения на различных стадиях отношений [Prinsen, Punyanunt-Carter, 2009], обсуждаются вопросы, касающиеся использования экспертов в целях определения основных характеристик невербального поведения участников исследований [The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research, 2005], а также технические подходы к изучению кодирования и декодирования невербальной экспрессии, успешности ее распознавания и т.д. Большое место в психологии невербального экспрессивного поведения занимают работы, посвященные изучению влияния социокультурных и этнопсихологических факторов на кодирование эмоций и отношений [Гармаева, 2009; Мацумото, 2008; Mendzheritskaya, 2008]. Все эти исследования приводят к фундаментальному выводу о том, что в различных социальных контекстах невербальное экспрессивное поведение человека выполняет многообразные функции, выступая одновременно как средство познания личности, средство влияния, воздействия, регуляции своего и чужого поведения, как способ контроля и показатель уровня развития навыков и умений.

Несмотря на большое количество работ, затрагивающих проблему кодирования-декодирования экспрессии эмоциональных состояний, до настоящего времени недостаточно изучена данная проблема в детском, подростковом и юношеском возрастах [Herba, Phillips, 2004]. Авторы статьи отмечают, что возраст, интеллектуальные способности, ситуативный контекст оказывают значительное влияние на развитие эмоциональной компетентности детей, следовательно, на процессы кодирования-декодирования экспрессивного поведения. На эти процессы влияют социокультурные, социально-психологические и личностные факторы [Лабунская, Дроздова, 2003]. В этой связи необходимо развивать гуманитарный подход к решению проблем кодирования-декодиро-

вания экспрессивного поведения, который мы рассматриваем как сочетание гуманитарных и психологических идей (гуманитарно-психологический подход).

Теоретический подход

Гуманитарно-психологический взгляд на проблему кодирования-декодирования детьми эмоциональной экспрессии предполагает исследование этих процессов с позиции психологии общения, межличностных отношений, с точки зрения социально-эмоционального развития дошкольника, эмоциональной социализации, формирования в дошкольном возрасте социальных чувств и эмоций [Абраменкова, 2000; Приходько, 2009; Dunsmore, Her Pa, Halberstadt, Perez-Rivera, 2009]. Выполненные исследования подтверждают, что кодирование и декодирование экспрессии эмоциональных состояний — один из компонентов социального интеллекта и показатель эмоциональной компетентности [Прусакова, Сергиенко, 2006; Chinnici, Crippa, Agliati, Anolli, 2002]. Успешность кодирования и декодирования лицевой экспрессии и жестов оказывает влияние на популярность детей в группе [Boyatzis, Satyaprasad, 1994]. К концу дошкольного возраста формируется сензитивность к паттернам эмоционального поведения, указывающим на различные события в сфере межличностных отношений [Springer, Meier, Berry, 1996]. Дети 6-7 лет дифференцированно применяют эмоциональную экспрессию с целью регуляции отношений в различных ситуациях социального взаимодействия [Коваль, 2006], к 5-6 годам они свободно передают в рисунках как собственные, так и чужие эмоции путем изображения адекватных лицевых экспрессий [Прусакова, Сергиенко, 2006].

В основе нашего понимания процесса кодирования экспрессии эмоциональных состояний лежит ряд теоретических положений и выводов.

1. Фундаментальная особенность экспрессивного поведения состоит в том, что это составная часть целостного поведения личности и как все поведение, оно представляет культурно-исторический, интерперсональный феномен [Выготский, 2005; Рубинштейн, 2003]. Формирование экспрессивного поведения личности, ее экспрессивного репертуара осуществляется на стыке природных форм выражения состояний, переживаний, отношений и социокультурных способов их предъявления [Ekman, 1993].

2. Экспрессивное поведение представляет целостность, состоящую из движений, отличающихся степенью интенциональности, направленности, осознанности. Наряду с устойчиво повторяющимися движениями в него входят те элементы, которые соответствуют динамическим состояниям личности. Они, в свою очередь, накладываются на индивидуально-личностные и групповые программы экспрессивного поведения. В силу этих обстоятельств экспрессия личности не является системой кодов, с жестко закрепленными значениями, а имеет поле психологических значений.

3. Трактовка экспрессивного кода в русле экспрессивного невербального поведения чаще всего базируется на идеях невербальной семиотики [Крейдлин, 2002], где четко определены критерии отнесения компонентов, элементов экспрессивного поведения к знакам, к кодам. Один из уязвимых моментов в таком подходе к экспрессивным знакам, кодам заключается в том, что данный подход незначительно учитывает роль субъекта кодирования, ситуации общения. В этой связи мы обращаемся к семиологии, изучающей функционирование знаков в общественной жизни, в процессе коммуникации [Эко, 1998]. В семиологии коммуникативные феномены определяются как сообщения, построенные на основе определенных кодов или знаковых систем. Исходя из семиологического подхода, учитывающего гуманитарно-психологические аспекты функционирования знаковых систем, мы трактуем кодирование экспрессии как коммуникативный феномен — «построенное сообщение», зависящее от умения человека адекватно выражать свои переживания и от умения изменять структуру кода в соответствии с различными переменными контекста, ситуации общения. Близка к нашему пониманию процесса кодирования экспрессии состояний трактовка кодирования как *невербального производства* (*nonverbal production for encoding*), а декодирования — как восприятия, распознавания (*nonverbal perception for decoding*) [Ambady, Weisbuch, 2010].

4. Успешность кодирования экспрессии эмоциональных состояний с позиций гуманитарно-психологического подхода определяется нами не только на основе соответствия экспрессивных кодов разработанным схемам и моделям экспрессии, но и на основе кодирования наблюдателем, включенным в круг общения субъекта кодирования, имеющим непосредственный опыт общения с ним, например, опыт взаимодействия дошкольников со сверстниками в условиях детского сада.

Таким образом, сформулированные теоретические представления о кодировании экспрессии эмоциональных состояний с позиции гуманитарно-психологического подхода легли в основу нашего эмпирического исследования, направленного на проверку гипотезы о влиянии опыта общения дошкольников со сверстниками на успешность кодирования лицевой экспрессии эмоций.

В исследовании приняли участие 100 детей старшего дошкольного возраста (от 6 до 7 лет; 49 мальчиков и 51 девочка), посещающие различные детские сады.

Процедура и методы исследования

При проведении исследования нас в психологии экспрессивного поведения интересовал вопрос о преднамеренном контроле детьми движений лица. В качестве методического приема используется прием лицевого изображения детьми эмоций [Gosselin, Maassarani, Younger, Perron, 2011]. На первом этапе исследования мы предлагали детям создать коды лицевой экспрессии таких эмо-

циональных состояний, как радость, удивление, страх, печаль. Эксперимент проводился индивидуально с каждым дошкольником в специально оборудованном помещении. Дети сидели напротив фотоаппарата. Экспериментатор просил каждого дошкольника изобразить на своем лице радость, удивление, страх, печаль. Фотоаппарат фиксировал лицевую экспрессию каждой эмоции после того, как дети были готовы к созданию экспрессивного кода той или иной эмоции и сообщали об этом экспериментатору. Таким образом было получено 400 фотоизображений экспрессивных кодов базовых эмоций, созданных детьми: 204 экспрессивных кода, созданных девочками, и 196 кодов, созданных мальчиками. На втором этапе исследования детям, принявшим участие в первом этапе, предъявлялись фотокоды лицевой экспрессии эмоций. Дети должны были выступить в роли кодера-наблюдателя и определить, какую эмоцию выражает лицо. На втором этапе исследования было проведено 20 экспериментальных сессий: каждый участник исследования (кодер-наблюдатель) кодировал в течение одной экспериментальной сессии 20 фотокодов лицевой экспрессии эмоций. В сборе эмпирических данных принимала участие Ю. Б. Коваль.

Показатель успешности кодирования детьми лицевой экспрессии эмоций рассчитывался на основе ответов детей, выступающих в роли кодеров-наблюдателей. Эти ответы сопоставлялись со списком эмоций, которые дети должны были закодировать на первом этапе исследования. Если кодер-наблюдатель называл эмоцию, соответствующую той, которую предлагал экспериментатор изобразить с помощью лицевой экспрессии, дошкольник — субъект кодирования получал 1 балл. Индекс успешности кодирования дошкольником экспрессии каждой эмоции рассчитывался по формуле $K = 100N/\Sigma$, где K — индекс успешности кодирования; N — количество правильных ответов, которые дали дети — кодеры-наблюдатели; Σ — сумма всех полученных ответов. Самый высокий уровень успешности кодирования экспрессии каждого эмоционального состояния соответствует 10 баллам. В исследовании рассчитывался: 1) индекс успешности кодирования экспрессии радости; 2) индекс успешности кодирования экспрессии удивления; 3) индекс успешности кодирования экспрессии страха; 4) индекс успешности кодирования экспрессии печали; 5) интегральный индекс успешности кодирования экспрессии эмоциональных состояний; 6) индекс успешности кодирования эмоциональной экспрессии знакомых и незнакомых детей (мальчики и девочки); 7) индекс успешности кодирования выражения собственного лица. Применялись следующие математические приемы: описательные статистики, метод сравнения парных выборок.

Результаты исследования

Из данных, приведенных в табл. 1, следует, что успешность кодирования дошкольниками лицевой экспрессии эмоций изменяется в зависимости от влия-

Таблица 1

Предикторы успешности кодирования дошкольниками лицевой экспрессии эмоций

Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
N	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
M	7,74	3,10	6,25	2,42	4,75	4,88	5,16	5,97	5,02	5,05	5,55	4,66	4,72	4,77

Примечание: 1 — успешность кодирования участниками исследования экспрессии радости; 2 — успешность кодирования участниками исследования экспрессии удивления; 3 — успешность кодирования участниками исследования экспрессии печали; 4 — успешность кодирования участниками исследования экспрессии страха; 5 — успешность кодирования участниками исследования четырех базовых эмоций; 6 — успешность кодирования девочками четырех базовых эмоций; 7 — успешность кодирования мальчиками четырех базовых эмоций; 8 — успешность кодирования собственных выражений эмоций; 9 — успешность кодирования знакомыми детьми базовых эмоций; 10 — успешность кодирования незнакомыми детьми базовых эмоций; 11 — успешность кодирования знакомыми мальчиками базовых эмоций; 12 — успешность кодирования незнакомыми мальчиками базовых эмоций; 13 — успешность кодирования знакомыми девочками базовых эмоций; 14 — успешность кодирования незнакомыми девочками базовых эмоций.

ния нескольких факторов: 1) модальности эмоции (радость, удивление, печаль, страх); 2) от пола субъекта кодирования (мальчики, девочки); 3) от опыта общения кодера-наблюдателя (знакомые — незнакомые дети); от сочетания пола субъекта кодирования и степени его знакомства (знакомый — незнакомый) кодеру-наблюдателю; от принадлежности кода лицевой экспрессии эмоций субъекту кодирования «Self-code». Успешнее всего дошкольники кодируют лицевую экспрессию радости ($M = 7,74$) и печали ($M = 6,25$); лицевую экспрессию эмоций, принадлежащую субъекту кодирования «Self-code» ($M = 5,97$); лицевое выражение эмоций знакомых мальчиков ($M = 5,55$); лицевое выражение эмоций мальчиками.

В табл. 2 приводятся данные о дифференцированном влиянии обозначенных факторов на успешность кодирования лицевой экспрессии эмоций. Коэффициент t-критерия Стюдента (сравнение парных выборок) свидетельствует о том, что успешность кодирования радости и печали значимо выше, чем успешность кодирования удивления и страха, а успешность кодирования удивления значимо выше, чем успешность кодирования страха. Намного успешнее кодируется лицевая экспрессия мальчиками, чем девочками ($t = -3,023$). Дошкольники намного успешнее кодируют собственную лицевую экспрессию («Self-code») по сравнению с кодированием лицевой экспрессии эмоций других детей ($t = -4,774$). Отсутствуют значимые различия в кодировании лицевой экспрессии эмоций знакомых и незнакомых детей ($t = -0,274$) в том случае, когда не учитывается пол субъекта кодирования. Кодирование лицевой экспрессии знакомых мальчиков значимо выше, чем не знакомых ($t = 4,910$), а также чем знакомых девочек ($t = 5,756$). В то же время отсутствуют значимые

Таблица 2

Сравнительный анализ влияния факторов успешности кодирования дошкольниками
лицевой экспрессии эмоций

Пары показателей	t	Value (2-tailed)
1. Кодирование радости — кодирование удивления	5,59	0,000
2. Кодирование радости — кодирование печали	1,88	0,062
3. Кодирование радости — кодирование страха	6,56	0,000
4. Кодирование удивления — кодирование печали	-11,42	0,000
5. Кодирование удивления — кодирование страха	3,68	0,000
6. Кодирование печали — кодирование страха	14,77	0,000
7. Кодирование всеми детьми 4 эмоций — кодирование девочками 4 эмоций	-1,29	0,197
8. Кодирование всеми детьми 4 эмоций — кодирование мальчиками 4 эмоций coding	-4,37	0,000
9. Кодирование девочками 4 эмоций — кодирование мальчиками 4 эмоций	-3,02	0,003
10. Кодирование всеми детьми 4 эмоций coding — кодирование «Self-code»	-4,77	0,000
11. Кодирование знакомыми детьми эмоций — кодирование незнакомыми детьми эмоций	-0,274	0,784
12. Кодирование знакомыми мальчиками эмоций — кодирование незнакомыми мальчиками эмоций	4,91	0,000
13. Кодирование знакомыми мальчиками эмоций — кодирование знакомыми девочками эмоций	5,75	0,000
14. Кодирование незнакомыми мальчиками эмоций — кодирование незнакомыми девочками эмоций coding	-0,865	0,389
15. Кодирование знакомыми девочками эмоций — кодирование незнакомыми девочками эмоций	-0,508	0,612

различия в кодировании лицевой экспрессии эмоций знакомых и не знакомых девочек ($t = -0,508$).

Обсуждение результатов исследования

Проведенное нами исследование подтверждает выводы ряда работ о том, что дети дошкольного возраста владеют различными техниками кодирования лицевой экспрессии эмоций [Bisson, 2013]. Получены данные о том, что дошкольники менее успешно кодируют лицевую экспрессию страха и удивления, что отмечается также в других исследованиях [Щетинина, 1984; Gagnon, Gosselin, Hudon-ven der Buhs, Larocque, Milliard, 2010]. Наши данные согласуются и с выводами о том, что дети успешно осуществляют преднамеренный контроль движений лица, образующих грустные и счастливые выражения [Gosselin, Maassarani, Younger, Perron, 2011]. Мы не обнаружили ярко выражен-

ного дифференцированного влияния половозрастных факторов на кодирование экспрессии базовых эмоций. Данный вывод согласуется с результатами тех работ, в которых утверждается, что половозрастные факторы в большей мере влияют на успешность распознавания неинтенсивной и неоднозначной лицевой экспрессии [Beek, Dubas, 2008]. Но мы обнаружили, что влияние полового фактора на процессы кодирования усиливается в сочетании с показателями опыта общения дошкольников друг с другом.

Заключение

Выполненное исследование было осуществлено нами с позиций гуманитарно-психологического подхода к решению проблемы кодирования детьми лицевой экспрессии базовых эмоций. Мы рассматривали особенности кодирования дошкольниками экспрессии в общении с равными, в детских сообществах, когда один и тот же дошкольник выступает как в роли субъекта кодирования, так и в роли кодера-наблюдателя. В отличие от других работ, успешность кодирования детьми лицевой экспрессии эмоций нами оценивалась на основе ответов кодера-наблюдателя, включенного в круг общения субъекта кодирования. С целью определения влияния опыта общения на успешность кодирования экспрессии нами был введен фактор: «знакомые — незнакомые», т.е. дети, которые имеют длительный непосредственный опыт общения друг с другом, принадлежат к одной детской группе (знакомые), и дети, которые не имеют опыта совместной деятельности, общения друг с другом, принадлежат к различным детским группам (незнакомые). В процессе проверки нашей главной гипотезы о влиянии опыта общения дошкольников со сверстниками на успешность кодирования лицевой экспрессии эмоций мы также рассмотрели влияние пола субъекта кодирования, вида эмоций. Полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу и одновременно уточняют ее: опыт общения в большей мере оказывает влияние на процессы кодирования лицевой экспрессии мальчиков, чем девочек.

Библиографический список

1. Абраменкова В. В. 2000. *Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре*. М.: МОДЕК.
2. Барабанщиков В. А. 2012. *Экспрессии лица и их восприятие*. М.: ИП РАН.
3. Выготский Л. С. 2005. *Психология развития человека*. М.: ЕКСМО.
4. Гармаева Т. В. 2009. *Социокультурные и этнопсихологические детерминанты кодирования эмоций* // Психологические исследования: электронный научный журнал. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru>
5. Изард К. Е. 1980. *Эмоции человека*. М.: Изд-во МГУ.
6. Коваль Ю. Б. 2006. *Особенности выбора дошкольниками эмоциональной экспрессии с целью регуляции отношений в различных ситуациях социального взаимодействия* // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 6.

7. Крейдлин Г.Е. 2002. *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*. М.: Новое литературное обозрение.
8. Лабунская В.А. 2009. *Не язык тела, а язык души. Невербальное выражение личности*. Ростов н/Д: Феникс.
9. Лабунская В.А., Дроздова И.И. 2003. *Социально-психологические особенности субъектов педагогического общения с различным типом соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний* // Северо-Кавказский психологический вестник. № 1.
10. Мацумото Д. 2008. *Человек. Культура. Психология*. СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК.
11. Приходько А.И. 2009. *Эмоциональная социализация: содержание и механизмы* // Психологические исследования: электронный научный журнал. № 4 (6). URL: <http://psystudy.ru>
12. Прусакова О.А., Сергиенко Е.А. 2006. *Понимание эмоций детьми дошкольного возраста* // Вопросы психологии. № 4.
13. Рубинштейн С.А. 2003. *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер.
14. Щетинина А.М. 1984. *Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека* // Вопросы психологии. № 3.
15. Эко У. 1998. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Питер.
16. Ambady N., Weisbuch M. 2010. *Nonverbal Behavior/Handbook of Social Psychology* /ed. by S. T. Fiske, D. T. Gilbert, Gardner Lindzey: John Wiley & Sons. Vol. 1.
17. Beek van Y., Dubas J. 2008. *Age and Gender Differences in Decoding Basic and Non-basic Facial Expressions in Late Childhood and Early Adolescence* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 32 (1).
18. Bisson J.B. 2013. *The Development of Emotion Understanding in Preschoolers*. Doctoral Dissertations. <http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/139>
19. Boyatzis Ch.J., Satyaprasad Ch. 1994. *Children's facial and gestural decoding and encoding: Relations between skills and with popularity* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 18 (1).
20. Chinnici S.G., Crippa M., Agliati A. & Anolli L. 2002. *Nonverbal Communication of Emotions: An analysis of Behavioral Patterns in Children*/4th International Conference on Methods and Techniques in Behavioral Research, 27-30 August. Amsterdam.
21. Dunsmore J., Her Pa, Halberstadt A., Perez-Rivera M. 2009. *Parents' Beliefs about Emotions and Children's Recognition of Parents' Emotions* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 33. № 2.
22. Ekman P. 1993. *Facial expression and emotion* // American Psychologist. Vol. 48.
23. Gagnon M., Gosselin P., Hudon-ven der Buhs I., Larocque K., Milliard K. 2010. *Children's Recognition and Discrimination of Fear and Disgust Facial Expressions* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 34. № 1.
24. Gosselin P., Maassarani R., Younger A., Perron M. 2011. *Children's Deliberate Control of Facial Action Units Involved in Sad and Happy Expressions* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 35 (3).
25. Hall J.A., Bernieri F.J., Carney D.R. 2005. *Nonverbal behavior and interpersonal sensitivity* / The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford: University Press Inc., New York.

26. Herba C., Phillips M. 2004. *Development of facial expression recognition from childhood to adolescence: behavioral and neurological perspectives* // J. of Child Psychology and Psychiatry. Vol. 45.
27. Mendzheritskaya J. A. 2008. *Empathic Accuracy in Poly-Ethnic Interaction* // Russian Psychological Journal. № 4.
28. Mendzheritskaya J., Hansen M. 2013. *Shall I show my anger? Display rules in lecturer-student interaction in Germany and Russia* / Materials of the 15th Biennial EARLI and JURE Conference "Responsible Teaching and Sustainable Learning". München.
29. Prinsen T., Punyanunt-Carter N. M. 2009. *The Difference in Nonverbal Behaviors and How It Changes In Different Stages of A Relationship* // Texas Speech Communication Journal. Vol. 34.
30. Springer K., Meier J. A., & Berry D. 1996. *Nonverbal bases of social perception: Developmental change in sensitivity to patterns of motion that reveal interpersonal events* // J. Nonverbal Behavior. Vol. 20. № 4.
31. The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. 2005/Ed. by J. A. Harrigan, R. Rosenthal, K. R. Scherer. Oxford: University Press Inc., New York.
32. Yoshimoto D., Shapiro A., Brie K., Gottman J. 2005. *Nonverbal communication coding systems of committed couples* / The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford: University Press Inc., New York.

Статья поступила в редакцию 15.10.2013.

.....

DETERMINANTS OF FACIAL EXPRESSION CODING IN PRESCHOOL CHILDREN: ROLE OF COMMUNICATION EXPERIENCE AND GENDER

V. A. Labunskaya, J. A. Mendzheritskaya

Prof. Vera A. Labunskaya, Dr. Sci. (Psychology), Southern Federal University (Rostov-on-Don), Dept. for psychology, Chair for social psychology, e-mail: vlab@sfsedu.ru.

Dr. Yu. A. Mendzheritskaya, Cand. Sci. (Psychology), Göthe Institut (Frankfurt-am-Main), Center for improving education quality in the field of social sciences, Head, email: mendzheritskaya@em.uni-frankfurt.de.

The aim of our research was to analyse the coding of facial expression of basic emotions by preschool children (happiness, surprise, sadness, fear) from the point of view of the humanistic-psychological approach. Coding and decoding expression of emotional states is considered as one of the components of social intellect and an index of emotional competence. The coding performance was studied in the situations of «communication with peers», in «children groups», where each preschool child both was observed from the peer and decoded the facial expression of the peer himself. Following factors were treated as basic factors of successful coding: 1) long term face-to-face communication experience with peers attending to the same kindergarten group (familiar children); 2) lack of the interaction and communication experience with the target (unfamiliar children). 100 children from four different kindergartens of senior preschool took part in our research (6 years old; 49 boys and 51 girls).

The research confirms that preschool children possess different techniques of coding facial emotional expressions. The children successfully control facial moves forming sad and happy expressions. Less successfully they code facial expressions of fear and surprise. No pronounced differentiated influence of sex and age is registered to influence coding the expres-

sion of basic emotions. The conclusion accords with the results of researches claiming that sex and age more intensively influence *non-intensive* and *multivalued* facial expression. With that, communicative experience more influence the processes of coding facial expression of boys than of girls.

Key words: facial expression coding; basic emotions; communication experience; preschool children.

References:

1. Abramenkova V. V. 2000. *Sotsialnaya psikhologiya detstva: razvitie otnosheniy rebenka v detskoj subculture (Social psychology of the childhood: development of the children relations in children subculture)*. Moscow, MODEK.
2. Barabanschikov V. A. 2012. *Ekspressii litsa i ikh vospriyatie (Expression of facial and their perception)*. Moscow: IP RAN.
3. Vygotskiy L. S. 2005. *Psikhologiya razvitiya cheloveka (Psychology of human development)*, Moscow: EKSMO.
4. Garmaeva V. V. 2009. *Sotsiokulturnye i etnopsikhologicheskie determinanty kodirovaniya emotsiy, Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal (Socio-cultural and etnopsychological determinants of emotion coding, Psychological researches: electronic scientific journal)*. No. 1 (3), URL: <http://psystudy.ru>.
5. Izard K. E. 1980. *Emotsii cheloveka (Human emotions)*. Moscow: Moscow State University. 1980.
6. Koval Yu. B. 2006. *Osobennosti vybora doskol'nikami emotsional'noy ekspressii s tsel'yu regulatsii otnosheniy v razlichnykh situatsiyakh sotsial'nogo vzaimodeystviya, Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki (Particularities while choosing emotional expressions by preschool children with the aim of regulation of the relations in different situations of the social interaction // Humanities and socio-economic sciences)*. No. 6.
7. Kreydlin G. E. 2002. *Neverbalnaya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk (Nonverbal semiotics: Body language and natural language)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Labunskaya V. A. 2009. *Ne yazyk tela, a yazyk dushi. Neverbal'noe vyrazhenie lichnosti (Non-body language, and soul language. Nonverbal expression of the person)*. Rostov-na-Donu: Feniks.
9. Labunskaya V. A., Drozdova I. I. 2003. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti sub'ektov pedagogicheskogo obshcheniya s razlichnym tipom sootnosheniya uspekhov kodirovaniya i interpretatsii ekspressii emotsional'nykh sostoyaniy, Severo-Kavkazskiy psikhologicheskii vestnik (Socio-psychological particularities of the subjects of the pedagogical communication differed in accuracy level of coding and interpretation of emotional expression, North-Caucasian psychological bulletin)*. No. 1.
10. Matsumoto D. 2008. *Chelovek. Kultura. Psikhologiya (Man. Culture. Psychology)*. St. Petersburg: Praym EVROZNAK.
11. Prikhodko, A. I. 2009. *Emotsional'naya sotsializatsiya: sodержание i mekhanizmy, Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal (Emotional socialization: contents and mechanisms, Psychological researches: electronic scientific journal)*. No. 4 (6). URL: <http://psystudy.ru>.

12. Prusakova O. A., Sergienko E. A. 2006. *Ponimanie emotsiy det'mi doshkol'nogo vozrasta, Voprosy psikhologii (Comprehension of emotions by preschoolers, Questions of psychology)*. No.4.
13. Rubinshteyn S.L. 2003. *Bytie i soznanie. Chelovek i Mir (Being and consciousness. Human and world)*. St. Petersburg, Piter.
14. Shchetinina A. Moscow 1984. *Vospriyatie i ponimanie doshkol'nykh emotsional'nykh sostoyaniy cheloveka, Voprosy psikhologii (Perception and understanding preschool children of an emotional condition of the person, Questions of psychology)*. No. 3.
15. Eco U. 1998. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu (Lacking structure. Introduction into semiology)*. St. Petersburg: Peter). St. Petersburg: Piter.
16. Ambady N., Weisbuch M. 2010. *Nonverbal Behavior/Handbook of Social Psychology*/ed. by S. T. Fiske, D. T. Gilbert, Gardner Lindzey: John Wiley & Sons. Vol. 1.
17. Beek van Y., Dubas J. 2008. *Age and Gender Differences in Decoding Basic and Non-basic Facial Expressions in Late Childhood and Early Adolescence* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 32 (1).
18. Bisson J. B. 2013. *The Development of Emotion Understanding in Preschoolers*. Doctoral Dissertations. <http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/139>
19. Boyatzis Ch. J., Satyaprasad Ch. 1994. *Children's facial and gestural decoding and encoding: Relations between skills and with popularity* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 18 (1).
20. Chinnici S. G., Crippa M., Agliati A. & Anolli L. 2002. *Nonverbal Communication of Emotions: An analysis of Behavioral Patterns in Children* / 4th International Conference on Methods and Techniques in Behavioral Research, 27-30 August. Amsterdam.
21. Dunsmore J., Her Pa, Halberstadt A., Perez-Rivera M. 2009. *Parents' Beliefs about Emotions and Children's Recognition of Parents' Emotions* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 33. № 2.
22. Ekman P. 1993. *Facial expression and emotion* // American Psychologist. Vol. 48.
23. Gagnon M., Gosselin P., Hudon-ven der Buhs I., Larocque K., Milliard K. 2010. *Children's Recognition and Discrimination of Fear and Disgust Facial Expressions* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 34. № 1.
24. Gosselin P., Maassarani R., Younger A., Perron M. 2011. *Children's Deliberate Control of Facial Action Units Involved in Sad and Happy Expressions* // J. of Nonverbal Behavior. Vol. 35 (3).
25. Hall J. A., Bernieri F. J., Carney D. R. 2005. *Nonverbal behavior and interpersonal sensitivity* / The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford: University Press Inc., New York.
26. Herba C., Phillips M. 2004. *Development of facial expression recognition from childhood to adolescence: behavioral and neurological perspectives* // J. of Child Psychology and Psychiatry. Vol. 45.
27. Mendzheritskaya J. A. 2008. *Empathic Accuracy in Poly-Ethnic Interaction* // Russian Psychological Journal. № 4.
28. Mendzheritskaya J., Hansen M. 2013. *Shall I show my anger? Display rules in lecturer-student interaction in Germany and Russia* / Materials of the 15th Biennial EARLI and JURE Conference "Responsible Teaching and Sustainable Learning". München.

29. Prinsen T., Punyanunt-Carter N.M. 2009. *The Difference in Nonverbal Behaviors and How It Changes In Different Stages of A Relationship* // Texas Speech Communication Journal. Vol. 34.
30. Springer K., Meier J.A., & Berry D. 1996. *Nonverbal bases of social perception: Developmental change in sensitivity to patterns of motion that reveal interpersonal events* // J. Nonverbal Behavior. Vol. 20. № 4.
31. *The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*. 2005 / Ed. by J.A. Harrigan, R. Rosenthal, K.R. Scherer. Oxford: University Press Inc., New York.
32. Yoshimoto D., Shapiro A., Brie K., Gottman J. 2005. *Nonverbal communication coding systems of committed couples* / The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford: University Press Inc., New York.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

.....

Е. В. Медведева¹

В данной статье рассмотрена проблема становления субъектности личности с ограниченными возможностями. Проанализированы специфические проявления субъектности детей с нарушениями двигательной сферы (на примере детей с церебральным параличом) через изучение особенностей различных видов активности (игровой деятельности и общения). Сравнивалась группа детей без нарушения двигательной активности и группа детей с нарушениями двигательной активности по показателям инициативности, ответственности и самостоятельности в общении. Стандартизированное наблюдение за игрой детей с двигательными нарушениями показало, что они существенно реже проявляют инициативу в выборе игровых ролей чем их сверстники из контрольной группы. В игровых ситуациях они также менее часто проявляют ответственность и субъектность в общении с другими детьми. Уровень благополучия взаимоотношений (наличие взаимных выборов в группе детей) также ниже в группе детей с нарушениями двигательной активности. С этими особенностями коррелирует высокий уровень тревожности в отношениях с другими детьми.

Таким образом, дети с нарушениями двигательной активности проявляют субъектные качества как инициативность, ответственность, активность в меньшей мере чем их здоровые сверстники. Автор приходит к выводу, что существуют специфические проявления субъектности в игре и общении у детей с нарушениями двигательной сферы, которые дифференцируются на конструктивные и псевдокомпенсаторные. Они обеспечивают формирование особого комплекса субъектных качеств, обеспечивающих приемлемый уровень их взаимодействия с окружающими. На основе проведенного исследования показана возможность становления субъектности личности у ребенка с нарушениями двигательной сферы, почти не уступающая по показателям детям того же возраста без двигательных нарушений

Ключевые слова: личность, субъект, субъектность, субъектно-бытийный подход, активность, общение, детский церебральный паралич.

В последние годы понятия «субъект» и «субъектность личности» стали одними из наиболее употребительных в научной и в публицистической литературе, но объективно ещё не решены многие принципиально важные вопросы. Прежде всего, это относится к проблеме становления личности с ограниченными возможностями, особенно с двигательными нарушениями, которые рез-

¹ Медведева Елена Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного аграрного университета. Эл. почта: m561@rambler.ru.

ко ограничивают возможные проявления активности и поэтому не могут не ограничивать (или специфицировать) субъектность личности.

Изучение проблемы личности с нарушениями в двигательной сфере до последнего времени было связано в основном её клиническими аспектами [Бадалян, Журба, Тимонина, 1988; Калижнюк, 1987; Мамайчук, 2000; Мастюкова, 1985; Семенова, Махмудова, 1979; Donkervoort, 2007; Parkes, 2008; Raina, 2005; Rentinck, 2006; Sigurdardottir, 2012], тогда как психологический аспект проблемы становления субъектности личности с ограничениями в научных работах не освещен.

В связи с этим особую значимость и актуальность приобретает изучение субъектной позиции человека, реализующего свою субъектность в условиях двигательных ограничений, в рамках субъектно-бытийного подхода [Абульханова-Славская, 1983; Брушлинский, 2003; Брушлинский, 1994; Знаков, 2000; Рубинштейн, 1997а; Рубинштейн, 1997б; Рубинштейн, 1957; Рубинштейн, 1998; Рябикина, Сомова, 2001; Рябикина, 2005].

Потребность быть субъектом — фундаментальное свойство каждого человека. Это изначально заложено в сущность социальной эволюции, являясь условием человеческого существования, а также главным образующим человека как личности [Брушлинский, 2003, с. 272]. При изучении таких понятий «субъект» и «субъектность личности» особое внимание уделяется тому, что «человек... является творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути», при этом осуществляя практическую «деятельность, общение, поведение, познание, созерцание» и другие виды специфической человеческой активности [Брушлинский, 1994, с. 31]. При этом активность определяется как «способ самовыражения и самоосуществления личности, при котором обеспечивается и сохраняется её субъектность» [Абульханова-Славская, 1983, с. 18].

Инициативность, ответственность и самостоятельность раскрывают содержательное определение субъектной позиции человека в человеческой активности, её субъектную составляющую, которая и выделяет её из активности всего живого. Субъектность выступает определяющим моментом содержательной сущности активности человека и её важным системообразующим свойством. Эта содержательная сущность человеческой активности проявляется также в становлении личности с двигательными ограничениями, углубляя её возможности как действенного (действующего) субъекта.

Как показано в исследованиях Е. А. Сергиенко, благоприятным периодом становления субъектности является старший дошкольный возраст (6-7 лет), так как дети этого возраста поднимаются на более высокий уровень по сравнению с детьми более раннего возраста и способны сопоставлять «свои модели с моделями психического других», что ведет к новому уровню в становлении субъектности [Сергиенко, 2005, с. 215].

Физические (двигательные) ограничения накладываются на личность как субъекта деятельности и специфицируют способы поведения в преодолении жизненных проблем. Анализ этой специфичности создает возможность для понимания психологических механизмов становления субъектных характеристик через изучение особенностей различных видов активности (игровой деятельности и общения) у личности с двигательными нарушениями.

Дефицит специальных работ, направленных на изучение субъектности и её специфических проявлений у личности с двигательными ограничениями, актуальность, теоретическая и практическая значимость, а также недостаточная разработанность проблемы субъектности личности в условиях двигательных ограничений, обусловленных своеобразием становления личности, определили тему исследования.

Цель исследования — выявить специфику проявлений субъектности у детей с двигательными ограничениями.

Объект исследования — личность ребенка с двигательными нарушениями (дети в возрасте 6-7 лет).

Предмет: специфические проявления субъектности в различных видах активности (игровая деятельность и общение).

Для *диагностического обследования* детей применялись следующие методики.

1) для выявления специфических проявлений субъектности в игровой деятельности детей с двигательными нарушениями — методика «Изучение игровой деятельности и уровня притязаний у детей 1-7 лет» Г. А. Урунтаевой;

2) для выявления специфических проявлений субъектности в общении личности ребенка с двигательными нарушениями — методики «Изучение взаимоотношений между детьми в группе детского сада» Г. А. Урунтаевой, Ю. А. Афонькиной; тест тревожности Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен.

Исследование проводилось на базе Центра восстановительной медицины и реабилитации для детей с церебральной патологией (г. Краснодар). Выборка составила 50 детей в возрасте 6-7 лет с различными формами церебрального паралича. Нормально развивающиеся дети (50 чел.), посещающие МДОУ №8 г. Краснодара, были включены в исследование для сопоставления результатов.

Методика «Изучение игровой деятельности и уровня притязаний у детей 1-7 лет» Г. А. Урунтаевой использовалась для выявления специфических проявлений субъектности в игровой деятельности детей с двигательными нарушениями.

Потребность быть субъектом свойственна каждому человеку, как с двигательными ограничениями, так и без ограничений. При этом различаются интенсивность этой потребности и возможности её реализации. Рассматривая игровую деятельность как универсальный механизм процесса становления

личности, мы проанализировали такие личностные характеристики личностной активности ребенка в игре, как ответственность, инициативность и самостоятельность, которые позволили нам выделить типы проявлений этих и других свойств и качеств, определяющих специфические особенности личности и её активной представленности.

Наблюдения за игрой детей с двигательными нарушениями (далее 1-я группа) и детей без двигательных нарушений (далее 2-я группа) проводились по методике «Изучение игровой деятельности у детей 3-7 лет» (Г. А. Урунтаевой). При создании сюжетно-ролевой игры детьми из обеих групп прослеживалось использование разнообразных источников информации: знания ребенка о бытовой деятельности, рассказы взрослых, личный опыт ребенка, полученный вне семьи и дома, и др. («Больница», «Парикмахерская», «Летчики», «Семья», «Дочки-матери» и др.).

В связи с тем, что исследование проявлений субъектности личности в игровой деятельности детей с нарушениями двигательной сферы (1-я группа) проводилось в сравнении с детьми без нарушений (2-я группа), являющимися статистической нормой психического развития, мы посчитали необходимым в первую очередь сопоставлять результаты по 2-й группе.

Наиболее ярко выраженные специфические проявления субъектности личности ребенка с двигательными нарушениями в игровой деятельности отмечаются при характеристике ситуаций выбора и распределения ролей.

На этапе выбора ролей и на этапе их реализации ребенок пытается удовлетворить потребность быть субъектом общения и познания и реализует её, проявляя самостоятельность и инициативность (во 2-й группе) или, напротив, демонстрируя зависимость, безынициативность (в 1-й группе).

В 86% случаев в ситуации распределения ролей дошкольники 2-й группы проявляют инициативу, выражающуюся в стремлении организовать совместную игру, что отражает потребность в активной самореализации своих возможностей.

Проявления субъектности наблюдаются не только в группе детей без двигательных ограничений, но и в группе детей с нарушениями в двигательной сфере (в 12% случаев). Несмотря на то, что выбор ролей у этих детей ограничен из-за вынужденной изоляции в домашних условиях, при выборе сюжетов, связанных с медицинской (игра «Больница») и бытовой сферой взрослых (игра «Семья»), ребенок *самостоятельно* по собственной *инициативе* осуществляет выбор роли. При этом самостоятельный выбор роли детьми 1-й группы по собственной инициативе обусловлен *осведомленностью* (личным опытом) в определенной профессиональной или бытовой сфере взрослых, а также в утверждении своего приоритета в осведомленности, так как чаще и дольше, чем

дети без двигательных ограничений, находятся либо в лечебных учреждениях, либо в изоляции в домашних условиях.

Такое личностное качество, как *ответственность*, отмечается не только во 2-й (88%), но и в 1-й группе (24%). При этом ответственность у детей с нарушениями в двигательной сфере формируется специфическими способами: 1) может быть формальной, т. е. находится в однозначной зависимости от руководства извне (помощь воспитателя), а поэтому принудительной, ограничивающей инициативу субъекта; 2) проявляться через ориентацию на внешний успех и на свои высокие притязания, несмотря на то что ребенок не владеет навыком согласования собственной активности с активностью группы. Эти проявления формальной ответственности ведут по ложному пути формирования личности ребенка с двигательными нарушениями и способствуют становлению фиктивной субъектности (псевдокомпенсаторные механизмы) и рассматриваются нами как попытка актуализировать себя в игровой среде.

Для выявления субъектности в *общении* дошкольников с двигательными нарушениями было организовано экспериментальное исследование. Целью констатирующего эксперимента стало изучение проявлений субъектности в общении у детей старшего дошкольного возраста с двигательными нарушениями (далее — 1-я группа) в сравнении с детьми без двигательных нарушений (далее — 2-я группа).

На основании данных, полученных в ходе проведения игровой методики «Секрет» (Г. А. Урунтаевой), был выявлен уровень благополучия взаимоотношений в обеих группах детей. Отметим, что качество взаимоотношений позитивно (высокий уровень) или негативно (низкий уровень) влияет на интенсивность проявлений субъектности и возможность реализовать потребность быть субъектом в отношениях с другим человеком.

В результате сравнительной характеристики во 2-й группе детей был выявлен высокий уровень благополучия взаимоотношений (УБВ) (65% — 7 взаимных выборов) и высокий коэффициент взаимности — 78%, что говорит о наличии высокого УБВ и присутствия микрогруппы в коллективе детей.

У детей 1-й группы оказался низкий уровень УБВ (12% — 1-2 взаимных выбора) и низкий коэффициент взаимности (13%), что говорит о незнании других детей, в связи с чем наблюдается отсутствие предпочтений из-за недостатка совместных действий, обусловленного вынужденной изоляцией в домашних условиях или в медицинских учреждениях, где отсутствуют необходимые условия для общения со сверстниками.

Негативную роль, способствующую снижению возможностей в реализации потребности быть субъектом в процессе общения, играют не только нарушения речи и несформированность коммуникативных навыков, но и неблагоприятный эмоциональный фон, который выражается в повышенном уровне тре-

возможности, о чем говорят робость, неуверенность в себе в процессе налаживания контактов.

Согласно результатам проведенного теста тревожности (Р. Теммл, М. Дорки, Ф. Амен) во 2-й группе дети (83%) проявляют *адекватный средний уровень* тревожности (индекс тревожности (ИТ) — от 20 до 50%), позволяющий дошкольникам этой группы успешно адаптироваться в различных психотравмирующих ситуациях.

У детей 1-й группы отмечается высокий уровень тревожности (84% случаев), который обусловлен рядом патогенных (церебрально-органическая недостаточность) и социальных (частая госпитализация, изоляция) факторов. В 12% случаев в 1-й группе выявлен средний уровень тревожности. Это обусловлено осознанием ребенка своего недостатка и желанием его преодолеть, что позволяет выбирать адекватные, конструктивные и эффективные способы поведения.

Различные уровни тревожности характеризуют определенный эмоциональный опыт в какой-либо одной сфере социального взаимодействия (при общении со сверстниками или родителями). Негативный эмоциональный опыт дошкольников 1-й группы был связан преимущественно с ситуациями взаимодействия со сверстниками.

В процессе наблюдения за общением 1-й группы детей в игровой деятельности в ситуациях игровых и реальных отношений между собой выявлена часть детей (14%), отличающаяся высокой заинтересованностью в совместной деятельности. У них отмечено стремление воспроизводить взаимоотношения взрослых, что приводит к высокой потребности в партнерах, которые бы играли вместе. Это стимулирует процесс общения, и ребенок начинает сначала робко, а затем более уверенно налаживать контакты: дети начинают договариваться, проявляя лояльность и тактичность к сверстникам в общении; ребенок согласовывает свои действия с действиями другого; готов идти на уступки, избегая конфликтных ситуаций.

Специфические проявления субъектности в общении у детей 1-й группы (13%) наблюдаются в самостоятельном выборе дополнительных способов коммуникации (коммуникация с помощью рук (жесты, знаки); графические способы).

Итак, потребность быть субъектом реализуется ребенком с двигательными нарушениями в процессе *игровой деятельности* и в *общении*. Специфические проявления субъектности дифференцируются на конструктивные и псевдокомпенсаторные.

В *игровой деятельности* особенности субъектности проявляются в следующем: зачастую отсутствует целевая ориентация в инициативных действиях, преобладает побудительный момент — желание заявить себя; наблюдаются ограничения субъектности в связи с ограничениями в осведомленности о раз-

личных областях жизни (преобладают знания о больнице, о бытовых отношениях в семье), формальный (принудительный, ограничивающий инициативу субъекта) характер ответственности, обусловленный руководством извне, доминирующей позицией взрослого.

К *псевдокомпенсаторным* проявлениям субъектности можно отнести манипулирование другими людьми как орудием исполнения задуманного (делегированная субъектность); выбор в игре главных ролей без учета своих возможностей; заявляемое желание быть лидером при отсутствии навыков, необходимых для этого статуса; стремление к детям более младшего возраста (мнимое лидерство); неконструктивная агрессивность по отношению к партнерам по игре.

В *общении* особенности проявления субъектности связаны: с инициированием потребности в обмене опытом; со стремлением к совместным решениям поставленных задач без помощи взрослого (самостоятельность, инициативность); с умением самостоятельно выбирать дополнительные способы коммуникации — жесты, знаки, графические способы.

К *сдерживающим* факторам развития субъектности в общении относятся: отсутствие предпочтений в процессе налаживания контактов со сверстниками из-за недостатка совместных действий; непродолжительные спонтанные контакты, обусловленные вынужденной изоляцией в домашних условиях; агрессивное поведение по отношению к окружающим детям и попытки подавлять мнение сверстников.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. 1983. *Типология активности личности* // Психологический журнал. Т.6, №5.
2. Бадалян А. О., Журба А. Т., Тимонина О. В. 1988. *Детский церебральный паралич*. Киев: Здоровье.
3. Брушлинский А. В. 2003. *Психология субъекта*. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя.
4. Брушлинский А. В. 1994. *Проблемы психологии субъекта*. М.: Институт психологии РАН.
5. Знаков В. В. 2000. *Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия* // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект.
6. Калижнюк Э. С. 1987. *Психические нарушения при детских церебральных параличах*. Киев: Здоровье.
7. Мамайчук И. И. 2000. *Психология дизонтогенеза и основы психокоррекции*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
8. Мастюкова Е. М. 1985. *Особенности личности учащихся с церебральным параличом* // Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. М.: Педагогика.
9. Рубинштейн С. А. 1997а. *Человек и мир*. М.: Наука.

10. Рубинштейн С. А. 1997б. *Избранные философско-психологические труды: основы онтологии, логики и психологии*. М.: Наука.
11. Рубинштейн С. А. 1957. *Бытие и сознание*. СПб.: Питер Ком.
12. Рубинштейн С. А. 1998. *Основы общей психологии*. СПб.: Питер Ком.
13. Рябикова З. И., Сомова Е. Г. 2001. *Личность и её самоактуализация в общении* // Мир психологии. № 3.
14. Рябикова З. И. 2005. *Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа* // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 11-12 ноября. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
15. Семенова К. А., Махмудова Н. М. 1979. *Медицинская реабилитация и социальная адаптация больных детским церебральным параличом*. Ташкент: Медицина.
16. Сергиенко Е. А. 2005. *Психология субъекта: проблемы и поиски* // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 11-12 ноября. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
17. Donkervoort M. 2007. *Determinants of functioning of adolescents and young adults with cerebral palsy* // Disability and Rehabilitation. № 29 (6).
18. Parkes J. 2008. *Psychological problems in children with cerebral palsy: A cross-sectional European study* // Journal of Child Psychology and Psychiatry. № 49 (4).
19. Raina P. 2005. *The health and well-being of caregivers of children with cerebral palsy* // Pediatrics. №115 (6).
20. Rentinck I. 2006. *Parents of children with cerebral palsy: A review of factors related to the process of adaptation* // Child: Care, Health and Development. № 33 (2).
21. Sigurdardottir S. 2012. *Behavioural and emotional symptoms of preschool children with cerebral palsy: A population study* // Developmental Medicine and Child Neurology. № 52.

Статья поступила в редакцию 24.11.2013.

.....

SPECIFIC SUBJECT MANIFESTATION OF CHILDREN WITH MOTIONAL DEVIATIONS

Ye. V. Medvedeva

Dr. Yelena V. Medvedeva, Cand. Sci. (Psychology), Kuban State Agrarian University, Chair for Methods of teaching and psychology. E-mail: m561@rambler.ru.

The article refers to the problem of formation personal subjectivity of the disabled. Specific subject manifestations of children are analyzed with motional disabilities (with cerebral palsy children) by means of peculiar features of different activities (play activity and communication). A group of children without motional disorder was compared with the having such according to the indices of intitiativeness, responsibility, and communicative self-dependence. Standardized observation on the children's play showed that they much more rare display initiative in choosing play roles than the children of the control group of the same age. In play situations they also less rarely display responsibility and subjectivity communicating with other children. The level of well-being (the presence of mutual choice in the children's group) is also lower in the group of children with motional disabilities. High level of anxiety in relationships with other children corresponds with the peculiarities.

So, the children with motional disorder display subjective qualities like initiativeness, responsibility, activity less than healthy children of the same age. The author concludes that there are specific subject manifestations in play and communication of children with motional deviations which differentiate in constructive and pseudocompensating. They provide building a special complex of subjective qualities providing acceptable level of their interaction with the environment. The opportunity to form personal subjectivity of a motionally disabled child is shown by the research, which is equal in its characteristics to children of the same age but without motional disabilities.

Keywords: personality, subject, subjectivity, subject-being approach, activity, communication, infantile cerebral palsy.

References:

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A., 1983. *Tipologiya aktivnosti lichnosti (Typology of personal activity activity)*, Psikhologicheskizhurnal (Journal of psychology). v.6. No.5.
2. Badalyan L.O., Zhurba L.V., Timonina, O. V. 1988. *Detskiy tserebral'nyy paralich (Infantile cerebral palsy)*. Kiev: Zdorovye.
3. Brushlinskiy A.V. 2003. *Psikhologiya subyekta (Subjective psychology)*. Moscow: Institutpsikhologii Rus. Acad. Sci. (Institute for psychology Rus. Acad. Sci.); St. Petesburg, Aleteyya.
4. Brushlinskiy A.V. 1994. *Problemy psikhologii subyekta (Problems of subjective psychology)*, Moscow, Institut psikhologii (Institute for psychology) Rus. Acad. Sci..
5. Znakov V.V. 2000. *Psikhologiya subyekta kak metodologiya ponimaniya chelovecheskogo bytiya, Problema subyekta v psikhologicheskoy nauke (Subjective psychology as the methodology of human being, The problem of subject in psychological science)*. Moscow, Akademicheskii proekt.
6. Kalizhnyuk E.S. 1987. *Psikhicheskie narusheniya pri detskikh tserebral'nykh hparalichakh (Mental disorders at infantile cerebral palsies)*. Kiev: Zdorovye.
7. Mamaychuk I.I. 2000. *Psikhologiya dizontogeneza i osnovy psikhokorreksii (Psychology of disontogenesis and the principles of sychocorrection)*. St. Petersburg.:St. PetersburgGU.
8. Mast'yukova E. 1985. *Osobennosti lichnosti uchashchikhsya s tserebral'nykh paralichom, Osobennosti psikhofizicheskogo razvitiya uchashchikhsya spetsial'nykh shkol dlya detey s narusheniyami oporno-dvigatel'nogo apparata (Peculiarities of personalities of students with cerebral palsy, Peculiar mental-physical development of students of specialized schools for children with motional disorders)*. Moscow: Pedagogika.
9. Rubinshteyn S.L. 1997a. *Chelovek i mir (Human and world)*. Moscow: Nauka.
10. Rubinshteyn S.L. 1997b. *Izbrannyye filosofsko-psikhologicheskie trudy: osnovy ontologii, logiki i psikhologii (Selected philosophical-psychological works: principles of ontology, logic and psychology)*. Moscow: Nauka.
11. Rubinshteyn S.L. 1957. *Bytie i soznanie (Being and conscience)*. St. Petersburg.: PiterKoMoscow
12. Rubinshteyn S.L. 1998. *Osnovy obshchey psikhologii*. St. Petersburg.: PiterKom.
13. Ryabikina Z.I., Somova, E. G. 2001. *Lichnost' i ee samoaktualizatsiya v obshchenii, Mir psikhologii (Personality and its self-actualization in communication. World of psychology)*, No. 3.

14. Ryabikina Z.I. 2005. *Lichnost kak subyekt bytiyai so-bytiya: psikhologicheskiy aspekt analiza, Lichnost i bytie: subyektnyy podkhod*. Lichnost kak subyekt bytiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza. Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar, 11-12 noyabrya (*Personality as an subject of being: psychological aspect of analysis, Personality and being: subjective approach. Personality as being subject: theoretical and methodical grounds for analysis. Minutes of scientific-practical conference. Krasnodar, Nov. 11-12*). Krasnodar: KubSU.
15. Semenova K.A., Makhmudova N.M. 1979. *Meditinskaya reabilitatsiya i sotsial'naya adaptatsiya bolnykh detskim tserebralnym paralichom (Medical rehabilitation and social adaptation of children with unfantile cerebral palsy)*, Tashkent: Meditsina.
16. Sergienko E. A. 2005. *Psikhologiya subyekta: problemy i poiski, Lichnost i bytie: subyektnyy podkhod*. Lichnost kak subyekt bytiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza. Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnodar, 11-12 noyabrya (*Subjective psychology: problems and searches, Personality and being: subjective approach. Personality as a being subject: theoretical and methodical grounds for analysis. Minutes of scientific-practical conference. Krasnodar, Nov. 11-12*). Krasnodar: KubSU.
17. Donkervoort M. 2007. *Determinants of functioning of adolescents and young adults with cerebral palsy*, Disability and Rehabilitation. №29 (6).
18. Parkes J. 2008. *Psychological problems in children with cerebral palsy: A cross-sectional European study*, Journal of Child Psychology and Psychiatry. № 49 (4).
19. Raina P. 2005. *The health and well-being of caregivers of children with cerebral palsy* // Pediatrics. № 115 (6).
20. Rentinck, I. 2006. *Parents of children with cerebral pasly: A review of factors related to the process of adaptation* // Child: Care, Health and Developmenv. № 33 (2).
21. Sigurdardottir S. 2012. *Behavioural and emotional symptoms of preschool children with cerebral palsy: A population study*, Developmental Medicine and Child Neurology. № 52.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ПОДРОСТКОВ С КОМПЕНСИРОВАННОЙ ЗАТРУДНЕННОСТЬЮ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

.....

Т. И. Филиппиди, С. Ю. Флоровский¹

Обсуждаются результаты исследования социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий подростков с компенсированной затрудненностью психического развития. Эти регуляторные образования интерпретируются соответственно как операционально-поведенческий и ресурсно-мобилизационный компоненты социально-коммуникативной компетентности рассматриваемой категории подростков. Показано, что затрудненность психического развития в детские годы и последующая компенсация этой затрудненности оказывают значимое и функционально многозначное влияние на названные подсистемы регуляции межличностного общения и социального поведения в старшем подростковом возрасте. Выявлен ряд взаимопредикторных связей между социально-коммуникативными умениями и копинг-стратегиями подростков с компенсированной затрудненностью психического развития.

Подростки с компенсированной затрудненностью психического развития (мальчики) в коммуникации несколько более агрессивны, менее компетентны в ситуации беседы, склонны более агрессивно реагировать на просьбы со стороны других людей, менее склонны к зависимому поведению.

Девочки этой группы несколько более компетентны в общении чем их «обычные» сверстницы, чаще занимают зависимую позицию в ситуациях беседы и обращенной к ним просьбы, но при этом более агрессивны при негативной оценке их окружающими. В трудных ситуациях мальчики и девочки с компенсированной затрудненностью психического развития активнее чем их «обычные» сверстники используют адаптивные копинг-стратегии. Девочки этой группы гораздо чаще используют эмоциональные стратегии реагирования.

В целом подростки с компенсированной затрудненностью психического развития чаще и активнее используют свои коммуникативные умения в ситуациях преодоления жизненных трудностей. У подростков этой группы рассматриваемые компоненты социально-коммуникативной компетентности тесно взаимосвязаны и активно взаимодействуют между

¹ Филиппиди Татьяна Ивановна – учитель-дефектолог высшей квалификационной категории, соискатель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: lugua@mail.ru.

Флоровский Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: florowsky@mail.ru.

собой, в отличие от их возрастно-нормативных сверстников, у которых данные регулятивные образования функционируют практически автономно.

Ключевые слова: социально-коммуникативные умения, копинг-стратегии, межличностное общение, социальное поведение, подростки, затрудненное психическое развитие.

В последние десятилетия в России отмечается рост количества детей, страдающих различного рода задержками психического развития. Значительная часть из них после получения соответствующей коррекционной поддержки продолжает обучение в общеобразовательной школе, более или менее успешно интегрируясь в учебную деятельность и образовательное пространство. Тем не менее, сам факт пережитой (а зачастую и не вполне преодоленной) затрудненности психического развития не может не оказывать влияния на качественный уровень и структурную организацию механизмов психологической регуляции межличностного общения и социального поведения на последующих этапах жизненного пути. Однако подобные темпорально-отсроченные эффекты затруднения психического развития в современной отечественной психологии изучены весьма слабо, поскольку названная категория подростков в буквальном смысле слова оказывается на нейтральной территории между специальной психологией, психологией развития, психологией личности и общей психологией, каждая из которых не считает их вполне своими. Как следствие, существенно ограничены и возможности оказания таким людям необходимой психологической помощи.

Предметом нашего исследования выступают социально-коммуникативные умения и копинг-стратегии старших подростков, в жизненном опыте которых имел место факт задержки психического развития с последующей компенсацией. Эти регуляторные образования интерпретируются нами как операционально-поведенческий и ресурсно-мобилизационный компоненты социально-коммуникативной компетентности рассматриваемой категории подростков. В свою очередь, социально-коммуникативная компетентность понимается как интегральное психологическое образование, объединяющее и гармонизирующее внутренние средства регуляции социального поведения и межличностного общения человека [Калинина, 2006; Куницына, Казаринова, Погольша, 2002; Петровская, 2007; Children's and Social Competency..., 1997; Kanning, 2005; Rubin, Rose-Krasnor, 1992; Semrud-Clikeman, 2007; Schneider, 1993]. Выбор в качестве «фокусных» объектов психологического анализа именно социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий перенесших в детстве ЗПР подростков основывался на следующих соображениях.

Формирование социальной и коммуникативной компетентности рассматривается в качестве одной из важнейших задач развития личности в подростковом возрасте [Калинина, 2006; Практическая психология образования, 2004, с. 418-429]. Тем более что именно межличностное общение квалифицируется многими отечественными психологами как ведущая деятельность на

данном этапе жизненного пути личности [Лишин, 2007; Эльконин, 1989]. При этом сфера общения и социального поведения традиционно квалифицируется в качестве пространства компенсаторной активности личности, испытывающей дефицит когнитивно-интеллектуальных ресурсов. Так, по мнению Е. И. Комковой, «механизм психической регуляции в процессе социального взаимодействия заключается в том, что дети с высоким интеллектом социализируются с помощью когнитивных структур, а дети с низким и ниже среднего — с помощью социально-личностных характеристик» [Комкова, 2008, с. 115]. В этой связи показательны результаты классических исследований М. Уоллаха и Н. Когана [Wallach, Kogan, 1965]. Авторы выявили высокий уровень социальной адаптированности и удовлетворенности жизнью младших подростков с ограниченным интеллектуальным и творческим потенциалом (что характерно и для большей части рассматриваемых в нашей работе подростков, хотя и более старших по возрасту). Субъективный комфорт данной категории подростков достигался за счет использования ими трёх основных стратегий решения проблемных ситуаций: предпочтения выжидательной позиции (в надежде на то, что ситуация разрешится сама собой), умеренности притязаний и поддержания хороших отношений с окружающими. Симптоматичны и результаты наших собственных исследований [Филипиди, Флоровский, 2011], показавшие высокую привлекательность для подростков с компенсированной затрудненностью психического развития профессий социномического типа. При этом в пространстве социально-профессиональных отношений они стремятся не столько к безусловному доминированию (связанному с занятием официально высокого должностного положения), сколько к занятию профессиональных ниш и позиций, предполагающих зависимое (от них) положение других людей в ситуациях непосредственного межличностного взаимодействия.

Совмещение в рамках одного исследования социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий позволяет получить более панорамный психологический портрет подростков с компенсированной затрудненностью психического развития как субъектов общения и социального поведения. Достигается же это за счёт того, что интересующие нас подростки рассматриваются как минимум в двух взаимосвязанных контекстах своего бытия. Первый из них может быть обозначен как повседневное рутинное существование, онтологизирующееся в виде социально- и возрастнотипичных ситуаций общения. Социально-коммуникативные умения подростков отражают степень освоенности ими определенных поведенческих модулей (установление контакта, слушание собеседника, выражение собственной точки зрения и т.п.), на основе которых оказывается возможным конструирование схем и сценариев своего поведения в подобных ситуациях. Второй «бытийный контекст» связан со столкновением подростков с обстоятельствами, которые воспринимаются и переживаются ими как «нарушающие привычный ход жизни», «вызывающие напряжение», «предъявляющие требования, превышающие ресурсы...

справиться с ними», определяясь в сознании действующего субъекта в качестве «трудных ситуаций» [Крюкова, 2004; Куфтяк, 2012; Нартова-Бочавер, 1997; Lazarus, Folkman, 1984; Wrubel, Benner, Lazarus, 1981]. Способы совладания человека с подобными жизненными трудностями служат надежными и достоверными показателями достигнутого им общего уровня личностной зрелости, а также степени сформированности парциальных механизмов психологической регуляции поведения, деятельности и общения.

Следует заметить, что переживание значительной части жизненных ситуаций как трудных составляет своеобразную психологическую норму для подросткового возраста. Причем подобные переживания имеют преимущественно эндогенную обусловленность: активно происходящие в этот период жизни трансформации самосознания личности закономерно отражаются на способах восприятия и интерпретации действительности, порождая характерную для подростков склонность к проблематизации жизненных впечатлений. Вполне обычные (с точки зрения более зрелого человека) внешние воздействия воспринимаются и переживаются подростками как стрессовые и запредельные вследствие того, что оказываются пропущенными через проблематизирующе-аггравационный фильтр внутренних условий (кризис обретаемой идентичности, смысловые «разрывы» и противоречия смысловой сферы и др.) [Лишин, 2007; Подросток на перекрестке эпох..., 1997; Стрельцова, 2003].

Обращение к ресурсно-мобилизационному аспекту социально-коммуникативной компетентности перенесших в детские годы ЗПР подростков актуализируется также тем обстоятельством, что сам по себе факт наличия у них задержки в психическом развитии с последующей её компенсацией может рассматриваться как опыт пребывания в пролонгированной трудной жизненной ситуации и её успешного разрешения. Подобный сплав опыта ущербности и опыта преодоления по понятным причинам отсутствует у их сверстников, психическое развитие которых протекало в соответствии с нормативной траекторией.

Сказанное, на наш взгляд, делает правомерной поисковую *гипотезу*, заключающуюся в предположении о том, что в структуре социально-коммуникативной компетентности (и в частности, её операционально-поведенческого и ресурсно-мобилизационного компонентов) присутствуют три категории характеристик, по уровню развития которых подростки с компенсированной затрудненностью психического развития не отличаются от своих возрастно-нормативных сверстников (1), уступают им (2) и превосходят их (3). Данная гипотеза ранее продемонстрировала свою продуктивность при рассмотрении когнитивно-репрезентационного, ценностно-смыслового и личностно-регуляторного компонентов социально-коммуникативной компетентности интересующей нас категории подростков [Филипиди, 2012; Филипиди, Флоровский, 2011; Филипиди, Флоровский, 2012].

Организация и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили девятиклассники общеобразовательных школ Анапы и Краснодара. Экспериментальная группа включала 99 школьников, у которых в детстве констатировалось наличие задержки психического развития, из них 54 мальчика и 45 девочек. В контрольную группу вошли 118 школьников (62 мальчика и 56 девочек), психическое развитие которых протекало в соответствии с возрастнo-нормативной траекторией. Далее сопоставляемые категории подростков будут обозначаться соответственно как особые (особенные) и обычные (нормативные).

Осуществлялся сравнительный анализ социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий названных категорий подростков. Социально-коммуникативные умения оценивались посредством *тест-опросника коммуникативных умений для подростков и старшеклассников*, разработанного Л. Мишелсоном с соавторами [Michelson, Sugai, Wood, Kazdin, 1983], адаптированного для русскоязычной выборки Ю. З. Гильбухом и модифицированного С. В. Кривцовой и М. Н. Достановой [Подросток на перекрестке эпох..., 1997, с. 87-105]. Диагностировалась степень выраженности трёх базисных вариантов социально-коммуникативного поведения подростков: 1) компетентного (К), предполагающего построение общения с партнером на принципах равенства психологических позиций и паритетной координации усилий по разрешению проблемной ситуации; 2) агрессивного (Аг), предполагающего давление на партнера из психологической позиции «сверху»; 3) зависимого (З), связанного с психологической пристройкой к партнеру «снизу» и неуверенным следованием за ним. Анализировались общий (трансситуационный) профиль выраженности в поведении подростков трёх описанных вариантов его построения и парциальные профили действий подростков в пяти типах социально-коммуникативных ситуаций: реагирования на положительные высказывания партнера; реагирования на отрицательные высказывания; отклика на просьбы окружающих; беседы; проявления эмпатии. Выявление присущих подросткам стратегий преодоления жизненных трудностей осуществлялось при помощи теста Э. Хейма (E. Heim), адаптированного в лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана [Водопьянова, 2009, с. 282-286]. В соответствии с логикой нашего исследования оценивалась структура используемых подростками копинг-стратегий, дифференцируемых по критериям функциональности и адаптивности. В первом случае выявлялось соотношение стратегий, различающихся по своей психологической природе вследствие их связанности с определённой сферой психического функционирования, — когнитивных (Ког), эмоциональных (Э) и поведенческих (П). Во втором случае выявлялась представленность в индивидуальных паттернах копинг-поведения подростков стратегий с разным уровнем адаптивности — адаптивных (А), относительно

адаптивных (О) и неадаптивных (Н). Для уточнения тестовых результатов проводился выборочный опрос респондентов. Математико-статистическая обработка эмпирических данных включала в себя вычисление показателей средних значений, стандартного отклонения, оценку статистической достоверности межгрупповых различий по t-критерию Стьюдента для независимых выборок, частотный и корреляционный анализ (по Спирмену). Использовались пакеты прикладных статистических программ Excel for Windows XP/7 и SPSS 13.0.

Социально-коммуникативные умения подростков с затрудненной и нормативной траекториями психического развития

Структура социально-коммуникативных умений подростков с затрудненным и нормативным психическим развитием при рассмотрении их на интегральном трансситуационном уровне обнаруживает больше черт сходства, нежели различия.

Вне зависимости от пола и онтогенетической траектории психического развития подростков частота использования ими *компетентных* и *зависимых* стратегий поведения практически одинакова. Компетентное реагирование на события в сфере повседневного общения и социального взаимодействия со стороны разных категорий наших респондентов имеет место в диапазоне от 49,7 до 57,8% случаев, зависимое — от 20,3 до 26,9% (межгрупповые различия по ϕ -критерию не достигают уровня статистической достоверности).

Значимые различия между «особыми» и «нормативными» подростками обнаруживаются в частоте использования агрессивных стратегий разрешения коммуникативных ситуаций. Перенесшие в детстве задержку психического развития подростки (как девочки, так и мальчики) оказываются более агрессивными по сравнению со своими «обычными» сверстниками.

Как следствие, различаются и паттерны коммуникативного поведения подростков с сопоставляемыми нами траекториями психического развития. Если у подростков с нормативным вариантом психического развития этот паттерн имеет вид: компетентные → зависимые → агрессивные коммуникативные стратегии, то у подростков с компенсированной затрудненностью психического развития данный ряд выглядит следующим образом: компетентные → агрессивные → зависимые (по уменьшению «удельного веса» представленности в поведении).

Более глубокий анализ коммуникативных умений подростков с точки зрения характера их проявлений в локальных ситуационно-событийных контекстах межличностного общения выявляет сохранение описанных паттернов и в более конкретных вариантах интерперсональной коммуникации.

«Особые» подростки-мальчики в сравнении со своими «нормативными» сверстниками действительно обнаруживают достоверно меньшую *компе-*

тентность при реагировании на обращенные к ним положительные высказывания со стороны окружающих ($p < 0,017$), а также в ситуации беседы ($p < 0,038$). Что же касается «особых» подростков-девочек, то ни одного статистически значимого свидетельства их меньшей компетентности в общении по сравнению с «нормативными» сверстницами не выявляется. Обнаруживается лишь тенденциальное уменьшение частоты их компетентного реагирования в ситуациях ответа на аффективно-заряженные высказывания со стороны окружающих (как положительной, так и отрицательной модальности), а также в ситуациях, предполагающих эмпатийные проявления ($0,053 < p < 0,062$). При этом в ситуациях беседы девочки с компенсированной затрудненностью психического развития, напротив, оказываются несколько более компетентными, чем их «возрастно-нормативные» соученицы ($p < 0,069$).

Меньшая склонность к *зависимому* коммуникативному поведению оказывается прерогативой «особых» подростков-девочек, но никак не мальчиков, психическое развитие которых протекало по аналогичной затрудненной траектории. «Особые» девочки чаще, чем их «обычные» сверстницы, занимают зависимую позицию в повседневных беседах ($p < 0,012$) и в ситуациях отклика на обращенные к ним просьбы ($p < 0,007$). Степень выраженности зависимых поведенческих тенденций у «особых» и «обычных» мальчиков-подростков одинакова во всех анализируемых нами ситуационно-событийных контекстах общения за исключением реагирования на адресованные им положительные высказывания со стороны окружающих. Впрочем, несколько меньшая зависимость в названном типе ситуаций мальчиков-подростков, перенесших в детские годы задержку психического развития, имеет лишь тенденциальную выраженность ($p < 0,068$).

Наибольшее количество различий между «особыми» и «нормативными» подростками сосредоточено в области *агрессивных* вариантов поведения в коммуникативных ситуациях. Подростки с компенсированной затрудненностью психического развития (как мальчики, так и девочки) демонстрируют достоверно более высокий уровень агрессивности в беседах с окружающими ($p < 0,0004 / p < 0,036$) и при реагировании на положительные высказывания ($p < 0,010 / p < 0,034$). Кроме того, в сравнении со своими «обычными» сверстниками «особые» мальчики обнаруживают тенденцию более агрессивно реагировать на просьбы со стороны других людей, а девочки — отвечать на отрицательные высказывания о них со стороны окружающих (и в том и в другом случае значимость различий близка к порогу статистической достоверности, но не достигает его). Также девочки-подростки с особенностями психического развития значимо более агрессивны в ситуациях общения, предполагающих проявление эмпатии ($p < 0,018$).

Можно констатировать своеобразие профиля социально-коммуникативных умений старших подростков, в жизненном опыте которых имел место факт

задержки психического развития с последующей компенсацией. В сравнении со своими сверстниками, чье психическое развитие протекало в соответствии с возрастнo-нормативной траекторией, «особые» мальчики могут быть охарактеризованы как в равной мере несклонные к зависимому поведению, менее компетентные и более агрессивные субъекты общения, а «особые» девочки — как более агрессивные и менее зависимые, но при этом столь же компетентные в своем повседневном взаимодействии с окружающими.

Копинг-стратегии подростков с затрудненной и нормативной траекториями психического развития

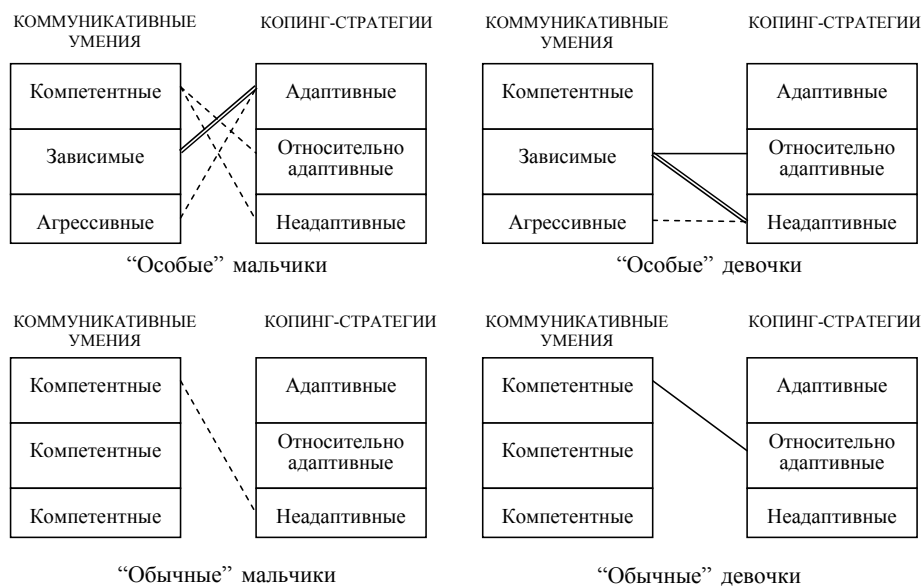
Обобщенные характеристики копинг-стратегий мальчиков-подростков с затрудненной и нормативной траекториями психического развития в большинстве своем оказываются одинаковыми. «Особые» и «обычные» подростки обнаруживают сходный характер реагирования на трудные ситуации: сталкиваясь со сложностями, они обращаются в первую очередь к поведенческим и когнитивным ресурсам, существенно реже задействуя ресурсы эмоциональной природы. Идентичен и профиль копинг-стратегий, дифференцируемых по критерию большей или меньшей адаптивности. Вне зависимости от особенностей линии онтогенетического психического развития в структуре совладающего поведения опрошенных нами мальчиков-подростков в основном преобладают адаптивные стратегии; реже всего используются относительно адаптивные варианты совладающего поведения; промежуточное положение занимают неадаптивные стратегии. Иначе говоря, по частоте применения (в направлении от «чаще всего» к «реже всего») копинг-стратегии мальчиков-подростков образуют ряд: адаптивные → неадаптивные → относительно адаптивные.

Различия обнаруживаются лишь при сопряжении названных критериев. Выявляется ряд специфических особенностей совладания с трудными ситуациями «особых» и «обычных» мальчиков-подростков. Эти особенности затрагивают два кластера копинг-стратегий — эмоциональный и поведенческий. Обращаясь к эмоциональным способам совладания с трудными ситуациями, «особые» подростки активнее своих «обычных» сверстников используют относительно адаптивные ($p < 0,016$) и неадаптивные ($p < 0,031$) стратегии (на фоне одинаковой частоты использования адаптивных вариантов реагирования на жизненные трудности). В поведенческом кластере достоверные различия касаются категории относительно адаптивных совладающих стратегий. Направленность же различий оказывается противоположной: «особые» мальчики-подростки практикуют эти стратегии менее активно, чем их «обычные» соученики ($p < 0,023$). Кроме того, они обнаруживают склонность реже (в сравнении с возрастнo-нормативными сверстниками) использовать неадаптивные поведенческие стратегии ($p < 0,048$) и чаще — адаптивные ($p < 0,049$).

Стратегии совладания с жизненными трудностями девочек-подростков с различными траекториями онтогенетического психического развития, напротив, отличаются выраженным своеобразием. Обнаруживается большое количество значимых различий как в психологической природе предпочитаемых копинг-стратегий, так и в степени их адаптивности. Наиболее яркое различие касается эмоциональных стратегий реагирования на встречающиеся трудности: перенесшие в детстве ЗПР девочки-подростки используют их в гораздо большей степени, чем их сверстницы, психическое развитие которых протекало без каких-либо проблем ($p < 0,024$). Этот способ совладания для «особых» девочек является приоритетным, а для «обычных» — минимально используемым (в сравнении с поведенческими и когнитивными копингами). Чаще задействуются «особыми» девочками-подростками при совладании с трудными обстоятельствами и механизмы когнитивного уровня ($p < 0,049$). Степень же актуализации поведенческих механизмов одинакова у всех вошедших в нашу выборку старшеклассниц независимо от характера их психического онтогенеза.

Что касается дифференциации копинг-стратегий по критерию их адаптивности, то и здесь частотный приоритет принадлежит «особым» девочкам-подросткам. В сравнении со своими «обычными» сверстницами эти девочки активнее используют при столкновении с трудностями весь спектр возможных вариантов совладающего поведения, а именно его адаптивные ($p < 0,045$), неадаптивные ($p < 0,028$) и относительно адаптивные ($p < 0,039$) варианты. Данная тенденция отчетливо прослеживается на когнитивном и эмоциональном уровне реагирования девочек-подростков на трудные ситуации (единственное исключение составляют когнитивные стратегии относительно адаптивного типа, в равной мере используемые «особыми» и «обычными» девочками). На поведенческом уровне разрешения жизненных трудностей различий между девочками с разными траекториями психического развития не обнаруживается.

Таким образом, выявляются существенные различия психической регуляции преодоления трудных ситуаций подростками с различными траекториями онтогенетического психического развития, опосредованные к тому же их половой принадлежностью. У «особых» и «обычных» мальчиков-подростков в сложных жизненных обстоятельствах наблюдается различие поведения и эмоциональных реакций при сходстве способов восприятия и осмысления (когнитивной переработки) ситуации. За внешне тождественным поведением «особых» и «обычных» девочек-подростков скрываются различия в информационном моделировании ситуации и её эмоциональном отреагировании. Кроме того, выявляется значимая особенность «отклика» на трудные ситуации перенесших в детстве ЗПР девочек-подростков, заключающаяся в том, что они реагируют на такие ситуации более активно, чем их «обычные» сверстницы. Однако активность эта носит малодифференцированный характер (по критерию адаптивности копинг-стратегий): фактически они, используя стра-

Условные обозначения: сплошными линиями обозначены положительные взаимосвязи, пунктирными – отрицательные; одинарные линии соответствуют уровню значимости связи $p < 0,05$; двойные линии – уровню $p < 0,01$

Взаимосвязь социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий подростков с затрудненной и нормативной траекториями психического развития

тегию «сплошного перебора альтернатив», «пробуют всё» в надежде, что тот или иной способ совладания даст желаемый результат.

Взаимосвязь социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий у подростков с затрудненной и нормативной траекториями психического развития

Характер этих взаимосвязей принципиально различается у подростков с сопоставляемыми траекториями психического развития. Главное различие касается интенсивности связей между рассматриваемыми регулятивными подсистемами. Если у возрастнo-нормативных подростков данные подсистемы функционируют практически автономно, то у подростков с компенсированной затрудненностью психического развития они достаточно сильно связаны между собой. Это может свидетельствовать о том, что ситуации повседневного общения представляют для «особых» подростков большую трудность, чем для их «обычных» сверстников (что и приводит к более активному задействованию копинг-ресурсов для построения обыденных контактов). Справедлива и обратная закономерность, выражающаяся в том, что «особые» подростки чаще и активнее используют свои коммуникативные умения в ситуациях преодоления жизненных трудностей. Получается, что в их понимании «общенческая»

плоскость трудных жизненных ситуаций представлена более отчетливо, чем у «обычных» сверстников. Соответственно и разрешение жизненных трудностей видится в гораздо большей степени коммуникативно-опосредованным («надо поговорить», «попросить о помощи» и т.п.) (см. рисунок 1).

В этой связи показательны корреляции, обнаруживающиеся у возрастнo-нормативных подростков. Единственным связанным с копинг-ресурсами кластером социально-коммуникативных умений у них оказывается область компетентного поведения в общении. По всей видимости, построение именно этой линии своего поведения в социальном взаимодействии оказывается для них наиболее затруднительно, что и востребует некое дополнительное усиление за счет подключения копинг-ресурсов. При этом характер привлекаемых ресурсов различается в зависимости от пола подростков. Вероятность построения компетентного социально-коммуникативного поведения у мальчиков связана с уменьшением частоты обращения к копингам неадаптивного типа (Н —) ($r = -0,26, p < 0,047$), а у девочек — с активизацией использования ими копингов относительно адаптивной направленности (О+) ($r = 0,27, p < 0,046$).

Что же касается перенесших в детстве ЗПР подростков, для которых характерна существенно бо́льшая (в сравнении с возрастнo-нормативными сверстниками) сопряженность повседневного социально-коммуникативного поведения с ресурсами совладания, то необходимо отметить значимые межполовые различия в степени этой сопряженности.

Взаимосвязанность рассматриваемых нами регулятивных подсистем гораздо больше у мальчиков, чем у девочек. Общая адаптивность копинг-поведения мальчиков связана со всем спектром вариантов их повседневного общения, объединяющим области компетентного, зависимого и агрессивного вариантов коммуникативного поведения. В свою очередь, повседневное коммуникативное поведение так или иначе корреспондирует со всеми типами совладания с трудными ситуациями — адаптивными, неадаптивными, относительно адаптивными. У девочек на полюсе повседневного общения из межкомпонентного взаимодействия выпадает область компетентного поведения, а на полюсе копинг-ресурсов — кластер адаптивных стратегий.

Вследствие характерной для «особых» подростков высокой функциональной взаимосвязанности двух подсистем регуляции поведения — в контексте повседневного общения (1) и в случае попадания в трудные жизненные обстоятельства (2) — представляется возможным зафиксировать ряд взаимопредикторных связей между данными подсистемами. Иначе говоря, на выборке подростков с компенсированной затрудненностью психического развития оказывается возможным на основании знания особенностей поведения этих подростков в типичных ситуациях повседневного общения (выражающихся в определенной комбинации компетентных, зависимых и агрессивных действий) с высокой степенью надежности прогнозировать выбор этими же подростками

того или иного способа совладания с трудными жизненными обстоятельствами (выражающегося в обращении к определенному типу копинг-стратегий — адаптивных, неадаптивных, относительно адаптивных). Возможно и обратное: на основании оценки общей адаптивности копинг-поведения предсказывать профиль повседневного коммуникативного поведения подростков.

Следует заметить, что подобное прогнозирование должно обязательно осуществляться с учетом половой принадлежности «особых» подростков, поскольку взаимосвязи между рассматриваемыми регулятивными подсистемами у мальчиков и девочек принципиально различаются.

Для «особых» мальчиков-подростков характерно следующее.

Социально-коммуникативные умения как предиктор способов преодоления трудных жизненных ситуаций. В случае преобладания в структуре их повседневного коммуникативного поведения компетентных действий (К+) оказывается маловероятным обращение в трудных жизненных обстоятельствах к использованию стратегий совладания неадаптивного (Н —) ($r = -0,28, p < 0,047$) и относительно адаптивного типов (О —) ($r = -0,26, p < 0,049$).

Склонность к зависимому поведению в повседневном общении (З+) сочетается с использованием в трудных ситуациях стратегий преимущественно адаптивной направленности (А+) ($r = 0,59, p < 0,005$).

Предрасположенность к агрессивному взаимодействию с окружающими «в контексте повседневности» (Аг+), напротив, при столкновении с трудными жизненными обстоятельствами минимизирует вероятность выбора «преодолевающих стратегий» адаптивного типа (А —) ($r = -0,32, p < 0,031$). Данная связь представляется вполне закономерной и к тому же имеющей вид регуляторного кольца (в просторечии — замкнутый круг). Привычка к агрессии выступает в качестве интраперсонального блока, препятствующего построению адаптивной стратегии преодоления трудных ситуаций, что препятствует их продуктивному разрешению. В свою очередь, «фрустрационный шлейф» нерешенных должным образом трудных ситуаций распространяется и на повседневное общение, еще более укрепляя такого подростка в его агрессивном настрое по отношению к окружающим.

Способы преодоления трудных жизненных ситуаций как предиктор поведения в повседневном общении. Активное использование в трудных ситуациях адаптивных копинг-стратегий (А) выступает в качестве фактора предрасположения таких подростков к занятию преимущественно зависимой позиции в повседневном общении (З+) ($r = 0,59, p < 0,005$). Напротив, отсутствие или малое количество таких копинг-стратегий в «преодолевающем репертуаре» подростка (А —) заставляет ожидать от него повышенного уровня агрессивности в обыденном взаимодействии с окружающими (Аг+) ($r = -0,32, p < 0,031$).

Склонность использовать в трудных ситуациях неадаптивные (Н+) ($r = -0,28, p < 0,047$) и/или относительно адаптивные (О+) ($r = -0,26, p < 0,049$) стратегии указывает на ограниченную компетентность подростков в контексте повседневных (типичных) социально-коммуникативных ситуаций (К —). Вытеснение же названных копинг-стратегий из «совладающего репертуара» подростка (Н — , О —) существенно повышает вероятность того, что его коммуникативное поведение в ситуациях повседневного общения будет достаточно компетентным (К+).

«Особым» девочкам-подросткам присущи следующие черты.

Социально-коммуникативные умения как предиктор способов преодоления трудных жизненных ситуаций. Склонность девочек-подростков занимать в повседневном взаимодействии с окружающими зависимую позицию (З+) указывает на высокую вероятность использования ими при столкновении с жизненными трудностями стратегий неадаптивной (Н+) ($r = 0,63, p < 0,007$) и/или относительно адаптивной (О+) направленности ($r = 0,36, p < 0,047$).

Выраженность в структуре повседневного коммуникативного поведения агрессивных тенденций (А+) — знак того, что при столкновении с жизненными трудностями такие девочки не склонны использовать для выхода из них неадаптивные стратегии (Н —) ($r = -0,36, p < 0,049$).

Способы преодоления трудных жизненных ситуаций как предиктор поведения в повседневном общении. Обращение при столкновении с трудными жизненными обстоятельствами к совладающим стратегиям неадаптивного типа (Н+) коррелирует со склонностью в повседневном общении с окружающими акцентировать зависимые (З+) ($r = 0,63, p < 0,007$) и подавлять агрессивные (А —) ($r = -0,36, p < 0,049$) тенденции. Соответственно редкое использование неадаптивных стратегий выхода из жизненных трудностей (Н —) указывает на predisposedность таких девочек быть в контексте коммуникативной повседневности повышенно агрессивными (А+) ($r = -0,36, p < 0,049$) и независимыми (З —) ($r = 0,63, p < 0,007$) по отношению к партнерам по взаимодействию.

Активное использование в трудных ситуациях стратегий относительно адаптивного типа (О+) сочетается со склонностью занимать зависимую позицию по отношению к партнерам по повседневному общению (З+) ($r = 0,36, p < 0,047$).

Анализ результатов проведенного исследования даёт основание заключить, что затрудненность психического развития в детские годы и последующая компенсация этой затрудненности оказывают значимое влияние на операционально-поведенческий (социально-коммуникативные умения) и ресурсно-мобилизационный (копинг-стратегии) компоненты социально-коммуникативной компетентности личности в старшем подростковом возрасте. Наиболее ярко данное влияние проявляется не столько на уровне того или иного ком-

понента, сколько в характере их взаимосвязи и взаимодействия между собой. У подростков с компенсированной затрудненностью психического развития рассматриваемые компоненты социально-коммуникативной компетентности тесно взаимосвязаны и активно взаимодействуют между собой, в отличие от возрастано-нормативных сверстников, у которых данные регулятивные образования функционируют практически автономно.

Это может рассматриваться как свидетельство того, что ситуации повседневного общения представляют для «особых» подростков большую трудность, чем для их «обычных» сверстников (что и приводит к более активному задействованию копинг-ресурсов для построения обыденных контактов). Также «особые» подростки чаще и активнее используют свои коммуникативные умения в ситуациях преодоления жизненных трудностей. Сами же трудные жизненные ситуации видятся этим подросткам как коммуникативно-опосредованные и потенциально разрешимые путем общения с другими людьми, так или иначе вовлеченными в эти ситуации.

Выявленные особенности социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий конкретизируют существующие в современной психологической науке представления о феноменологии, закономерностях и механизмах влияния затрудненности психического развития в детские годы на регуляцию социальных контактов и взаимодействия личности на более поздних этапах жизненного пути. Полученные данные позволяют существенно уточнить ориентировочную основу разработки и реализации программ психологической поддержки и развития подростков с компенсированной затрудненностью психического развития в качестве субъектов компетентного социального поведения и межличностного общения.

Библиографический список

1. Водопьянова Н. Е. 2009. *Психодиагностика стресса*. СПб.: Питер.
2. Калинина Н. В. 2006. *Психологическое сопровождение развития социальной компетентности школьников*: автореф. дис.... д-ра психол. наук. Самара: Самарский гос. пед. ун-т.
3. Комкова Е. И. 2008. *Когнитивно-личностное развитие ребенка в процессе его социализации* // Современные проблемы психологии личности: теория и практика: сб. науч. ст. М.: Психологический ин-т РАО.
4. Крюкова Т. А. 2004. *Психология совладающего поведения*. Кострома: Авантитул.
5. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьша В. М. 2002. *Межличностное общение*. СПб.: Питер.
6. Куфтык Е. В. 2012. *Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте* // Психологические исследования: электрон. науч. журн. № 2 (22). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/656-kuftyak22.html>
7. Лишин О. В. 2007. *Современный подросток и его особенности* // Мир психологии. № 4.

8. Нартова-Бочавер С. К. 1997. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. Т. 18. № 5.
9. Петровская Л. А. 2007. *Общение — компетентность — тренинг*: Избр. психол. тр. М.: Смысл.
10. *Подросток на перекрестке эпох: Проблемы и перспективы социально-психологической адаптации подростков*. 1997 / под ред. С. В. Кривцовой. М.: Генезис.
11. *Практическая психология образования*. 2004 / под ред. И. В. Дубровиной. СПб.: Питер.
12. Стрельцова И. П. 2003. *Представления подростков и юношей о трудных ситуациях и стратегиях совладающего поведения в них*: автореф. дис.... канд. психол. наук. М.: Психологический ин-т РАО.
13. Филипиди Т. И. 2012. *Социально-коммуникативная компетентность подростков с компенсированной затрудненностью психического развития: личностно-регуляторный аспект* // Российский научный журнал. № 4 (29).
14. Филипиди Т. И., Флоровский С. Ю. 2011. *Профессиональные представления подростков с компенсированной затрудненностью психического развития* // Динамика профессиональных представлений в онтогенезе: сб. науч. ст. Междунар. интернет-конф./под ред. Е. И. Рогова. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ.
15. Филипиди Т. И., Флоровский С. Ю. 2012. *Преодоление трудных ситуаций подростками с компенсированной затрудненностью психического развития* // Человек. Сообщество. Управление. № 2.
16. Эльконин Д. Б. 1989. *Проблема периодизации психического развития в детском возрасте* // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика.
17. *Children's and Social Competency: Arenas of Action*. 1997 / eds. I. Hutchby, J. Moran-Ellis. New York; London: Falmer Press.
18. Kanning U. P. 2005. *Soziale Kompetenzen*. Göttingen; Bern; Wien: Hogrefe.
19. Lazarus R. S., Folkman S. 1984. *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer.
20. Michelson L., Sugai D. P., Wood R. P., Kazdin A. E. 1983. *Social Skills Assessment and Training with Children: An Empirically Based Approach*. New York: Plenum Press.
21. Rubin K. H., Rose-Krasnor L. 1992. *Interpersonal Problem Solving and Social Competence in Children* // Handbook of Social Development: A Lifespan Perspective/eds. V. B. Van Hasselt and M. Hersen. New York: Plenum Press.
22. Semrud-Clikeman M. 2007. *Social Competence in Children*. New York: Springer Science Business Media.
23. Schneider B. H. 1993. *Children's Social Competence in Context: The Contributions of Family, School and Culture*. New York: Pergamon Press.
24. Wallach M. A., Kogan N. 1965. *Modes of Thinking in Young Children: A Study of the Creativity/Intelligence Distinction*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
25. Wrubel J., Benner P., Lazarus R. S. 1981. *Social Competence from the Perspective of Health and Coping* // Social Competence/eds. J. D. Wine and M. D. Smye. New York: Guilford Press.

Статья поступила в редакцию 10.12.2013.

INTERRELATION OF SOCIO-COMMUNICATIVE SKILLS AND COPING STRATEGIES OF TEENAGERS WITH COMPENSATED DIFFICULTIES OF PSYCHOLOGICAL DEVELOPMENT

T.I. Filipidi, S. Yu. Florovsky

Tatyana I. Filipidi, top-qualification speech pathologist, Kuban State University, Chair for Social psychology and sociology, degree seeker. E-mail: lugua@mail.ru.

Dr. Serguey Yu. Florovsky, Cand. Sci. (Psychology), Kuban State University, Chair for Social psychology and sociology, Assist. Prof. E-mail: florowsky@mail.ru.

The article discusses the results of the research of socio-communicative skills and coping strategies of teenagers with compensated difficulties of psychological development. These regulatory formations are interpreted correspondingly as operational-behavioral and resource-mobilization components of the teenagers' under consideration socio-communicative competence. The difficulty of psychological development in childhood with the following compensation are shown to significantly, functionally and polysemantically influence the named subsystems of regulating interpersonal communication and social behavior in late teenager age. A set of reciprocal predictory interrelations between socio-communicative skills and coping strategies is registered for teenagers with difficulties of psychological development.

Teenager boys with compensated difficulties of psychological development in communication are a bit more aggressive, less competent in conversation situations and are more inclined to react at requests from the other people and less inclined to dependent behavior.

The girls of the group are a bit more competent in conversation than "normal" girls of the same age, more often take dependent position in conversation and requests addressed to them, but more aggressive being negatively evaluated by the environing people. In difficult situations the boys and the girls with compensated development delay more actively apply adaptive coping strategies, the girls of the group use emotional strategies rather often.

Generally, the teenagers of psychological development delays more often and more actively apply their communicative skills in the situations of overcoming life difficulties. For the teenagers of this group the considered components of socio-communicative competence are closely connected and actively interact unlike for the "normative" teenagers of the same age, whose regulatory formations under consideration function about autonomously.

Key words: socio-communicative skills, coping strategies, interpersonal communication, social behavior, teenagers, difficult psychological development.

References:

1. Vodopyanova N.E. 2009. *Psikhodiagnostika stressa (Psychodiagnostics of stress)*. St. Petersburg: Piter.
2. Kalinina N. V. 2006. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie razvitiya sotsialnoy kompetentnosti shkolnikov: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. Nauk (Psychological support of social competence development for schoolchildren, Cand.Sci. Diss. Abstr.)*. Samara, Samara State Pedagogical University.
3. Komkova Ye.I. 2008. *Kognitivno-lichnostnoe razvitie rebionka v protsesse ego sotsializatsii, Sovremennye problemy psikhologii lichnosti: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statey (Cognitive-personal development of a child in the process of his/her socialization, Modern problems of personal psychology: theory and practice: collection of research articles)*. Moscow, Rus. Ped. Acad. Institute of psychology.

4. Kryukova T.L. 2004. *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya (psychology of coping behavior)*, Kostroma, Avantitul.
5. Kunitzyna V.N., Kazarinova V.N., Pogolscha V.M. 2002. *Mezhlichnostnoe obschenie (Interpersonal communication)*. St. Petersburg: Piter.
6. Kuftyak E.V. 2012. *Faktory stanovleniya sovladayushchego povedeniya v detskom i podrostkovom vozraste, Psikhologicheskie issledovaniya (Factors of establishing coping behavior in infantile and teenager age, Psychological researches)*, № 2 (22). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/656-kuftyak22.html>
7. Lischin O.V. 2007. *Sovremennyy podrostok i yego osobennosti, Mir psikhologii (A modern teenager and his/her peculiarities, The world of psychology)*. № 4.
8. Nartova-Bochaver S.K. 1997. *"Coping behavior" v sisteme poniatii psikhologii lichnosti, Psikhologicheskii zhurnal (Coping behavior in personal psychological system of notions, Journal of Psychology)*. v.18. No.5.
9. Petrovskaya L.A. 2007. *Obschenie — kompetentnost — trening (Communication — competence — training)*, selected psychological works, Moscow, Smysl.
10. *Podrostok na perekrestke epoch: Problemy i perspektivy sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii podrostkov (A teenager at the crossroads of ages: the problems and prospects of psychological adaptation of teenagers)*, ed. by S.V. Krivtsovoy. 1997. Moscow, Genezis.
11. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya (Practical psychology of education)*, ed. by I.V. Dubrovinoy. 2004. St. Petersburg, Piter.
12. Streltsova I.P. 2003. *Predstavleniya podrostkov i yunoshey o trudnykh situatsiyakh i strategiyakh sovladayushchego povedeniya v nikh: avtoref. dis. ... cand. psikh. nauk (Teenager and adolescent imaginations of difficult situations and strategies of coping behavior in them, Cand. Sci. Diss. Abstr.)*. Moscow, Rus. Ped. Acad. Institute of psychology.
13. Filipidy T.I. 2012. *Sotsialno-kommunikativnaya kompetentnost podrostkov s kompensirovannoy zatrudnennostyu psikhicheskogo razvitiya: lichnostno-regulatsionnyy aspekt, Rossiyskiy nauchnyy zhurnal (Socio-communicative competence of the teenagers with psychological development delay: personal-regulatory aspect, Russian Scientific Journal)*. № 4 (29).
14. Filipidy T.I., Florovski S.Yu. 2011. *Professionalnye predstavleniya podrostkov s kompensirovannoy zatrudnennostyu psikhicheskogo razvitiya, Dynamika professionalnykh predstavleniy v ontogeneze: sbornik nauchnykh statey Mezhdunar. Internet-konf. (Professional imaginations of teenagers with compensated psychological development delay, The dynamics of professional imaginations in ontogenesis, Collected research articles, Intl. Internet conference)*, ed. by E.I. Rogova. Rostov-on-Don, Southern University North-Caucasus Research Center of Higher Education.
15. Filipidy T.I., Florovsky S.Yu. 2012. *Preodolenie trudnykh situatsiy podrostkami s kompensirovannoy zatrudnennostyu psikhicheskogo razvitiya, Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie (Overcoming difficult situations by teenagers with compensated psychological development delay. Human. Society. Management)*. No.2.
16. Elkonin D.B. 1989. *Problemy periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste (The problems of infantile psychological development periodization)*, Elkonin D.B. *Izbrannye psikhologicheskie Trudy (Selected psychological works)*. Moscow, Pedagogika.

17. *Children's and Social Competency: Arenas of Action*. 1997/eds. I. Hutchby, J. Moran-Ellis. New York; London: Falmer Press.
18. Kanning U.P. 2005. *Soziale Kompetenzen*. Göttingen; Bern; Wien: Hogrefe.
19. Lazarus R.S., Folkman S. 1984. *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer.
20. Michelson L., Sugai D.P., Wood R.P., Kazdin A.E. 1983. *Social Skills Assessment and Training with Children: An Empirically Based Approach*. New York: Plenum Press.
21. Rubin K.H., Rose-Krasnor L. 1992. *Interpersonal Problem Solving and Social Competence in Children* // *Handbook of Social Development: A Lifespan Perspective*/eds. V.B. Van Hasselt and M. Hersen. New York: Plenum Press.
22. Semrud-Clikeman M. 2007. *Social Competence in Children*. New York: Springer Science Business Media.
23. Schneider B.H. 1993. *Children's Social Competence in Context: The Contributions of Family, School and Culture*. New York: Pergamon Press.
24. Wallach M.A., Kogan N. 1965. *Modes of Thinking in Young Children: A Study of the Creativity/Intelligence Distinction*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
25. Wrubel J., Benner P., Lazarus R.S. 1981. *Social Competence from the Perspective of Health and Coping* // *Social Competence*/eds. J.D. Wine and M.D. Smye. New York: Guilford Press.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

Порядок приема и рецензирования рукописей

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов). Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится рецензирование представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

В случае принятия статьи к печати и включения её в план издания с автором (-ми) заключается договор об оказании услуг по подготовке статьи к публикации.

HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT INFORMATION FOR THE AUTHORS

.....

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labour psychology, psychology of development, etc.

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon–Fri, 10 am–5 pm).

How the articles are accepted and revised

Research articles, reviews and surveys are accepted, not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as an attached Word for Windows document to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru. (please e-mail at both accounts). Only distinct articles are considered unpublished earlier. In 5 days upon the arrival of the article at the editor's office the applicant receives an acknowledgement letter informing him/her that the article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Drs. Sci. and Profs., reviewing articles double-blindly. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. During the following 30 days the applicant is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with the text of the review but informs him/her if the revision is necessary.

In case the article is admitted and included in a publication plan, the editor's board contracts with the author/s on preparation of the article for publishing.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных. Правила оформления:

В тексте: [Козер, 2000, с. 68].

В библиографическом списке: Козер Л. 2000. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-пресс.

В ссылке допускается сокращать длинные заглавия, обозначая опускаемые слова многоточием с пробелом до и после этого предписанного знака:

В тексте: [Политика развития..., с. 120].

В библиографическом списке: *Политика развития и политико-административные отношения: сборник статей*. 2009. Краснодар: КубГУ.

Если ссылку приводят на многостраничный (многотомный) документ, в библиографическом списке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т.п.). Если в списке литературы перечисляется несколько работ одного автора за один и тот же год, следует к году приписать литеры: а, б, в и т. д. В литературе на других языках добавляются латинские буквы: а, b, c. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, их разделяют точкой с запятой:

В тексте: [Сморгунов 2012а; Сморгун 2012б].

В затекстовой ссылке: Сморгун А.В. 2009а. *Интеллектуал в политике и необходимость политической философии* // Политическая наука. № 4: Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования. М.: ИНИОН.

Сморгунов А.В. 2009б. *Положение политических наук в Санкт-Петербургском университете в XIX в.* // Политическая экспертиза. № 4.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800–1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

HOW TO FORMAT AN ARTICLE

Author's/s' information. The attachment must include the data on the author/s: full name, scientific degree, scientific title, place of work and position, telephone Nos., e-mail-s, and address.

Formatting the references. The author must refer to the sources of citation/s, statistics and other information. The references are listed at the end of the article as *References*, where the sources are alphabetically listed with a No. for each. In the description of a reference a place of edition must be present with the publishers' name (except for periodicals), and the year of publishing. First Russian-language sources must be listed followed by foreign ones. How to format a reference:

In the text body: [Kozler, 2000, p. 68].

In the References list: Kozler I. 2000. *The Functions of a social conflict*. M.: Idea-Press.

It is allowed in the text body to cut long names of sources by replacing the omitted with elision marks spaced before and after them:

In the text body: [The policy of the development..., p. 120].

In the References list: *The policy of the development and political-administrative relations: collected articles*. 2009. Krasnodar: KubSU.

If a multiple-volume/part document is referred to, there author must indicate the name and the No. of the volume/issue/part, etc. If the References lists several works of an author in the same year, it is necessary to note the year with a letter character: a, б, в, etc. If the references are foreign-language, Latin characters are used: a, b, c. If the reference is about several post-textual reference links, the latter must be divided by semicolon:

In the text body: [Smorgunov 2012a; Smorgunov 2012б].

In a post-textual reference link: Smorgunov L.V. 2009a. *An Intellectual in Politics and the Need for Political Philosophy* // Political Science. No. 4: Ideas and symbols in politics: Methodological problems and contemporary researches. M.: INION.

Smorgunov L.V. 2009б. *The situation in the political sciences in St. Petersburg university in 19th century* // Political survey. No. 4.

The editor's board reserves the right to send an article back to format the references according to the standard presented.

Abstract. The article must include an article's insightful abstract not more than 800 – 1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, reference list transliterated in Latin characters and translated into English.